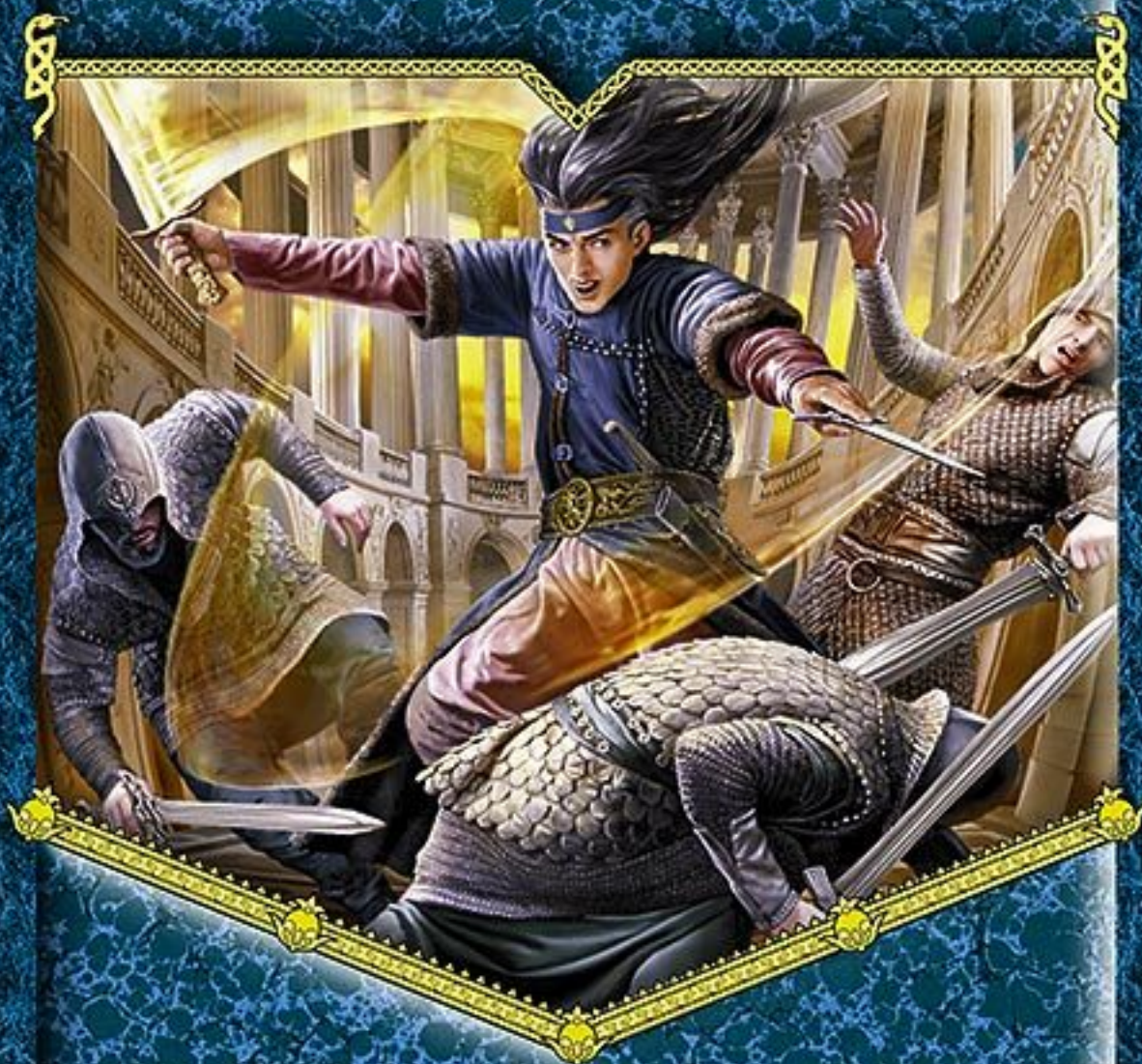

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Анна ВИОР

ЛЕГЕНДА О СВОБОДЕ.
МАСТЕР ПУТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Анна Виор
Легенда о свободе. Мастер Путей
Серия «Легенда о свободе», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9508074

Легенда о свободе. Мастер Путей: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-1915-9

Аннотация

Он был рабом и мечтал о свободе, ныне он Правитель наиболее влиятельного в этом мире государства – Тарии. Кроме того, он – Мастер Путей, для которого почти нет ничего невозможного... Но обрел ли он истинную свободу и может ли дать ее другим?

Вирд противостоит древнему, возродившемуся из небытия злу, пробужденному предателями. И есть только одно, чего он по-настоящему боится – потерять любимую. Любую цену готов он отдать за ее жизнь, но не слишком ли высока эта цена?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 7	58
Глава 8	64
Глава 9	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Анна Виор

Легенда о свободе. Мастер Путей

Пролог

По собственному выбору

1

Эрси брел по хорошо утоптанной грунтовой дороге. Ноги уже не так гудели, как поначалу. Он привык. Конечно, можно было бы прихватить с собой лошадь, но наездник из него никудышный, да и за животным нужно смотреть: чистить, кормить, а Эрси лошадей как-то побаивался.

Лошадь нужна тому, кто спешит, а он не торопится никуда, так как не знает, куда идет... Просто на юг. Поначалу он шел на восток: вставал на заре и брел, не различая ничего первые несколько часов, так как утреннее солнце слепило ему глаза. Но сейчас – на юг.

На нем была простая одежда: сорочка, брюки, куртка и добротные туфли. В рюкзаке за спиной одеяло, кое-какая сменная одежда и запасы продовольствия. А еще у него есть достаточно пламенной монеты, да и огоньков с искорками хватает, – если еда закончится, он купит все что нужно в поселениях, встречающихся на пути. Ограбления Эрси не боялся – Тария все-таки страна безопасная, даже для одинокого и небедного путника. Хотя в первые дни своего путешествия Эрси чувствовал себя потерянным ребенком, оставленным родителями посреди базарной площади. Но теперь привык. На юг... на юг... Все свободные птицы летят на юг...

Солнце было уже довольно высоко и припекало, благо зима закончилась. И хотя в южной Тарии зима мягкая, она все же не так приветлива для путешественника, которому частенько приходится ночевать под открытым небом, как того хотелось бы.

Эрси свернул с дороги, заметив подходящее для отдыха место. Зеленая трава здесь буйно разрослась, устилая все вокруг мягким ковром. Он огляделся по сторонам в поисках камня или ствола дерева, – сидеть на земле Эрси не очень-то любил. Пора отвыкать от глупых привычек: в этот раз придется садиться на траву – кресла здесь нет... да что кресла – жесткого треного табурета – и того нет... Путник вытащил из рюкзака и расстелил одеяло, затем извлек хлеб, солонину и небольшую луковицу, следом – карту.

Одновременно набивая рот нехитрой едой и прихлебывая большими глотками ключевую воду из фляги, Эрси развернул желтоватую плотную бумагу и стал разглядывать схематические изображения гор, рек, дорог, холмов и городов.

Где он сейчас находится? Сам же свернул с мощеного широкого тракта, а теперь вот не знает куда забрел... Присмотрев название городка, в котором побывал неделю назад и откуда шел дальше уже по грунтовой дороге, Эрси ободрился, даже обрадовался. Он затолкал в рот мешавший руке кусок солонины и стал вести пальцем по полоске на карте, обозначающей тракт – тот (как Эрси надеялся), по которому он сейчас путешествует.

Вот: совсем недалеко отсюда – он дойдет туда уже к вечеру, – город, небольшой, но и не деревушка – Гирсен. Когда-то давно он бывал в нем. Там Эрси купит себе немного овощей и поест нормально в одном из трактиров, а то от солонины уже воротит. Да и выспаться можно в гостиничной комнате.

¹ В романе использованы стихи автора.

С хорошим настроением он бодро зашагал по дороге к Гирсену, планируя на ходу покупки, расходы, подбивая баланс оставшихся у него монет.

Местность изменилась, редкие рощицы исчезли вовсе, предоставив место невысоким, покрытым цветущими травами холмам. И среди этого буйства зелени – нигде не видно никакого города!

Солнце уже клонилось к закату, когда Эрси заметил расположившиеся у подножия холма несколько домиков, утопающих в цветущих деревьях. На Гирсен это не похоже... совсем не похоже.

Разочарованно взирая на деревушку, Эрси остановился, вновь стянул с себя рюкзак, вновь развернул карту... Неужели он ошибся? На юге от дороги только эта вот деревушка, а сама дорога дальше сворачивает на запад... а не так, как на карте... «Карты – это не мое! – раздраженно думал Эрси. – Строить планы – это тоже не мое! Что же сейчас... мое?..» Он нервно свернул плотную бумагу, почти смял, засунул обратно в рюкзак и стремительно зашагал к поселению, надеясь, что пока он туда доберется, гнев и раздражение поутихнут. Видно, зря надеялся, потому что когда он окликнул встретившегося ему первым в поселении крепкого мужчину возгласом: «Добрый человек!» – тот шархнулся от него.

Эрси сделал усилие над собою и смягчил тон:

– Добрый человек, где тут у вас гостиница?

Мужик оглядел его с ног до головы и ответил не сразу, будто мозги в узколобом черепе поворачивались слишком медленно:

– А ты чей такой будешь, юноша?

Эрси вымещал раздражение на собственных руках, заламывая пальцы, но ответить все же сумел спокойно:

– Меня зовут Эрси Диштой, я издалека. Путешествую. Думал, что приду в Гирсен, а оказался здесь...

Мужик присвистнул:

– Гирсен!.. Где мы, а где Гирсен – до него неделю топать... Это кто ж тебе так дорогу показал?

– Так что это за деревушка? И есть ли здесь приличная гостиница... – настаивал на ответе Эрси, добавив сквозь зубы: – Добрый человек?..

– Это Большие Луга, юноша. А гостиницы у нас отродясь не было, ни приличной, ни уж тем более неприличной.

Эрси заиграл желваками. Что ж не везет-то так?!

– Где же мне переночевать? Я могу заплатить.

Мужик отмахнулся от него огромной ручищей:

– На что мне твои деньги в таком захолустье? Мне год надо ждать, пока выберусь в город и смогу их потратить. А вот вдове Ришке деньги быгодились. У нее сын больной очень, вот она и собирает искорку к искорке. Уже лет двадцать – сколько сыну, столько и собирает... Говорит: «Поеду в столицу, заплачу Мастерам Силы, и они его исцелят». За хорошие деньги исцелят, конечно. Как пить дать исцелят!

– Мастерам Силы не позволено брать деньги за использование Дара, – пробормотал Эрси, но мужик его будто и не слышал. Да и какое ему дело. Жили здесь люди до него и будут жить после него. Будут строить планы, ворочая своими куриными мозгами со скоростью убегающей улитки... А у него дорога – своя.

– Иди вон туда, – мужик указал на небольшой покосившийся дом почти на самой окраине, – скажешь вдове, чтоб не боялась тебя пускать: мол, проверил тебя староста. А если что плохое ей сделаешь или не заплатишь... я тебя... – Он угрожающе бухнул здоровенным кулаком по раскрытой ладони.

Эрси взглянул на него снизу вверх, усмехнулся, думая: «И не такие угрожали...» – и, ничего не сказав, побрел к дому вдовы.

Внутри убогое это жилище было еще более скромным, нежели снаружи: побеленные стены и потолок, грубо сколоченные деревянные лавки, всего одна комната. В углу за вязанием сидела не старая еще женщина – вдова Ришка, стало быть. А на лежанке напротив растянулся некрасивый и нескладный паренек лет двадцати. Эрси заметил, что одно плечо у того неестественным образом поднято намного выше, чем другое, левая рука, скрюченная и ссохшаяся, плотно прижата к туловищу. Эрси невольно поморщился и отвернулся от калеки, приветствуя вдову:

– Госпожа Ришка! Примите меня на постой! Я переночую и завтра отбуду... с утра. Заплачу вам огонек – чистое серебро! – Вдова, скорее всего, заметила, как он морщился, глядя на больного ее сына, и смотрела на Эрси с печальным упреком в глазах. Чтобы уменьшить ее сомнения, Эрси поспешил добавить: – Староста меня проверил: сказал, если что – голову мне оторвет...

– Как тебя зовут, сынок?

Эрси никак не мог привыкнуть, что люди старше сорока обращаются к нему со снисходительностью, присущей повидавшим на своем веку старикам по отношению к неразумному юноше.

– Эрси Диштой, – ответил он, подавляя раздражение и теребя локон у виска.

– Что ж, Эрси, входи. Мы с Бини, – она указала на сына, – рады будем твоему обществу. Бини мой болен... ты уж его прости – он не может встать, чтобы тебя поприветствовать. Но ничего, все равно гостю мы рады. Живем тихо, скучно, новостей не слышим. Мы тут, в Больших Лугах, так и обитаем всю жизнь. А ты откуда будешь? Какое твое занятие, Эрси?

– Я... – он замялся. В разных городах Эрси представлялся по-разному, то горшечником, то торговцем, то крестьянином, но все эти занятия ему не подходили, так как он очень смутно представлял себе, в чем, собственно, они заключаются... Что у него было? Знания... пожалуй, только это. – Я учитель. Но сейчас я путешествую.

– Учитель? Такой молодой? Наверное, недавно стал Мастером?

– Я не Мастер! – поспешно воскликнул Эрси, этот допрос стал его раздражать. – Так вы позволите остаться?

– Да, конечно... Только кровати у меня еще одной нет...

Ни искры, ни пламени! Придется спать на полу! Как же у него болят бока!

Эрси с облегчением снял со спины тяжелый рюкзак и поставил у стены. Он нашел глазами свободный табурет и уселся, не зная, чем теперь заняться. «Хоть бы поесть чего предложила...» – думал он.

Женщина, словно прочитав его мысли, встала и направилась к плите, приговаривая:

– Пора бы и поужинать. Я сейчас приготовлю. Может, что интересное расскажешь нам, Эрси? Мы ведь нигде не бываем. А в столице ты был?

Обездоленный ее сынок криво и глупо улыбался – наверное, ко всему прочему, еще и дурачок...

– Был... давно... – нехотя отвечал Эрси. Чего-чего, а развлекать эту семейку беседой весь сегодняшний вечер ему хотелось меньше всего. Но, видно, придется. Назвался учителем – изволь, учи, делись накопленными знаниями!

Эрси принялся нервно барабанить пальцами по сиденью табурета, припоминая что-нибудь интересное. Ну и не такое, что повергнет в шок бедную вдову... Не станет же он ей рассказывать, что в Городе Семи Огней теперь новый Верховный, который к тому же еще и Мастер Путей, или то, что половину Совета Семи сменили... А о Древнем... (Эрси сглотнул, подумав о нем) так и вовсе упоминать нельзя ни в коем случае.

– Есть там... такой Ма... Мастер, что смог... бы меня... и-и-исцелить? – вдруг спросил, заикаясь и нечетко выговаривая слова, больной.

– А мне откуда знать?! – слишком поспешно и слишком резко ответил Эрси, чем снова заслужил неодобрительный укоризненный взгляд вдовы.

– Может, и есть... – сказал он более спокойно. Нужно быстрее думать, он сам должен выбрать тему для беседы. – Про войну с Арой вы слышали?

– Доходили слухи, – бросила женщина, подкладывая в разгорающийся очаг дрова. – Закончилась уже эта война?

– Да. Закончилась...

Так дорого за скромный ужин: тарелка супа да краюха хлеба, Эрси еще не платил! У него болел язык от того, что пришлось болтать без умолку весь вечер. Ему пришлось рассказывать обо всем на свете, начиная от географии Астамисаса и заканчивая сведениями о политическом устройстве и основополагающих законах тарийского государства, он не переставал удивляться невежеству этих провинциалов. Они искренне полагали, что в Тарии всем заправляет именно Король-Наместник, а вовсе не Малый Совет с Верховным во главе; думали, что Одаренные никогда не умирают; что эффы – это такие крылатые твари, вроде драконов; что грядя Сиодар гораздо меньше по протяженности и ниже Фа-Ноллских гор; что Ара населена чернокожими, и так далее в том же духе... Подобной ерундой были забиты их бедные головы по самое не хочу. В какую же дыру его занесло!? Вот зря он свернул тогда с мощеной дороги... Впрочем... он ведь и хотел уйти как можно дальше...

Когда Эрси, наконец, обессиленно умолк, полагая, что из него и пытками уже не вытянешь не единого слова, Ришка с этим ее увечным сыном вновь вернулись к излюбленной теме: «А есть ли такой Мастер в столице, что исцелит калеку? И сколько будет это стоить?»

Слабым уставшим голосом Эрси вынужден был им ответить:

– Денег за исцеление с вас не возьмут. Но сделать это очень трудно... Нужна большая Сила... – «Хотя, – думал про себя Эрси, – новому Верховному, судя по его подвигам, такое исцеление дастся не сложнее, чем щелчок пальцами... – И Эрси в самом деле непроизвольно щелкнул пальцами в подтверждение собственных мыслей. – Но у него сейчас, должно быть, забот полон рот – не до больных провинциалов... Ждали двадцать лет и еще подождете!»

– Но я слышала, что в Городе Огней есть один Целитель – очень сильный! Он – Советник! – проявила вдова необычайную осведомленность. – Я даже имя его попросила записать... Вот... сейчас...

Она встала, принялась рыться в каком-то сундуке, наконец, извлекла оттуда пожелтевший сложенный в несколько раз листок и протянула Эрси со словами:

– Сама-то я читать не умею... Но боялась забыть это имя... Или неправильно сказать, когда приду в столицу. Думала, покажу бумажку грамотным людям, они мне и укажут, как его найти. Но ты-то – учитель, Эрси! Прочти! Вслух прочти! Чтоб я знала, как правильно.

Эрси без какого-либо желания развернул листок и прочел вначале про себя, затем вслух, как и просила женщина:

– Советник Годже Ках... – Нужно ли ей сказать, что такого Советника больше нет? Или пусть живет ее надежда... Может, когда-нибудь она и вправду дойдет до Города Семи Огней с этим калекой...

Женщина вслушивалась в прочтенное имя, как в музыку, завороченно повторяла его, а настроение Эрси окончательно испортилось: он угрюмо извлек из рюкзака свое одеяло и молча принялся укладываться спать на жестком земляном полу.

Эрси услышал сдавленный стон, затем еще один – громче. Не понимая, происходит это во сне или наяву, он вскочил прямо на ноги с лежачего положения, ошалело оглядел незнакомую комнату и только минуту спустя вспомнил, что он в доме у вдовы Ришки. Жалобные

стоны продолжали доноситься из угла комнаты, где располагалась лежанка Бини – несчастного ее сына.

В свете лучины Эрсси разглядел, что сын вдовы изогнулся на постели в приступе боли, а сама она пытается ему помочь, придерживая здоровую правую руку, которой тот молотил по лежанке, и смачивая ему лицо влажной тряпицей.

«Не мое это дело... – раздраженно подумал Эрсси. – И зачем только я напросился на ночлег к этой вдове и малахольному ее сыну?! Лучше уж было заночевать в поле! По крайней мере, я бы выспался!»

Эрсси лег на свое место, отвернулся, укрылся с головой. Полежал с минуту. Затем резко откинул одеяло, вновь вскочил на ноги и, подойдя к вдове, сказал:

– Слушай меня внимательно, женщина! – Его голос звучал довольно грубо, но Эрсси это мало сейчас заботило.

У больного было временное послабление, он тяжело дышал, но рукой как лопастью мельницы больше не вертел, и его мать могла обернуться к гостю и выслушать.

– Когда я закончу, со мной будет происходить... нечто подобное... Мне будет очень... плохо. Но ты ничего не делай и никого не зови! Поняла?

Конечно же она не поняла, ничего не поняла! Он вытянул из кармана куртки кусок кожаного ремня с завязками на концах, закусил его в зубах, затянул концы на затылке, и со вздохом отстранив мать, подошел к Бини.

«По крайней мере, сейчас я делаю это добровольно... Никто меня не заставляет, и это мой выбор, собственный выбор... Но почему ж, ни искры, ни пламени, так дорого нужно платить за этот выбор?!»

Он протянул руки к парню, сам изогнулся от боли, мучившей больного, почувствовал выгнутый, будто кривая спираль, изувеченный позвоночник, сухую недоразвитую руку, выкрученные колени, поврежденные участки мозга... Он выпустил лазурные потоки, которые практически творили этому мальчишке новое тело: здоровое и сильное... И, наверное, впервые в жизни он почувствовал удовлетворение и покой от того, что делал... делал по своей воле, а не идя на поводу у страстной жажды своего Дара.

Когда он закончил, как и ожидалось, неистовой силы отток сбил его с ног, сжал в тисках, сотряс в судорогах... Но Эрсси Диштой исцелял теперь по собственному выбору, а не как Годже Ках, которым он когда-то был... Он потерял сознание.

Глава 1

Штиль

Хатин Кодонак

Пятьдесят четыре непривычно коротко стриженных Одаренных стояли навтыжку перед Кодонаком: двадцать – «прыгуны», у остальных Дар Оружия. Даже с десятков Лучников отыскалось... Тайные. Хотя какие они теперь тайные, если всем в Городе Огней известно о Мастерах Силы, которые не обучались в Академии, не повязывали д'кажа и не демонстрировали всем свою причастность к имеющим Дар длинными волосами... Это те, кто не связал себя Кругом: они служили Верховному Атосаалю, теперь готовы служить Верховному Фаэлю. Что с ними делать? Их командиры, как и ожидалось, исчезли вместе с продавшимися Древнему. Эти пятьдесят четыре – так, мелкая сошка... И уровень контроля Дара у них оставляет желать лучшего. В зачистке Золотого Корпуса в старой резиденции они не участвовали, многие были в то время в цитадели Шай, поэтому Кодонак мог сейчас на них смотреть спокойно.

Лица у всех непрошибаемые: ну хоть эмоции свои они умеют скрывать – уже замечательно... Взять их себе в Золотой Корпус? Но тогда Верховный останется без гвардии... Отдать Вирду? Непроверенных людей? Не дававших клятвы всех Одаренных, которую те произносят, становясь Мастерами? Клятву служить Тарии и людям, не имеющим Дара. Может, они тоже давали какую-то свою клятву? Тайную гвардию ведь ввел Атосааль, давно... тогда Хатин еще не подозревал, что у него Дар, а Эбонадо уже был Верховным... Следует признать, – как ни скверно все обернулось, а Эбонадо Атосааль – это целая эпоха в истории Тарии. Какую клятву тот заставил их произнести? Так что же с ними делать? Повязать им д'кажи? Хатин остановился перед высоким, почти одного с ним роста, молоджавым мужчиной. По седине в коротких каштановых волосах и в аккуратной бородке Кодонак сделал вывод, что этот старше других.

– Твое имя? – обратился к нему Хатин.

– Илтэс Таш.

«Таш? Знакомая фамилия...» – думал Кодонак и тут – вспомнил! Афэль Таш – так звали парня, которого заговорщики принесли в жертву, пробуждая Древнего. Дали в руки парню «кинжал смерти»... А Кодонак ведь и не догадывался, что такая пакость, заставляющая имеющего Дар Оружия убить самого себя, существует. «Нужно выяснить все сейчас, незачем оставлять за спиной лишние незаданные вопросы», – решил он.

– Ты знаешь Афэля Таша?

– Он мой сын! – ответил воин, глядя в глаза Кодонаку.

– Сколько тебе лет? – Седина появлялась у Одаренного обычно после ста пятидесяти, и в этом возрасте дети рождались уже далеко не у каждого.

– Сто двадцать семь, Советник Кодонак.

Хатин кивнул. Значит, это седина у него появилась рано, а не сын – поздно...

– Советник Кодонак, позвольте спросить? – отчеканил тем же тоном Таш.

– Спрашивай, если смогу – отвечу.

– Вам известно, где сейчас мой сын?

Такого вопроса Кодонак не ожидал. Илтэс Таш не знал? Да... впрочем, откуда тот мог знать? Вот же угораздило его спросить имя у первого попавшегося на глаза бойца... Теперь придется все объяснять отцу...

– Почему ты решил, что мне известно его местонахождение? – ответил Кодонак, просто для того, чтобы что-то сказать.

Взгляд Таша помрачнел, больше он ничем себя не выдал, и пояснил спокойно:

– Вы сами спросили, не знаю ли я Афэля Таша, вот я и подумал... Афэля забрал Верховный Атосааль, когда у сына только развернулся Дар. Он, должно быть, проходит обучение вместе с другими новобранцами.

Новобранцы... Эбонадо не только придумал Тайную гвардию и полностью подмял ее под себя. В последние годы он отслеживал всех, у кого разворачивался Дар Оружия, и допускал к обучению в Академии Силы лишь десятую их часть. Вот почему среди всех студентов сыскалось меньше двух десятков бойцов. Скорее всего, Исма помогал ему в этом: Силой Видения можно определить задатки Дара даже у ребенка. После бегства Атосааля и остальных Кодонак первым делом отыскал базу обучения этих новобранцев в Тайную гвардию и нашел там восемьдесят семь (только подумать!) слава Мастеру Судеб – несвязанных Одаренных с боевым Даром! В том числе и тридцать пять Лучников. Кроме них там тренировали сорок «прыгунов». Молодых людей переправили в Город Семи Огней, чтобы продолжить обучение здесь, и уже под руководством самого Хатина. Эти новобранцы восполняют потери Золотого Корпуса. Но те еще совсем юны – из них можно лепить что угодно, а вот эти... каковы они?..

– Илтэс Таш, – обратился к воину Кодонак. – Ты удержишься, у меня есть разговор к тебе.

Таш поклонился, дотрагиваясь ладонью до груди по военному обычаю. А Кодонак пошел дальше вдоль строя Тайных, размышляя о том, что скажет отцу трагически погибшего юного Афэля.

Вдруг все пятьдесят четыре бойца разом грохнулись на одно колено, склонили головы. Хатин обернулся к входной двери и увидел Вирда: тот был в длинном синем каме: немного оранжевой окантовки и золотой пояс с крылатым человеком на пряжке – вот и все украшения. Атосааль всегда предпочитал более яркие наряды. Не верилось, что он так молод... Казалось, что за месяц, прошедший со дня объявления его Верховным, Вирд стал старше лет на сто, не меньше... Его и до того пронзительные глаза стали еще острее. И юный возраст в среде Одаренных, на чьих лицах не отражается старость, в нем выдавала лишь короткая коса за спиной. Медальона Верховного на Вирде не было – этот атрибут власти прихватил с собою Эбонадо, но в руках Вирда-А-Нэйса перед Сияющим Престолом светились символы на Скипетре Силы – и это говорит о том, что он истинный Верховный.

Кодонак тоже склонил голову и коснулся пальцами меча на д'каже. Вирд ответил коротким кивком. Он окинул взглядом Тайных и направился к Кодонаку; выглядел юноша озабоченным.

– Что-то случилось, Верховный? – тихо спросил Хатин, когда Вирд приблизился.

Вирд хотел что-то сказать, уже открыл было рот, но тут остановился и резко обернулся, словно кто-то его окликнул.

– Встаньте, – мягко сказал он Тайным, что все еще стояли на одном колене. – Илтэс Таш – подойди.

Боец отделился от строя, направляясь к ним. Кодонак же гадал, чего хочет от Таша Вирд и почему именно этого человека он подозревал.

Верховный сделал шаг навстречу Ташу, положил правую ладонь тому на лоб и закрыл глаза. Из-под его руки сверкнул удивлением взгляд Тайного, затем Илтэс тоже зажмурился и застыл каменным изваянием. Остальные, в том числе и Хатин, смотрели на этих двоих в изумлении, задаваясь вопросом, что происходит. На несколько минут в зале воцарилась мертвая тишина, и резкий болезненный вздох Таша в этой тишине показался особенно громким и неприятным.

Илтэс отпрянул от Вирда, хватаясь одной рукой за голову, а другой за сердце и тяжело, безвольно осел прямо на пол. Верховный сделал шаг к бойцу, присел на корточки рядом и тихо произнес (слышал его, кроме Таша, только Хатин):

– Моего отца обманом заставили сделать Доа-Джот, инструмент для служения Древнему, а затем убили. Дар твоего сына, как и Дар моего отца, использовали, а их самих лишили жизни. Это больно. Но ты и я живы, чтобы не допустить подобного впредь.

С этими словами он поднялся, посмотрел на Тайных и вновь подошел к Кодонаку.

– Что ты сделал с ним? – Хатин никак не мог привыкнуть к тому, что с Вирдом нельзя ничему удивляться.

– Показал ему... как погиб его сын...

– Это... жестоко... – прошептал Кодонак, хотя сам был благодарен за избавление от роли вестника смерти.

– Нет. Это милость, – тихо возразил Вирд. – Я знаю... Мне нужно поговорить с тобой. Когда ты будешь свободен?

– Как только решу, что делать с этими Тайными.

– Повяжи им д'кажи, поставь над ними главного, и пусть продолжают делать то, что делали. Пусть охраняют Советников.

– Я бы поставил своих людей... – «Охранять Верховного и мирных Мастеров в Совете Семи... особенно Элинаэль, должны надежные люди», – думал Хатин.

– Они надежны... Но для охраны Советника Кисам поставь еще парочку своих. – Вирд улыбнулся уголками губ, прочтя, казалось, мысли Хатина. Мог он читать мысли?

В это время Таш поднялся с пола, чем привлек внимание Вирда, тот обернулся.

– Спасибо, Верховный... – Боец отсалютовал, приложив руку к груди, не пряча слез.

Неужели это действительно было милостью?

Вирд в ответ приложил руку к символам меча и Света на своем д'каже.

– Все свободны! – громко объявил Кодонак. – Завтра вы официально станете Мастерами Силы. Приказываю всем побриться и облачиться в кам по такому случаю.

– Да горит пламя Совета Семи и Верховного! – хором ответили Тайные и стройной шеренгой покинули зал.

– Ты хотел поговорить, Верховный? – спросил Хатин, едва они остались вдвоем в этом пустом и обширном помещении, находящемся в Здании Совета. Здесь можно было выстраивать отряды бойцов, но для разговора зал довольно неуютен. Вирд, вероятно, тоже это чувствовал, поэтому, положив руку на плечо Кодонаку, переместился в Тихий сад.

– Почему они не стали сражаться за Город, Хатин? – Вирд заговорил не сразу. Перед тем они минут десять молча прохаживались вдоль цветущих клумб, висячих и вьющихся растений. – Атосааль ведь собирался начать бой... Атаятан ему приказал? Может ли Древний воспользоваться телом любого человека?

Хатин тревожно взглянул на Вирда: сколько часов в сутки тот спит? Он выглядит измотанным. Он слишком переживает, думает, что теперь всю Тарию обязан нести в одиночку на своих плечах.

– Вирд, – Кодонак позволял себе обращаться так к нему наедине, – я задаю себе те же вопросы каждый день. Насчет того, что может Атаятан, а чего не может, лучше обратиться к Пророкам и Толкователям. Как бы там ни было, но мы должны подготовиться к обороне. Хорошо, что Древний дал нам это время.

– Но он тоже не станет сидеть без дела! – возразил Вирд. – Что он предпримет? На какой город нападет? Нужно ли создавать заслон с севера? Ведь вполне могло стать, что он давно переместился в совершенно противоположную часть мира?

– Логику Атаятана мне сложно понять. Они могли бы захватить Город еще тогда. У Эбонадо были все шансы. Если бы мы и выиграли, то с большими потерями. Но, по-видимому, планы Атосааля и планы Древнего не всегда совпадают. В одном я не сомневаюсь: на этом месте, где сейчас стоит Город Семи Огней, раньше был город Древнего, как поведал нам Абиля Сет, поэтому Атаятан непременно захочет вернуться. Бой за это место нам еще предстоит. И дай-то Мастер Судеб, чтобы мы были готовы к этому бою.

– Как подготовиться?! – Вирд спросил почти с мольбой в голосе. Юноша в отчаянье... не знает, что делать. Сердце Хатина сжалось, он понимал.

– Вирд. Ты усвоил, что должен взять на себя ответственность за всех и за все. Но есть еще вторая часть урока. Тебе нельзя все делать самому. Позволь каждому исполнить свою часть. Задай ритм, а другие подхватят. В одиночку ты, как Мастер Путей, можешь многое, но это лишь капля в море по сравнению с тем, что мы можем вместе. Я имею в виду всех Одаренных Тарии, кто не предался Древнему.

– Вы слишком рано сделали меня Верховным, – пробурчал Вирд.

– Да. Рано, – согласился Кодонак. – Это следовало бы сделать лет этак через сто. Как ты думаешь, Атаятан согласится поспать еще лет сто? Нужно будет написать ему письмо: мол, погоди, Древний, у нас Верховный еще слишком молод, а Мастеру Огней только семнадцать лет...

Вирд опустил глаза, упоминание о миссии Элинаэль всегда действовало на него отрезвляюще.

– Элинаэль нужно готовиться, и тебе тоже.

– Можно ли каким-нибудь способом избежать этого? – жалобно спросил Верховный.

– Что ты имеешь в виду?

– Не посылать Элинаэль... – Вирд с надеждой посмотрел прямо ему в глаза, и Кодонаку больше всего на свете хотелось ответить, что можно.

– Нет, Вирд. Она единственная Мастер Огней. А значит, рано или поздно она должна будет отправиться к Древнему и... сделать все как нужно... оставшись при этом в живых!

– Я тоже в каком-то смысле Мастер Огней! – возразил Вирд.

– Ты не Мастер Огней, Вирд. Нам не известно, как подействует на Атаятана твоя кровь. И, похоже, что даже самому Древнему это не известно. У нас будет только один шанс, и для этого нужна Элинаэль. Это не тот груз, который можешь нести вместо нее ты!

Они помолчали.

– Ей нужно время... чтобы подготовиться... – наконец произнес Вирд.

– Тебе тоже нужно подготовиться. Я понимаю, как тебе тяжело: даже просто думать, что Элинаэль окажется в опасности, станет рисковать жизнью!.. Но ты должен сделать это – отпустить ее в ее собственный бой. Будь готов, как будто это произойдет уже завтра.

– Еще не завтра!.. – взмолился Вирд, и Хатин искренне посочувствовал ему.

– Еще не завтра... – вздохнул Кодонак.

Они вновь замолчали. Вирд сел... скорее, упал на скамейку под раскидистым экзотическим деревом Фус, листья которого походили на перья. Родина таких деревьев – Ара, но здесь, в Тихом саду, что только не растет... Кодонак расположился рядом.

– Я не знаю, за что хвататься, Хатин... – признался Верховный. «И все-таки он слишком молод – думал Кодонак. – Да и то, что он Мастер Путей, сейчас больше мешает, нежели помогает. Он пытается сделать все в одиночку. Он то на плацу с Мастерами Оружия пробует свои силы, то спорит с Пророками и Толкователями, то старается укрепить стены города... Был бы у него один Путь, он следовал бы этому Пути, а к остальным делам применял бы не Силу Дара, а мозги... Но ожидать, пока Вирд повзрослеет, увы, времени нет...»

– Представь, что ты неодаренный, – посоветовал Кодонак.

Вирд удивился и уставился на него, ожидая ответа. У парня был сейчас такой беспомощный и изумленный вид, что Хатин не сдержал улыбки.

– Представь, что ты не владеешь ни одним Путем Дара, – повторил он, – что тебе недоступна Сила. Все, что ты можешь, это думать головой и приказывать другим сделать что-либо вместо тебя.

– И как это поможет?

– Представь и подумай, что бы ты сделал. Пойми, Вирд, Дары и так работают в тебе более чем хорошо. Ты лучший во всем! Но твоих рук не хватит. Если ты один – то ты проиграл. Если же ты окружен преданными и способными людьми – победа за тобой. Если бы ты был неодаренным, то иного выхода, как использовать других, у тебя попросту не было бы – ты ничего не мог бы сделать сам. Вот и задавай себе вопрос: «Кто это сделает?» – А ответ: «Я!» – заранее отклоняй.

– Советник Кодонак! – Похоже, Вирд злился. – Вы же все выбрали меня только потому, что я Мастер Путей! А теперь ты говоришь, что мне нужно быть неодаренным!

– Я сказал: представь, что ты неодаренный, и дай шанс другим проявить себя. Твоя основная задача – сплотить Мастеров Силы, научить их действовать как один. Только тебе понятно, как могут взаимодействовать мирный и боевой Пути. Тебе ведомы спокойствие и надежность Строителя, так же как и бунтарский дух Разрушителя. Ты можешь слышать песню меча, и ты можешь заставить сталь замолчать. И ты – тот, кто способен увидеть, как смогут взаимодействовать в бою или при защите Города Мастера, следующие совершенно разными Путями.

Вирд пожал плечами, нахмурился, погрузился в раздумье. Так прошла четверть часа. Попусту терять время Кодонак не любил. За эти пятнадцать минут можно было сделать что-нибудь полезное, а посидеть с Вирдом смог бы кто-нибудь другой, да и ни к чему это... Во-первых, он, конечно, юн, но не настолько, чтобы испытывать нужду в няньке, а, во-вторых, обдумывать свой долг и предназначение нужно наедине с самим собою.

Хатин встал, собираясь попрощаться с Верховным, но тот поднял на него глаза и, словно очнувшись ото сна, произнес:

– Мне нужен новый меч!

Да! За всеми заботами и суетой Хатин и забыл, что у Вирда нет настоящего, выкованного специально для него меча... меча с именем.

– Так о чем речь? Можем прямо сейчас отправиться к Оружейникам.

Вирд тоже встал.

– Я хотел попросить у тебя «Разрывающий Круг».

Кодонак ревниво подумал о клинке у своего правого бедра.

– Ты хочешь мой меч? – Он произнес это равнодушным тоном, понимая, что отдаст свой меч Верховному, если тот повелит ему... Но клинок стал его частью, был будто бы создан для его руки... левой руки. Без песни своего меча Кодонак чувствовал себя в бою почти беспомощным.

– Не бойся, я лишь взгляну на него. – Вирд улыбался, а Хатин думал, чем выдал себя – ведь ни один мускул не дрогнул на его лице, он точно знал это. – Я хочу послушать песню... Нужно будет вложить подобную и в мое оружие, и в новые клинки для вооружения Золотого Корпуса. «Разрывающего Круг» ведь ковали против связанных с Древним...

Кодонак расслабился – никто не отбирает у него меч.

– Ты прав, хорошо было бы вооружить подобными мечами всех Мастеров, но я уже пробовал – у наших Оружейников ничего не выходит.

– А если я попытаюсь... как ты выразился – задать ритм?

Кодонак поднял бровь, вынул меч из ножен и без слов отдал его Вирду.

Элинаэль Кисам

Теперь, когда она уже не была студенткой Академии Силы, тяга к знаниям, подстрекаемая осознанием своей недоученности, проснулась в ней с особым пылом. Она, к своему стыду, не помнила даже, кто был Верховным до Эбонадо Атосаала, не говоря уже о составах Малых Советов. Но сейчас имена и даты запоминались легко, словно сведения о знакомых людях, события обретали смысл, и Элинаэль старалась вникнуть в историю со страстью, уступающей разве что маниакальной любознательности Абиля Сета. Столько, как сейчас, она еще никогда не читала, да и такого количества книг: древних, важных, некогда запретных и недоступных, – еще не бывало в ее распоряжении, к тому же множество мудрых и знающих людей готовы были оказать помощь, растолковывая непонятное.

Элинаэль начала с первых записей Совета Семи, которые тогда называли себя Огненосцами, она корпела над свитками в небольшой уютной библиотеке Совета, так как унести их оттуда не позволял Мастер Сет. Он переселился сюда и как коршун бросался на любого, кто посягал на вожаемые его свитки и фолианты, которые он наконец-то заполучил.

Абиль Сет уже не пугал собою Элинаэль так, как раньше, но она знала, что пояснений по поводу того или иного текста у этого взъерошенного Толкователя лучше не спрашивать, иначе вопросов станет больше, чем было. За помощью она обращалась к Советнику Энилю, благо что теперь их комнаты были на одном этаже Здания Совета.

Наверное, библиотека Академии Силы осиротела без присутствия Мастера Сета, ставшего некогда неотъемлемой ее частью, но то, что искал Сет здесь, в библиотеке Совета, было важнее, особенно для самой Элинаэль. Он должен был узнать, как именно она может обновить Древнего. Когда Элинаэль думала об этом, внутри все холодело и сжималось. Она понимала, что смерти ее не требуется, но легче, наверное, было бы просто дать себя убить. Встретиться с этим существом... прикоснуться к нему... Сможет ли она? Поначалу Элинаэль совершенно не представляла, как будет действовать, но Сет и Эниль откопали подробные описания процедуры погружения Древних в сон, и чем больше она узнавала, тем хуже ей становилось. И чем больше она старалась не думать об этом, тем больше было напоминаний.

Все напоминало о ее миссии, не давая Элинаэль отвлечься, забыться, расслабиться и вновь почувствовать себя беззаботной юной девушкой. Как забыть, когда повсюду за тобой следуют двое Мастеров Золотого Корпуса – охрана, выделенная Кодонаком... Советником Кодонаком, и Вирдом... Верховным...

Да что охрана? Одно то, что студентку-первогодку все называют теперь не «деточка», а Советник Кисам, уже свидетельствует о больших... нет – об огромных переменах! Мир изменился в одно мгновение. Она будто бы уснула одним человеком, а проснулась другим. И другие тоже не остались прежними: Хатин Кодонак из изгнанника превратился в Советника, Вирд из загадочного юного Одаренного – в Верховного... и в ее возлюбленного.

Элинаэль с теплотой подумала о Вирде... Верховный Фаэль. Она уже два дня не видела его, он будто бы избегает ее общества в последнее время... или ей просто так кажется. Он очень занят. У него масса дел. Но мог бы выделить и для нее несколько минут!

Девушка шла по длинному коридору, направляясь к покоям Советника Эниля. Встретил ее конечно же Кими – старенький и сморщенный, но еще очень крепкий и бодрый. Кими нравился девушке: бывало, что туманные объяснения природы какого-либо явления, высказанные Абилем Сетом, он прояснял одной своей фразой, что больше смахивала на шутку. Старик был острым на язык, веселым и добродушным, и он теперь единственный, кто еще называл ее просто «девочка».

– К Ото? – спросил он, дружески улыбаясь ей.

Элинаэль утвердительно кивнула:

– Здравствуй, Кими! Как твоё здоровье?

– Да лучше всех! – захохотал он. – К тому же Вирд избавил меня от боли в костях.

Кими лишь Вирду позволял себя исцелять, и то лишь потому, что знал его с детства, как сына Мастера Фаэля. К остальным Целителям старый слуга относился с большим недоверием.

– А где сейчас Верховный, ты не знаешь случайно?

– Как же, знаю, – усмехнулся Кими, провожая Элинаэль в кабинет Советника.

Дальнейших пояснений не потребовалось, так как Вирд собственной персоной сидел в кресле перед Ото Энилем, беседуя с ним о чем-то.

– К вам Советник Кисам! – громко официально объявил Кими, и оба беседующих обернулись к входу.

Вирд встал, улыбнулся ей, взял за руку, усаживая в кресло, в котором только что сидел сам.

– Рад тебя видеть... – прошептал он.

«Мог бы за эти два дня и заглянуть ко мне...» – хотела было обидеться на него Элинаэль, но тут же передумала – они не студенты, чтобы дуться друг на друга, сейчас на это просто нет времени. Девушка улыбнулась в ответ Вирду и поздоровалась с Советником Энилем.

То, о чем беседовали они до ее появления, было, видимо, не для ее ушей, так как в кабинете воцарилось молчание, и Элинаэль первая решила его нарушить.

– Я думаю, что чем дольше мы тянем, тем меньше шансов у нас, – проговорила она, сдерживая волнение.

Вирд глянул тревожно и как-то печально: он понял, о чем она.

– Нужно уже сейчас планировать, собрать тех, кто пойдет со мной, – продолжала девушка. Вирд тем временем бледнел и мрачнел, а Советник Эниль хмурился.

– Ты права... – наконец выдал из себя Ото Эниль, – нужно подбирать группу. Пять Сил.

– Слишком рано... – тихо и неуверенно произнес Вирд.

– Важно, чтобы не было слишком поздно, – возразила она.

– Боюсь, что нам придется рискнуть еще одной юной особой... – Советник Эниль сделал паузу, потирая губы и как бы не желая этого говорить.

– Кого вы имеете в виду? – спросила Элинаэль.

– Иссиму Донах. У нее Дар чистого Отсекателя, а если учесть то, что шесть тысяч лет назад чистые Дары встречались намного чаще, чем сейчас, то нет гарантий, что кто-нибудь другой в составе носителей пяти Сил добьется желаемого результата.

– Ты еще скажи, что тут и вместо Строителя нужен Архитектор, и чтоб не хуже Тотили! – вмешался Кими.

– Насчет этого не знаю, – серьезно ответил Советник, – но Абиль открыл, что Мастеров в такую группу очень тщательно отбирали, они проходили испытания. Разрушитель, к примеру, должен был сломать нечто укрепленное пламенем... Мастер Сет разбирается, что это означает. Кроме того, прежде необходимо создать оковы, чтобы Атаятан не смог уйти или расправиться с посланными до того, как его погрузят в сон. Тем более что изготовление оков имеет тот же принцип. Когда они будут надеты на него, Древний ослабеет настолько, что не сможет сопротивляться. Но важно помнить, что он уже «ученый», один раз его поймали. И тогда он не ожидал подвоха, теперь же на эффект неожиданности надеяться не стоит. Кроме того, с ним Эбонадо Атосааль, которому события, произошедшие в далеком прошлом, а также их причины и последствия, известны намного лучше, нежели нам. Атосааль сам говорил мне, что изучал этот вопрос в течение пятидесяти лет. А у нас едва ли есть несколько месяцев... Если бы можно было получить отсрочку...

– Ото, не мог бы ты собрать Пророков и Толкователей и вместе с ними расшифровать все записи как можно скорее? – спросил Вирд.

Советник кивнул.

– И еще меня очень беспокоит вопрос с прислужником Хатоем. Что известно о подобном использовании людей Атаятаном? Мог ли Древний делать это раньше?

– Ты все-таки думаешь, что это был Древний?

– А кому бы еще подчинился Атосааль?

Элинаэль слушала, затаив дыхание: если то, что Древний разгуливает где-то по земле, угрожая безопасности Тарии и Города Семи Огней, и ужасно, то насколько ужаснее предположение о его возможности говорить и действовать через любого человека, в том числе неодаренного?..

– Я никогда раньше не встречал подобных упоминаний, и Абиль не находит их. – Эниль был огорчен. – Мы ищем из всех сил... Если Атаятан действительно на это способен, и если нет особых ограничений, то...

– ...то это страшно, – закончил за него Вирд. – И это важно.

– Я соберу Пророков, Толкователей и просто историков Пятилистника, и мы займемся этим вопросом. И если где-то в Тарии есть хоть одна строчка с упоминанием подобных событий в прошлом – мы ее найдем.

– Не только в Тарии, Ото, – голос Вирда приобрел металлический оттенок. – Пора мне встретиться с Хокой-То и чатанскими Мудрецами. У них в Аре тоже есть много чего интересного.

– Вирд, это опасно! – воскликнула Элинаэль. – Ты уверен, что они расположены помогать тебе?

– В Аре слышат только голос силы, – ответил он, приняв решительный и уверенный вид, – а я могу продемонстрировать силу, если это потребуется.

– Ты говоришь о Даре или...

– Сила, Элинаэль, сила – и не важно, в чем ее источник, для арайцев – не важно. Поверь, я могу быть убедительным.

Он говорил и смотрел так, что мурашками покрывалась кожа; Вирд иной раз казался ей совершенно незнакомым человеком.

Из покоев Ото Эниля они вышли вместе, и как только остались одни в пустом коридоре, Вирд резко обернулся, обхватив ее за талию, и через мгновение они оказались в одном из зимних садов. Сад Верховного. Этот небольшой зеленый участок, освещаемый тарийскими светильниками, был в полном и единоличном распоряжении правителя Тарии. Эбонадо Атосааль предпочитал прочим растениям деревья Мицами и кусты Котше, что цвели пышными белыми бутонами большую часть года. Дорожки в саду были выложены разноцветными блестящими камушками, а вместо скамеек, как в других подобных садах, здесь имелись настоящие мягкие диваны, обитые зеленым бархатом. Прежний Верховный любил роскошь, Вирд же в ней не нуждался, но место это ему нравилось, и Элинаэль тоже. Здесь было как нигде тихо, мирно и приятно, тем более в его объятиях...

– Почему ты не приходил эти два дня?

Вирд растерянно посмотрел на нее, словно не понимая, что уже два раза солнце вставало и заходило с момента их последней встречи. Спал ли он с тех пор? Ел ли? Он выглядит уставшим. Не дожидаясь ответа, Элинаэль привлекла его к себе и поцеловала.

– Я постоянно думаю о том, что предстоит нам... – прошептала она.

– Я тоже... но давай не будем сейчас говорить об этом, иначе я рухну на пол прямо здесь и примусь рыдать.

– Ты? Рыдать? – рассмеялась Элинаэль, не представлявшая себе такой картины.

Вирд тоже улыбался, и признаков, предшествующих отчаянному рыданию, у него пока не наблюдалось. Но тема и в самом деле тяжелая для них обоих. Она боится за себя, а еще больше за него... он ведь не останется в стороне. Возможно, планирует сделать все сам,

как тогда, когда хотел освободить ее из цитадели Шай... Не зря ведь он так избегает разговоров об ее участии в погружении Древнего в сон, бледнеет и мрачнеет, когда об этом заговаривают другие. Но этого допустить нельзя: в одиночку он погибнет. В прошлый раз только чудо в лице раскаявшегося Каха спасло его от верной смерти.

Элинаэль поежилась, вспоминая, как близко был ее Вирд к гибели. Он прав, лучше об этом не говорить сейчас, и даже не думать. В этом саду они лишь вдвоем, и мысли о смерти не должны заполнять их еще далеко не старые головы.

Они присели на один из диванов, Вирд держал ее за руки, и его ладони были горячи.

– Ты будешь моей женой? – вдруг спросил он.

– Женой? – Не зря Гани Наэль называет его не Вирд, а Вихрь, он спешит прожить жизнь так быстро, будто он не Мастер Путей и у него еще не пятьсот лет впереди, а считанные дни... Ей вновь стало грустно.

– Мы станем мужем и женой. Ты хочешь этого, Элинаэль?

– Вирд... Время ли сейчас для торжеств?

– Без торжеств. Тихо. Пригласим только близких друзей.

– Свадьба Верховного... да еще и с Советником – без торжеств? Последнего Мастера Огней и Мастера Путей, пришедшего из легенд? Тихо?! Я бы рада, но, боюсь, Город Семи Огней тебе этого не простит.

– Ты отказываешься?..

– Нет! Я люблю тебя больше жизни. И твоей женой хочу стать... да хоть сейчас! Но...

Вирд опустил глаза и вздохнул:

– Ты права, Элинаэль. Нельзя так. И без торжеств ничего не выйдет, и торжества сейчас ни к чему... Прости, с тобой рядом я теряю голову. А когда думаю, что придется тобой рисковать, так и вовсе схожу с ума!

Он ведь сам не хотел об этом говорить...

– Вирд, у нас впереди еще длинная-длинная жизнь. Нам отмерено больше, чем другим. Нам дано больше. Мы с тобой не просто юноша и девушка, которым предстоит сразиться с могущественным врагом. Мы не беспомощны, мы вооружены лучше кого бы то ни было. И мы победим!

Вирд обернулся, посмотрел на нее; он улыбается, но в его глазах такая боль и печаль, что у Элинаэль защемило сердце. «Да. Мы победим, – говорили его зеленые колючие глаза. – Но какой ценой?».

– Тебе нужно отдохнуть, ты очень устал.

– Да ну... бывало и похуже.

– Вирд! – Она сделала голос как можно строже. – Сколько часов ты сегодня спал?!

– Сегодня? Да я еще вчера здорово выспался! – засмеялся он, на этот раз и глазами тоже.

– Вирд!

Оставив его уснувшим, Элинаэль неохотно покинула сад. Она бы осталась просто смотреть, как вздымается во сне его грудь, как подрагивают веки, просто поглаживать его волосы, охраняя беспокойные грезы... но ее ждали дела, а в отличие от Вирда, она высыпалась ночью, чтобы еще и днем не тратить на это время.

Охрана у двери Верховного уже потихоньку начинала привыкать, что из его покоев часто выходят люди, которые туда обычным путем не входили. Она прошла мимо, не обращая внимания на каменные лица, но с испытующими взглядами.

Спустившись по лестнице, Элинаэль оказалась на жилом этаже. Здание Совета – целый город внутри города, здесь столько помещений, комнат, этажей, лестниц, зимних садов, что можно годами жить, не выходя на улицу.

Ее собственная охрана, приставленная Кодонаком – двое Мастеров Золотого Корпуса: высокий светловолосый Гроус и такой же высокий, но с темными волосами, всегда улыбающийся Эртор, – ожидали ее у двери. Вечером этих Мастеров сменяют другие, но все смены своих телохранителей Элинаэль уже знала в лицо и по именам. Оба Мастера, даже веселый обычно Эртор, хмурились. Причина их недовольства ясна: она вошла к Советнику Энилю, а вернулась совсем с другой стороны, притом шла совершенно одна, что было, по их мнению и по инструкциям Кодонака, недопустимо. Элинаэль вздохнула – они не упрекнули ее, но Кодонак не упустит такой возможности, а потом ей достанется и от Вирда. Тот станет утверждать, что она должна была прежде вызвать телохранителей, а только потом возвращаться к себе в их сопровождении. «Они берегут меня, как фарфоровую куклу... или как единственное оружие, что может погубить врага...»

– Вас ожидают, Советник Кисам, – хмуро сообщил Гроус.

– Кто? – Элинаэль была удивлена – в ее покои, даже в приемную, без нее никого обычно не пускали.

– Две юные особы, Иссима Донах и Эдрал Инаси.

Девушка улыбнулась, с нетерпением распахнула дверь. Своих подруг она не видела уже с неделю. Иссима и Эдрал после всех этих событий словно поменялись местами. Первая стала такой же мрачной и неулыбчивой, как раньше Эдрал, и это неудивительно, учитывая то, что пришлось ей пережить. Человек, которому она доверяла – Эбонадо Атосааль, оказался виновником многих бед, предателем жизни и огня Создателя. Иссима долго не могла поверить... она ходила заплаканная, ссутулив плечи и пряча лицо. А Эдрал, принимавшая участие в деле восстания как никто другой (ведь она и Вирд могли определять, связан ли Одаренный Кругом), наоборот, стала чаще улыбаться и меньше задумываться о печальном. Она сделала сама что-то полезное и заслужила тем уважение матери. Конечно же Мастер Инаси и теперь требовала от Эдрал выполнения своих рекомендаций и реализации своих планов: например, желала, чтобы девушка сблизилась с новым Верховным, и чтобы тот ее учил, как учил бы Исма, не оказавшись он предателем. Но и на уступки, видя, что дочь проявила необычное мужество, Мастер Инаси тоже пошла – разрешила Эдрал выйти за Иша. Они не спешили со свадьбой, практически по тем же причинам, что и Вирд с Элинаэль: надвигалась война, а Город Семи Огней еще не до конца понимал это, мирный город не представлял себе, насколько большая опасность грозит ему. Родина Одаренных оказалась на граю гибели, и затишье, которое наступило сейчас, – лишь передышка перед страшной бурей.

– Она от Вирда, – захихикала Иссима, склонившись к уху Эдрал, когда Элинаэль вошла в комнату.

Девушки расположились в приемной на небольшом диванчике, и обе выглядели так, будто задумали какую-то шалость... более того, уже эту самую шалость и осуществили.

– Как он? – смеясь, спросила Иссима, сегодня она была в хорошем расположении духа; Эдрал тоже улыбается, и глаза ее лукаво поблескивают.

– Вирд? – Элинаэль пожала плечами. – Вымотан, измучен тревожными мыслями... Он не спит сутками, ест плохо... Сейчас только уснул... – Последние ее слова вызвали взрыв смеха, и обе подруги, содрогаясь от приступа веселья, спрятали свои лица: Эдрал в ладонях, а Иссима – в подоле платья.

– Что вас так смешит? – Элинаэль тоже посмеялась бы, если б понимала, над чем.

– Садись, садись, – белокурая красавица усадила ее в кресло и даже подала чашку чаю, за которым подруги коротали время, пока ее не было, без конца при этом посмеиваясь и бросая взгляды на Эдрал, – рассказывай по порядку.

– Что рассказывать?

– Все! – воскликнула Эдрал.

Элинаэль непонимающе нахмурилась, посмотрела на старшую девушку – щеки той полыхали алым, а с губ не сходила улыбка, – затем обернулась к Иссиме с немим вопросом в глазах.

– Каков он в постели, Мастер Путей?.. Что-то особенное, или как все? – выдала та, и Элинаэль почувствовала, что краска заливает ее лицо. От неожиданности и дерзости сказанных слов она не успела даже возмутиться ими и молчала, хватая ртом воздух.

– Ты совсем смутила ее, Иссима! Разве ж можно так прямо?..

– А что ходить вокруг да около? Мы ведь именно это хотели узнать?

– Иссима! Эдрал! – только и смогла вымолвить Элинаэль, смущенная их интересом.

– Ну, мы же твои подруги, Элинаэль... – осторожно произнесла Эдрал, хитро щуря глаза. – Девушки иной раз делятся друг с другом... некоторыми секретами. Конечно, ты теперь Советник...

– При чем здесь это? – возмутилась Элинаэль. – Есть вещи... о которых...

– Вы что?! – Вдруг Иссима сделалась почти серьезной, нахмурилась и поставила свою чашку с чаем – белую в голубой цветочек – на приставной столик у дивана. – Вы еще не были вместе?!

Элинаэль понимала, что пылает сейчас, как закатное солнце накануне ветреного дня... Никогда она не думала, что эта встреча с подругами обернется для нее таким бестактным допросом.

– С чего ты взяла? – подняла глаза на Иссиму Эдрал.

– Посмотри на нее! – ответила та.

– Прекратите немедленно! – Элинаэль резко бухнула свою чашку на глянцевую поверхность столика так, что чай расплескался, и вскочила.

– Элинаэль! – Иссима нежно взяла ее за руки, настойчиво потянула, чтобы она вновь села. – Не сердись... Мы не хотим тебе зла. Но ты очень наивна. Ты не понимаешь, что такое юноша в восемнадцать лет, ведь ему столько недавно исполнилось? В нем кровь кипит! Желание просто невозможно удержать! Если ты не предложишь ему ничего... то найдутся другие!..

– Мы не должны это обсуждать!

– Отчего же? С кем еще ты сможешь обсудить подобное? Кто еще поделится с тобой опытом?

– опытом? – нахмурилась Элинаэль. – Иссима, ты едва на год старше меня!

Иссима хитро улыбалась.

– Я гораздо опытнее, – без всякого смущения заявила та, и Эдрал хихикнула. – Взгляни на него глазами любой женщины: он Верховный, он Мастер Путей, да и просто красивый юноша: походка, жесты, глаза... Какой голос у него! Как он смотрит! Как двигается! Никакой Мастер Оружия так не двигается! Как идет ему д'каж! А ты видела, каков он с мечом?! – Иссима говорила слишком уж увлеченно. – Все женщины вокруг него, от Одаренной сверстницы Ото Эниля до неодаренной молоденькой служанки, в очередь станут, чтобы залезть в его постель, даже без продолжения... А ты держишь его... голодным! И все эти женщины завидуют тебе черной завистью и готовы исправить твою ошибку!

Элинаэль не знала, куда деваться от стыда, а Иссима тем временем продолжала при немом одобрении Эдрал... подруги!

– А теперь взгляни на себя – ты очень красива, у тебя необычно ценный и редкий Дар, ты стала Советником, даже не закончив первый год обучения, и у тебя есть любовь Вирда! Половина женщин Города Семи Огней готовы на все, даже переспать с самим Древним и родить ему наследника, ради того, чтобы получить то же, чем обладаешь ты, а другая половина пойдет на все это, лишь бы только тебя того лишить!

– Ну, тут тыхватила через край, Иссима, – вмешалась Эдрал, – далеко не все таковы!

– Все! И даже я!

Элинаэль удивленно воззрилась на подругу: шутит?

Иссима залилась звонким смехом:

– Он – мужчина, Элинаэль! Молодой мужчина! И если хочешь удержать его...

– Все! Иссима! Все! Я не могу об этом говорить, спасибо за совет... Я подумаю, но...

– Она слишком резка, – Эдрал подошла к Элинаэль, взяла ее за руку и заглянула в глаза, – но в чем-то она права...

Итин Этаналь

Итин не думал долго над тем, что построить на месте Конюшен Пятилистника. Когда-то великий Тотиль возвел это серое уродливое здание, чтобы посрамить слишком уж застенчивых на своих правилах неодаренных Мастеров Строителей. Его насмешка простояла восемьсот лет, давая пищу для размышлений, вдохновляя тех, кто создан был для строительства крепостей и городских стен, а не дворцов или мостов, мозоля глаза многим поколениям Королей-Наместников, что видели здание, обращая взгляд на воды Тасии-Тар. Мило Второй, как только вернулся с войны и узнал об Итине Этанале, тут же обратился с прошением к Верховному Фазлю и Совету Семи, чтобы именно «новый Тотиль» построил здесь... «хоть что-нибудь» – как изволил выразиться король. И у «нового Тотилия» поначалу был соблазн последовать примеру Тотилия прежнего и возвести «что-нибудь» столь же поучительное и устойчивое, как Конюшни Пятилистника. Но Итин был человеком мягким, не злым, к тому же он слишком долго в своей жизни строил дороги и крепкие, но простые дома, – его душа Архитектора взывала бы и взбунтовалась, только попробуй он начать вновь действовать не по велению сердца, а по правилам.

Итин возвел фонтан. Зданий в этом районе и так хватало: чуть выше по реке – пятнадцать Башен Огней, позади – Дворец Короля-Наместника, дома придворных вдоль Тасии-Тар. А вот фонтанов здесь не было. Он сплавил сверкающей поверхностью площадку, подвел к ней дорожки и потом посредине сваял скульптурную композицию: семь Мастеров Силы стояли кругом, соприкасаясь спинами, один из них держал в руках раскрытую книгу, символизируя знания и мирный Путь, другой – меч, символ боевого Пути, у четверых в руках ничего не было, они могли быть носителями любого из известных Даров, руки этих четверых застыли в танце работы с Силой, а еще один держал над их головами живое полыхающее пламя – Мастер Огней. Советник Кисам лично создала это пламя для его композиции. Их опоясывала струящаяся вода, символизирующая потоки Силы, руки каждого касались ее, и в месте соприкосновения бил фонтан.

Итин ярко представлял, как это будет выглядеть, с самого начала, но с водой управиться не мог. Архитектор – Мастер Силы, может заставить воду застыть, принять нужную ему форму, но свободно струиться и бить фонтанами в нужных местах – нет. Помощь пришла, откуда не ждали – посодействовал завершению фонтана не кто иной, как Мастер Стихий. Когда Итин думал над тем, что Разрушитель приложил руку к его творению, более того, – помог обрести всей композиции целостность, у него ум заходил за разум. Может ли такое быть? Но Тико Талад обладал уникальной способностью – разрушать с ювелирной точностью. Вернее в этом случае было бы говорить не «разрушать», а «высвободить». Итин, строя что-либо, пленял воду, камень, ветер, повелевая им делать угодное ему, иной раз совершенно не присущее их природе, а Мастера Стихий – освобождали их. И высвобожденная Тико вода струилась с таким изяществом и такой страстью, каких никогда не дали бы технические ухищрения, применяемые обычно при возведении фонтанов.

Тико стоял довольный собою, а Итин – изумленный, обескураженный происходящим с ним в последнее время, в том числе и совместной работой с Разрушителем.

Открытие фонтана, несмотря на то, что Итин настаивал на скромной церемонии, проходило довольно торжественно, особенно для нынешнего тревожного времени. Король-Наместник и его придворные расстарались, созвав музыкантов, устроив фуршет, пригласив на открытие значимых особ. Мастеров Силы, правда, было немного: советник Мило Второго, пара не знакомых Итину Целителей, Мастер Ахалис и Мастер Халт, гордо взиравшие на прославившегося представителя их цеха, какой-то Мастер Полей. Никто из Семи прийти не смог, как и Верховный. Они оценят его творение, но позже – понимал Итин, немного расстроенный их отсутствием.

Увидев фонтан, Король-Наместник твердо вознамерился наградить Итина. Иметь собственные земельные наделы или принимать титулы Одаренному в Тарии не позволялось, поэтому наградой должен был стать орден на груди из золота и драгоценных камней, который Мило Второй готовился вручить Архитектору во дворце сегодня же вечером. Когда закончилось краткое торжество, придворные разошлись, за исключением того, кому поручено было сопроводить Мастера Этанала в зал торжеств для продолжения. Но тратить время на еще одну церемонию – награждение, с последующим банкетом в обществе придворных, не очень-то хотелось. Город Семи Огней готовился к серьезной войне, и Итин хоть и не знал, чем он – мирный Мастер, может здесь помочь, все же понимал, что в стороне не останется. И если Разрушитель способствовал ему в деле созидания, то и Строитель, скорее всего, может оказаться полезен в бою.

От перспективы праздного безделья их избавил Мастер Бэл, что пришел за Тико. Командир Разрушителей – мужчина среднего роста и сложения, с темными волосами и светлыми глазами уроженца центральной Тарии, носил прическу из четырех кос: две ниспадали на спину, две – на грудь. Одет Кидо Бэл был просто (для Мастера Силы): в утепленную короткую коричневую куртку, свободные брюки, – ни расшитого кама, ни подбитого мехом плаща. Какое-то время он молча наблюдал за происходящим, а затем обратился к юноше, помогавшему Итину:

– Танцы, Тико! Тебя ждут танцы, а ты здесь прохлаждаешься?

– Танцы? – удивился Итин, поднимая брови, и выражение его лица заметил командир Разрушителей.

– Что, никогда не видел, как танцуют Мастера Стихий? – спросил он.

– Нет. – Итин расплылся в улыбке – Мастер Бэл шутит? Но лицо того было серьезным.

– Хочешь взглянуть?

Итин покосился на посланника короля, твердо вознамерившегося во что бы то ни стало сопроводить его и Тико во Дворец для награждения, и поклонился тому со словами:

– Передайте мои извинения Королю-Наместнику, я не смогу сегодня прибыть на церемонию награждения. Мне нужно участвовать в подготовке к обороне Города.

Посланник сдвинул брови, но Итин уже следовал быстрым шагом за Мастером Бэлом. Тико семенил рядом, постоянно оглядываясь на застывшего с открытым ртом придворного и чувствуя неловкость, которую ощущать должен был он – Итин.

– Вы специально пришли за мною, Мастер Бэл? – Юный Разрушитель удивлен тому, что командир из Золотого Корпуса лично искал его.

– Нет, Тико. Я просто шел мимо и, увидев всю эту суету вокруг фонтана, решил взглянуть, – весело отвечал Мастер Бэл: он сегодня был в хорошем настроении. – А когда заметил тебя, то подумал, что тебе еще учиться и учиться, а ты слоняешься без дела!

– Тико Талад помог мне завершить фонтан, – вмешался Итин, – построить...

– Разрушитель?! Построить?! – Мастер Бэл метнул на него делано гневный взгляд и даже сбавил немного шаг.

Итин запнулся, подбирая правильные слова... но ведь именно построить помог ему Тико.

– С чего это ты вдруг стал строить, Талад? – усмехнулся Бэл.

– Я... – Парень весь покраснелся, сгорбился и сжался. Неужели для Мастера Стихий так оскорбительно звучит слово «строить»? – Я... нет...

– Он высвобождал! – вновь вмешался Итин. – Я этого не мог сделать, и фонтан оставался незаконченным, вот Тико и помог «освободить», – Итин сделал ударение на этом слове, – воду.

– А! Ну, тогда другое дело! – вновь посмеиваясь, произнес Мастер Бэл. – Я договорился, Талад, что ты и... кто там у вас еще в Академии из наших – Шос Аштай?.. Вы будете теперь посещать все наши тренировки в Золотом Корпусе, а уже если останется время, то пролистаете парочку книг по истории Тарии вместе с другими студентами. Удивительно, что среди всех десяти групп – Разрушителей только двое. В мое время нас было больше двух десятков на учебный поток. Скоро будем такими же ценными, как Мастера Огней? – Он обернулся и подмигнул Тико.

Тренировки бойцов Золотого Корпуса проходили на левом берегу Тасии-Тар, выше по течению. Там достаточно обширная площадка, обнесенная высоченным забором, заболито возведенным Строителями. Здесь же было и подобие казарм, хотя каждый Мастер Золотого Корпуса имел жилье в Городе Семи Огней.

Разрушители же «танцевали», как выразился Бэл, не на площадке за забором – им требовалось гораздо больше свободного пространства, и оно было вырвано у пригорода и предоставлено в полное распоряжение отрядов Мастеров Стихий. Место это располагалось еще дальше, за небольшой дубовой рощицей.

Когда Итин увидел издали то, что представляло собой это самое место, он едва сдержал стон и пожалел, что пришел сюда: развороченная земля, испещренная рытвинами, оврагами и трещинами, вывернутые с корнем сухие стволы деревьев, глина вперемешку с плодородным слоем земли, лишь кое-где изредка поросшая вездесущими сорняками, огромные камни, некоторые расколоты напополам, некоторые втиснуты в землю, будто бы вбиты гигантским молотом... Работа Разрушителей во всей красе! Торжество шандарилы (славное словечко из лексикона горцев)! Царство хаоса! В Итине даже проснулся Дар, требуя привести в порядок участок.

Лицо Мастера Бэла выглядело донельзя довольным, а настроение Итина испортилось: уж лучше бы он пошел во Дворец Короля-Наместника и улыбался там в ответ на ластивые похвалы придворных. Съездившись от неприятной ему атмосферы, что царила здесь, Архитектор присел на краешек большого камня и принялся наблюдать. Двадцать Мастеров Силы и два все еще студента – Тико Талад и Шос Аштай, строились в шеренгу на плацу. Сейчас начнут разрушать... Когда Итин работал в горах совместно с бойцами Золотого Корпуса, он и другие Строители приходили на место лишь после того, как Мастера Стихий закончат, они видели последствия их действий, но никогда не наблюдали за самими действиями; и вот Итину выпало такое сомнительное счастье – быть свидетелем таинства рождения разрушительного хаоса...

– Мы умеем работать поодиночке с тех пор, как в нас развернулся Дар, – громким, звенящим сталью голосом начал Мастер Бэл, – но мы – бойцы, и нам важно научиться разрушать синхронно, действуя как один. Мастера Стихий прошлого, работая совместно, отделили Северные земли от Тарии, вода хлынула в разлом и потопила сотни тысяч смаргов Древнего. Вы все здесь юны, и навык ведения совместного боя вам нужно оттачивать ежедневно. Так что приготовьтесь танцевать!

Мастер Бэл стал немного впереди и принял странную позу: он присел на полусогнутых ногах и, вытянув руки, выставил перед собой ладони. Ту же позицию приняли остальные. Затем они, повторяя за Бэлом, отвели правую руку назад и резко выбросили ее вперед – шагов за двести впереди ухнула земля и поднялось облако пыли. Итин вздрогнул при этом.

Разом они сделали шаг вбок, разметая нечто невидимое левой рукой и тут же рубя воздух перед собой ребром ладони правой. Вновь впереди что-то взорвалось, загрохотало, но что именно – не было видно из-за пыли, которая еще не успела осесть после первого удара и уже была вновь поднята в воздух вторым. Итин сдержал желание прикрыть руками уши и зажмуриться.

Движения Мастеров Стихий действительно чем-то походили на танец: ноги переступали, а руки летали с нарастающей скоростью. Поначалу они повторяли за Мастером Бэлом, но сейчас, словно уловив неслышный Итину ритм, двигались синхронно друг с другом и командиром. Да и скорость «танца» становилась такой, что повторять каждое движение уже вряд ли было возможно.

Мастера Строители, когда использовали Силу, тоже делали похожие движения и руками, и ногами, и всем корпусом: правда, работали больше кисти рук, особенно у него – Архитектора. Иной раз он сам стоял неподвижно, сплетая узор, что после станет невидимым каркасом здания, почти одними пальцами. В работе же Разрушителей принимало участие все их тело.

Музыка для этих «танцев» не требовалась, да если бы она здесь и была, то вряд ли кто услышал бы ее за непрекращающимся грохотом.

Итин поймал себя на том, что увлеченно наблюдает за происходящим. Если бы в том месте, где сейчас пыль и взрывы, находился враг, то пришлось бы ему несладко. А если бы позади вражеских воинов внезапно выросла стена, то им некуда было бы отступать... неожиданно для себя Итин почувствовал азарт боя и поежился – неужто он так кровожаден? Но возвести там стену так и чесались руки – грубую временную стену из обычной земли и глины, предназначенную не для того, чтобы радовать глаз или служить людям, а для... убийства. Итин сник: он думал о том, как загнать живое существо в смертельную ловушку, не оставляя шансов на спасение... Но станут ли проявлять жалость к их людям воины Ата-ятана в предстоящей войне?

Глава 2

Угроза

Иф Клат обосновался в отведенных ему покоях в Здании Совета. Сегодня из его дома на улице Мудрых привезли его любимое кресло, и он мог сказать, что так можно жить дальше. Конечно, в своем собственном доме намного уютнее, тем паче что прожил там уже больше ста лет, но в Здании Советов Одаренному безопаснее. Это место укрепили и защитили, опасаясь, что бывший Верховный и его сподвижники могут, перемещаясь, угрожать Мастерам Силы, оставшимся в Городе Семи Огней. И всем желающим, да и не особо желающим, настоятельно предложили переехать. Места было не так много: каждому не больше трех комнат, слуг поселили отдельно. Но Иф уже давно жил один, семьи у него не было, поэтому трех комнат, одна из которых – оборудованный кабинет, ему вполне достаточно. То, что в Тарии заварилась вся эта каша, Мастеру Клату было очень не по нраву, но теперь у них новый Совет, новый Верховный... к тому же Мастер Путей, и Иф надеялся, что все еще наладится, мирные времена вернуться, и не нужно будет Одаренному страшиться насильственной смерти в собственном доме в Городе Семи Огней.

Мастер Клат только что отобедал прямо в комнатах, слуги убрали посуду и оставили его наедине с хорошим вином с сиодарских виноградников; хотя многие предпочитали фаноллское, Иф всегда любит кислое и терпкое вино, которое делали горцы на границе Тарии. «Кровь дракона» – так еще называли этот густой темный напиток. Все верно – ведь Сиодар именуют Хребтом Дракона.

Мастер Клат частенько лично перемещался и приобретал напиток у старых своих знакомых в горских деревнях, там относились к нему с почтением, называя Долгожителем. И это тоже верно – ведь Ифу уже стукнуло двести одиннадцать лет. Жаль, что на последние его годы выпали все эти беспорядки... не видеть ему спокойной старости.

Иф вздохнул и сделал глоток вина, внутри разлилось тепло – довольно крепкая «кровь» у этого «дракона». Он откинулся в кресле, прислушиваясь к шуму ветра за окном. Зима закончилась. Весенний ветер горячо сражался за право принести в Город Семи Огней тепло и пробуждение природы, гнул верхушки кипарисов и играл голыми ветвями Мицами – очень скоро покроются они золотыми цветами, и дурманящим ароматом наполнятся улицы. Молодой ветер пел с нарастающей силой. Иф еще раз вздохнул и снова отпил из своего кубка.

Где-то далеко завывала собака. В Городе Семи Огней бродячих собак, особенно здесь, в центре, не встретишь, но многие держат их во дворах домов. Второй пес подал голос ближе к Зданию Совета, потом третий, четвертый... и вот уже собачий хор выводит тоскливую песню, заглушая ветер. Внезапно все стихло: и вой, и шум весенней непогоды. Будто кто-то закрыл окно. Но оно и так было закрыто в комнате Ифа, и все звуки он слышал сквозь стекло.

Удивляясь неожиданно наступившей тишине, Мастер Клат снова приложился к кубку, но слишком уж задумываться над произошедшим не стал.

– Тот, кто исчезает? – послышался справа от него приятный, как музыка, женский голос.

Мастер Клат обернулся и увидел Инди – одну из его служанок; сегодня она уже пришла, забрала вещи для стирки. Инди была молодой женщиной, в меру симпатичной, и никогда раньше Иф не задумывался, насколько она привлекательна. Он даже не мог описать то, что чувствовал. Совсем не так, как пишут поэты: о глазах, ланитах, устах, стройном стане и шелковых локонах... но все вместе... она была совершенством! Она была прекраснее любой, кого видел когда-либо Иф. Ее глаза манили к себе, звали его. Как он не замечал этой прелестницы за многие дни и месяцы... сколько служит у него Инди?

Внутри все взволновалось, как у влюбленного юноши. Неужели это вино ударило ему в голову? Да сколько там он выпил – пару-тройку глотков?.. А Инди – желанна, как юная невеста в первую брачную ночь. Иф вскочил с любимого своего кресла, подошел поближе к ней.

– Хочешь быть со мной? – спросила она. Какой прекрасный голос! Почему же он не замечал этого раньше!!! Голос поющей флейты...

Мастер Клат обхватил ее, и она с улыбкой приняла его объятия, а мгновением позже и на поцелуй ответила охотно. Никакое вино не пьянит так, как эта женщина.

– Инди... Инди... – шептал он, увлекая ее в спальню. Она лишь улыбалась... и позволяла все.

Ее одежда была отброшена прочь, а он распалился до предела, Иф даже в юности не испытывал подобной страсти. Он покрывал ее поцелуями, шептал признания в любви, и если она отвечала, то ее сладкий голос был больше чем наградой.

Иф почувствовал, что внутри проснулся Дар, удивился, подавляя его, но Сила разворачивалась, а искрящийся туман не наполнял комнату, как при обычном перемещении, а тончайшим потоком струился куда-то вовне... Иф не обратил на это внимания, больше всего на свете он жаждал обладать ею...

– Инди... Инди...

Он поспешно расстегнул пояс и отбросил свой кам. Он подхватил ее на руки и нежно уложил на постель... Дар продолжал вытекать из него, и Иф ощутил легкое головокружение и слабость... Сердце колотилось от предвкушения... Мастер Клат припал к возжеланным губам, скользя по округлостям ее тела... Инди улыбалась в ответ.

Голова закружилась сильнее. Иф перекатился и повалился на спину – иначе он бес- сильно рухнул бы на нее и причинил ей боль... Что с ним? Дар вытекал... внутри образовывалась болезненная, пугающая пустота... он слабел...

– Ты хочешь быть со мной? – спросила Инди, склонившись над ним и целуя.

Ничего больше он так не хотел, даже несмотря на странную слабость...

Иф не мог пошевелиться. Остатки Дара вытекали из него, как из прохудившегося сосуда... остатки силы покидали его тело. Он даже сказать ничего не мог. Инди улыбалась.

– Твой Дар нравится мне... – прошептала она. – Ты доставил мне удовольствие.

Иф явственно почувствовал, как внутри потух огонь его Дара, как последняя искорка замерла во тьме... и вместе с нею потух огонь и его жизни...

Вирд-А-Нэйс Фазль

Вирд быстрым шагом направлялся к жилым этажам; он сбежал по лестнице, нисколько не заботясь о солидном поведении, которое приличествует Верховному. Кодонак, что шел рядом с ним, поступил так же. Конечно, Вирд мог бы и переместиться, но он не знал точно, где покои Мастера Клата, а на поиск с помощью других Путей сейчас не было времени, да и вообще – с этим перемещением он скоро разучится пользоваться ногами...

Высокого и седого как снег Мастера Клата Вирд помнил по одному из первых их посещений мертвого стойбища: тогда Кодонак хотел показать «прыгунам» то, что натворил Ата- ятан. Позже опытный этот Мастер Перемещений, член Большого Совета, во многом помогал их борьбе. Весть о его смерти неприятно удивила Вирда, как и Советника Кодонака.

Ото Эниль уже был здесь, стоял в кабинете покойного и тревожно поглядывал в сторону спальни, оттуда раздавался шум и, кажется, плач. Вирд кивнул Советнику и пронесся мимо, прямо к источнику звуков.

На полу у стены сидела, закутавшись в одеяло, молодая неодаренная женщина лет двадцати – двадцати пяти, это она плакала и причитала. Над ней нависла женщина постарше и строгим громким шепотом отчитывала ее, обвиняя во всевозможных грехах.

Мастер Клат лежал на спине, с открытыми остекленевшими глазами, он был одет в брюки и тунику, что носят под кам, шнуровка туники распушена на груди, будто он пытался ее снять. Но то, что увидел Вирд взглядом Видящего внутри Клата... ужаснуло его больше, чем мертвые глаза знакомого Мастера – пустота. Совсем не такая, какая остается после смерти Одаренного на месте его Дара... нечто другое. Когда гаснет огонь жизни, пусть даже из-за насильственной смерти, угасает и Дар, но остается что-то... нечто вроде пепла... здесь же... пустота – и все... будто вначале забрали Дар Мастера, а огонь жизни последовал за вытекающей Силой...

Вирд обернулся к хмурающемуся Кодонаку, тот уже начал расспрашивать двух присутствующих здесь женщин. Советник Эниль стоял в проходе, бледный и сгорбившийся...

– Это служанка Мастера Клата – Инди Мия, она занималась стиркой и уборкой, – пояснил Кодонак Вирду, указывая вначале на сидящую на полу, затем на вторую даму. – А это повариха Лидина Атас. Расскажите Верховному, как вы нашли покойного.

– Я пришла утром, как обычно, – начала старшая женщина, – чтобы спросить Мастера Клата, чего желает он к завтраку. А тут – эта! Голая совершенно! Спит, как ни в чем ни бывало! Бесстыжая! А рядом... – женщина очень резко с осуждающего тона перешла на плач, и голос ее задрожал, – мертвый Мастер Клат...

– Я не знаю... я не помню... Я проснулась... а он лежит... Я не помню ничего!.. – бормотала сквозь слезы молодая служанка.

Внутри у Вирда все сжалось от недоброго предчувствия.

– Не нужно меня казнить... я не убивала его... я не помню ничего...

– У тебя же муж есть! – ругалась повариха. – Как тебе не совестно!..

– Она не виновна, – тихо, но твердо произнес Вирд, заставив рьяную поборницу морали замолчать. – Все, что здесь вы видели, должно остаться в тайне. В совершенной тайне! Ни одного слова – никому! – строго повелел он женщинам. – Можете идти.

Повариха поджала губы и, поклонившись Вирду и Советникам, продефилировала к выходу. За ней плачущая служанка бросилась подбирать разбросанную по полу свою одежду, и, собрав все, тоже выскользнула прочь.

– Что случилось с ним? – тихим бесцветным голосом спросил Советник Эниль, когда они остались вдвоем. – Отлив? Старость?

– Нет. – Вирд размышлял о том, что случившееся с Ифом Клатом намного хуже смерти от отлива Силы... – Его... – он долго подбирал подходящее слово, пока наконец нашел, – выпили... Его Дар выпили...

Кодонак и Эниль разом тревожно посмотрели на Вирда.

– Атаятан? – спросил Командующий Золотым Корпусом.

– Я не знаю, – честно признался Вирд.

– Ты сказал, что его Дар выпили... Что ты имел в виду? – Бисеринки пота выступили на бледном лице Ото Эниля. Загадочная смерть Мастера Силы в самом сердце Города Семи Огней, в наиболее безопасном и защищенном здании приводила в ужас и самого Вирда.

Он пожал плечами:

– Не знаю точно. Но он умер именно из-за того, что Дар вытек из него... очень быстро, как будто кто-то вытянул Силу.

– Клат не отличался любвеобильностью, – заметил Кодонак. – Никогда раньше за ним не наблюдалась тяга к соблазнению молоденьких служанок. Тем более замужних... Наоборот, Иф всегда слыл человеком строгих нравов. А тут – обнаженная женщина в его постели... Что это с ним приключилось?

Смерть в обличье юной красавицы
Придет потушить старика огонь...

Его поцелуй выпьет силы последние,
Стук сердца остановит ее рука... –

бормотал Советник Эниль какие-то мрачные стихи.

– Прекрати, Ото! – раздраженно прошипел Кодонак. – И так муторно!

– Мы ничего не знаем... – Вирд чувствовал себя совершенно беспомощным и неспособным защитить тех, кто доверился ему. Он – Верховный, Мастер Путей, но понятия не имеет, что происходит! Какой Путь может ему подсказать? Он многие дни концентрировался, пытаясь найти разгадку, узреть видение или услышать пророчество о том, как Атаятан может действовать, используя тело человека. Но он видел лишь десятки картин далекого прошлого: эффов, убивающих Одаренных, смаргов Древнего, его насыщение... Вирд видел самого Атаятана-Сионото-Лоса – Древний выглядел очень крупным человеком, великаном десяти футов роста, и при этом *нечеловечески* красивым. Он мог завораживать своим голосом и внешностью, но вызывал не восхищение, не любовь, не симпатию, а только ужас, глубокий, таящийся в самых темных уголках души и выползающий оттуда при одном взгляде на него... ужас... Подобного тому, что произошло с прислужником Хатоем в день, когда восставшие ворвались в Здание Совета, и слуга обратился к Эбонадо Атосаалю не своим голосом и не со своими словами, а затем умер страшной смертью на глазах у Вирда, – он не видел... Как мог Древний использовать человеческое тело, тем более тело неодаренного? Почему об этом никогда не упоминалось? Почему Атаятан воспользовался именно этим приемом, чтобы призвать к себе Атосаала? На что еще был способен Древний, пребывая в теле обычного человека? Мог ли он использовать Дары связанных с ним? Обладал ли неуязвимостью? Мог ли воспользоваться телом этой женщины, чтобы приблизиться к Мастеру Клату и убить того? Если так, то почему Хотой умер, а Инди жива и невредима? А может, случай с Клатом вовсе и не связан с умением Атаятана вселяться в чужое тело?..

– Вопросы... вопросы... Одни вопросы, – прошептал Ото Эниль, озвучивая мысли Вирда.

Вопросы. Одни вопросы.

– Нужно искать ответы. – Кодонак, как обычно, пришел в себя первым.

– Ты прав, – поддержал его Вирд. – Советник Эниль, как там наши Пророки и Толкователи, нашли что-нибудь?

Спрашивая, он направился к выходу из комнаты – разговаривать и думать в присутствии мертвого Мастера Клата было трудно. Нужно позвать слуг, чтобы приготовили тело к погребению. Советник Эниль, печально оглядываясь на погибшего, последовал за Вирдом, как и Кодонак.

– Я собрал всех, как мы и договаривались. Дал им доступ ко всем рукописям библиотеки Семи и к записям, к которым прикасалась лишь рука Верховного. Но об использовании Древним человеческого тела в качестве своего сосуда... нигде не упоминается. С другой стороны, наши предки могли и не наблюдать этого, ведь, встретившись с Атаятаном, они тут же пленили его, а затем усыпили, – докладывал Ото.

Вирд кивал. Следует быстрее заняться чатанскими Мудрецами: раз уж они отыскиали у себя чертежи Доа-Джота, то в их библиотеках должно быть много чего интересного.

Глава 3 «Перо смерти»

Вирд-А-Нэйс Фазль

Оружейная Силы находилась на южной окраине Города Семи Огней. Мастера Оружейники хотя и считались частью Золотого Корпуса, все же представляли собой совершенно особую категорию боевых Одаренных и были полностью закрытым сообществом. Разве что самого Кодонака они пускали сюда беспрепятственно, и то, как подозревал Вирд, не потому, что он был их официальным Командующим, а потому что это был не кто иной, как Хатин Кодонак, умеющий располагать к себе людей немыслимым сочетанием решительной жесткости и обаятельной улыбки. А еще тем, что готов был собою закрыть подчиненного ему воина в бою. И каждый его боец знал: если нужно, Командующий за него жизнь отдаст. Кодонак действительно был таковым, без фальши, без показухи, и это порождало в его людях невероятную верность ему и делу, за которое он сражался.

Главным у Оружейников был Мастер Гилт Роалд. Приземистый и плечистый мужчина, его длинные темно-русые с проседью волосы были так туго обмотаны вокруг головы, что Вирд сразу было подумал, что он стрижен. Позже Вирд заметил, что у всех Оружейников подобные прически. Роалд был очень энергичен, имел быстрые черные глаза, подвижное лицо и разговаривал руками столько же, сколько языком, сопровождая жестом каждое слово.

– Рад видеть тебя, Кодонак! – обратился он неофициально к Командующему, когда они с Вирдом пришли в Оружейную.

Он обнялся по-братски с Хатином, а затем с улыбкой подошел к Вирду.

– Верховный. – На Роалде не было д'кажа, поэтому он дотронулся ладонью до груди, а не пальцами до лба, как принято у Мастеров Силы, поклонился, а затем еще больше расплылся в улыбке и заключил Вирда в крепких объятиях, похлопывая по спине. Невольно Вирд вспомнил тяжелую дружескую руку Ого.

Его рыжий товарищ сейчас всю упражняется в Академии Воинств: вполне возможно, что кутийская кровь позволит Ого сделаться Мастером раньше, чем через десять лет.

– За мечом? – быстро спросил Роалд, взмахнув при этом рукой, и его глаза азартно сверкнули.

– И не только, – ответил за Вирда Советник Кодонак. – Похоже, наш Верховный хочет взять у тебя пару уроков, Роалд.

У Мастера Гилта расширились глаза, затем он лукаво сощурился и рассмеялся.

– Что ж, идем! У меня тут есть особая сталь. Секрет сплава узнали наши разведчики в Годже, а мы тут немного поколдовали над ним... – рассказывал Роалд, рисуя в воздухе картины подвижными руками. – Так что...

Вирд шел за Мастером Роалдом туда, откуда доносился звон металла. Там работали кузнецы. Они вошли в жаркий цех, где ковались заготовки мечей, к которым будет применена Сила. Люди, работающие здесь, Одаренными не были.

– Мастер воздействует Даром на меч только в самом конце работы, – пояснял Роалд, перекидывая звон молотов, – заостряет, придает кое-какие свойства, чтобы меч не затупился и через тысячу лет, ну и... вкладывает особую песню. Без воздействия Мастера выходит обычный злой клинок.

Злым клинком, как узнал Вирд недавно, называли оружие, которое заставляло берущего его в руки Одаренного бойца думать лишь о смерти, заглушая любую другую мысль, жаждать крови с безумной страстью; такой меч очень трудно контролировать. Подоб-

ными свойствами обладали клинки, выкованные обычными кузнецами, испытанные в бою и попившие крови на своем веку.

Меч Кодонака «Разрывающий Круг» был изготовлен более шести тысяч лет назад, и он не затупился, не заржавел, и песня его имела особую цель, ставшую вновь актуальной и важной сегодня... увы...

Вирд сделает себе меч не хуже. Он был в этом уверен, хотя Путь Оружейника еще не пробовал. К мастерской, где производилась финальная часть работы над клинками Силы, им пришлось идти довольно долго, переходя по крытым галереям из здания в здание, петляя коридорами, спускаясь и поднимаясь по лестницам.

В обширной комнате, находящейся на самой вершине Оружейной башни, стоящей в центре всего комплекса строений, работали сейчас пятнадцать Мастеров. Перед каждым на специальной стойке был установлен почти готовый меч без рукояти, Мастера Оружейники водили плавными движениями ладоней вдоль клинка, и Вирд видел, как потоки Силы – переливы алого и зеленого – воздействуют на сталь, затачивают, укрепляют ее. Под их ладонями рождалась и песня, пока еще тихая, едва слышная... и то, только для самих Оружейников и для Вирда, но нарастающая с каждым их жестом. Она заставит Одаренного воина, взявшего меч в руки, услышать себя, она поведет его в бой, разгорячит его кровь, сделает его единым целым с клинком, придаст сил его мышцам, вплетется в его дыхание... и Мастер Оружия сам станет оружием.

Восторг захлестнул Вирда. В нем одновременно проснулись и Дар Оружейника и Дар Мечника. Он задышал быстрее и глубже, а сердце принялось нетерпеливо подскакивать в груди. Кодонак с легкой улыбкой косился на него, но Хатину сейчас понятна лишь половина того, что испытывает Вирд.

Юноша едва сдерживался, чтобы не дотронуться, не применить свою Силу к одному из мечей: это работа другого Мастера – нельзя вмешиваться.

– Мне нужна заготовка, – выговорил он непослушными губами, сдерживая Дар из всех сил.

Роалд, заметивший его реакцию и довольный донельзя, махнул рукой, приглашая их следовать за собой. Там, чуть дальше, был вход еще в одну комнату – личную мастерскую главного Оружейника. По пути он подозвал слугу и приказал:

– Неси ко мне ту заготовку, что сделали вчера – фойдейская сталь.

Тот кивнул, бросился со всех ног исполнять приказание.

В кабинете Вирд немного успокоился, отдышался, но когда внесли заготовку и установили перед ним на стойку, Сила Дара... Даров накрыла его новой волной.

В этот раз он не мог понять, какой Путь проснулся: конечно, Оружейник... Мечник, но это не все... Разноцветные сполохи затрепетали внутри него, руки наполнились невероятной Силой, мышцы напряглись. Вирд протянул ладони к заготовке и услышал прекрасную музыку – Путь Музыканта... Мелодия стала крыльями к Дару, что затачивал меч. Песня меча не требовала никогда раньше музыкального сопровождения, но не сейчас... Фиолетовая мгла Пророка стала фоном для творимого музыкой рисунка битвы: Вирд видел погибающих врагов, падающих под его ударами смаргов Древнего, видел, как пронзал его меч тех, кто связан Кругом, и как черная кровь хлестала из их неуязвимой для обычного оружия плоти.

Он чувствовал сталь так, как может чувствовать материал только Мастер Строитель, даже Оружейнику того не дано: скреплять нескрепляемое, придавая мечу прочность и остроту, каких еще не видел мир. Но затачивал он клинок, как Оружейник, а чтобы вложить в него песню, Вирд взял оружие в руки. Сила-кровь заструилась в единых для них с клинком жилах, продолжении его рук. Песня родилась сама, родилась под музыку, которая

наполнила все пространство вокруг картинами боя, и алые с золотом линии, будто только что оставленные рубящим мечом следы в воздухе, появлялись то тут, то там.

Меч резал и колол, и не было невозможного для него. Плоть врага из Первого Круга, неуязвимая для другого оружия, становилась маслом для этого клинка. Меч пел, словно неистовый ветер, словно ураган, жаждущий мести восставшим против огня жизни. Нет пощады, нет милости, пока последний из смаргов не умрет, пока каждый из отдавшихся Древнему не уснет сном смерти, пока самого Древнего не поглотит забвение.

Вирд видел себя сражающимся до изнеможения, видел себя израненного, но не чувствующего боли, видел множество крови, неестественно черной, хлещущей из-под лезвия клинка. Слышал стоны и крики, проклятия и мольбы... Но его меч не остановится, пока не напьется. «Пить! Пить! Пить!» – пульсировало в его жилах. Клинок оживал под его ладонями. Вирд слышал его дыхание, его жажду...

Это был самый острый меч, какой только держал в руках человек. Но чтобы пробить тело неуязвимых, требовалась сверхъестественная острота. Повинуясь велению Дара, Вирд обработал края тарийским огнем, при определенных обстоятельствах этот огонь вспыхнет вдоль лезвия, а по долу клинка засияет яркий свет.

Огонь Создателя противен самому существу Древнего. Свет выжжет глаза тем, кто предал Тарию.

– «Перо смерти»! – назвал Вирд и услышал в ответ:

Вырван из крыльев того, кто летит.
Призван смерть принести Врагу.
Кого назовешь ты врагом своим, того крови напьюсь я сполна.
Направь меня, и станцую с тобой, я остр, как слово, и быстр,
как молнии сполох.
Ты дал имя – и я принял его.
Перо смерти – я вычеркну имена твоих врагов из начертанного
жизнью.
Чернила мои – кровь, и пишу я на глади судьбы.
Я ветер, кружащийся в буре, пылающая на солнце сталь, я
принесу
тебе славную победу.
Во мне песня жизни и смерти, ради жизни я кровь проливаю.
Неуязвимое мною пробито, я разящий до основания.
Проклятье на устах твоих пробужденному Врагу, стало силой
на моем острие, что пронзает камень сердца,
а лезвием плоти сталь разрезает, как ткань.

«Перо смерти» – огненными сияющими буквами выгравировал Дар Вирда имя меча на клинке.

Он завершил меч, изготовил рукоять, используя дерево Мицами – кусочек предварительно обработанного этого дерева он специально захватил с собою. Рукоять вышла теплой, прозрачной, приятной для руки. Мицами срослось со сталью, Вирд не знал как – знал его Дар. Строитель способен менять природные свойства материалов, придавая дереву твердость камня, а железу несвойственную гибкость и вязкость при сохранении необходимой прочности.

Дар свернулся усталым и тихим... Вирд тоже очень устал. Когда он оторвал наконец взгляд от меча, то понял, что сейчас раннее утро, едва-едва брезжит рассвет, а восходящее из-за зеленого холма солнце виднеется за восточным окном. Он работал весь вчерашний

день и всю ночь, не замечая никого и ничего. Зато теперь в его руках собственный клинок, что станет верным другом в любом бою.

Кодонак спал, полулежа на диванчике, что стоял здесь же, в мастерской. А Мастер Роалд смотрел на Вирда красными от усталости и совершенно круглыми глазами.

– Как ты это делал? – произнес он охрипшим почему-то голосом и изобразил что-то беспокойными своими руками.

Кодонак заворочался, открыл глаза и сонно спросил:

– Все?.. Уже?

– Я не понимал, что ты делал... – бормотал Роалд.

Хатин Кодонак протер глаза и нахмурился, соображая, что происходит.

– Где это видано, чтобы Оружейник делал рукоять! – возбужденно выкрикнул Мастер Роалд прямо в ухо Кодонаку, тот поморщился и отпрянул.

– Ты что, Мастера Путей видишь в первый раз? – усмехнулся он. – Ты ожидал, что он будет работать как кузнец? Возьмет молот – и вперед?

Роалд не находил слов, поэтому попытался объяснить руками, но этого языка, увы, никто не понимал.

Кодонак нерешительно взглянул на Вирда, во взгляде читалось: «Позволь послушать песню...», но Советник не озвучивал просьбу, и Вирд понял почему: он стоит, вцепившись в рукоять обеими руками и прижимая клинок к груди, острием вниз, а вид у него, наверное, такой, будто он скорее убьет, чем выпустит меч из рук.

Вирд устало улыбнулся и протянул меч Кодонаку. Хатин принял оружие не сразу, вначале оглядел острие, увидел выгравированные символы имени: «Перо смерти», провел осторожно по ним пальцами, а только затем взял меч так аккуратно, будто стеклянный. Он прикрыл глаза и задышал часто – он слышал песню, текущую в его крови, разжигающую сердце, подпитывающую огонь Дара.

Когда Кодонак отдал меч Вирду, руки его едва заметно дрогнули, и он закусил губы. Он хотел что-то сказать, открыл рот, но лишь выдохнул...

На некоторое время воцарилось молчание, и все трое погрузились в размышления.

– У меня здесь есть подходящие ножны, – первым прервал молчание Мастер Роалд, вставая и открывая ящик, что стоял поверх своих братьев-близнецов, сгрудившихся у стены.

Извлеки на свет легкие кожаные ножны, украшенные орнаментом в стиле символов Силы, он отдал их Вирду: не слишком броские, удобные, меч входит в них легко и при этом не болтается. Вирд удовлетворенно кивнул.

– Вам нужно будет вооружить всех Мастеров Золотого Корпуса новыми мечами, – сказал Вирд. – Будете работать с Музыкантами Силы и Строителями.

– Это еще зачем? – удивился Роалд, не очень-то обрадовавшийся такой перспективе.

Мастера Тарии, как заметил Вирд, ревниво относились к своему делу, держались Одаренных, следующих тем же, что и они, Путем, и очень редко работали вместе, но это – их слабая сторона. Он знал, что в Городе под куполом все было не так, и поэтому те люди не только выжили в суровых условиях, но и победили зло – неуязвимое, царствовавшее в силе, и владевшее всем известным миром.

– Только вместе, объединяя Дары, мы можем создавать то, что создавали наши предки, и лучше. Мечи, которые будут поражать связанных, даже из Первого Круга; оковы, которыми можно будет пленить Древнего; заслоны, через которые не просочится зло. – При этих словах Вирд вспомнил смотрящие в потолок, застывшие глаза мертвого Мастера Клата. Можно ли создать защиту против этого? Чтобы у него в Городе больше никто *так* не умер...

– Да, Верховный. Как скажешь... – задумчиво кивнул Роалд и потер щеку, на которой за ночь появилась черная щетина.

– Почти сутки прошли... – пробормотал Кодонак, – надо возвращаться, а то все нас обыскались.

Он разминал затекшую от сна в неудобной позе шею. Вирду же очень хотелось спать. Кодонак прав, нужно возвращаться, и перемещение – сейчас лучший способ.

– Спасибо вам, Мастер Роалд, – поблагодарил его Вирд, тот в ответ развел руками и пожал плечами: «За что?»

Вирд не мог переместиться сразу в одно из помещений Здания Совета – мешала им же установленная защита от незваных гостей, хотя внутри здания перемещение было возможно. Они с Кодонаком оказались почти у самого входа, прошли мимо охраны, которая узнала Верховного и Советника и, не успели оказаться на жилом этаже, как наткнулись на Мастера Миче, явно искавшего их со вчерашнего дня. Алисандес Миче очень походил на мать глазами, и Вирд, глядя на него, всегда с теплотой вспоминал добрую старушку. Кажется, вечность прошла с тех пор, как он пришел в Шеалсон. То было в другой жизни... и он был другим человеком. Но тогда дышалось ему легче – груз ответственности за всю Тарию не лежал на его плечах, он был просто парнем... бывшим рабом, беглецом, снявшим ошейник с живого эффа... но все равно – просто парнем.

– Верховный! Советник Кодонак! – воскликнул Миче, приближаясь и салютуя им. – У меня донесение.

Вирд устало положил руки на плечи Кодонака и Миче, чтобы перенести их в свой кабинет.

Обстановка здесь напоминала об Атосаале. Когда он садился на одно из роскошных кресел, в ушах звучали слова бывшего Верховного о недолгой жизни Вирда... о случайной искре... о том, что Пророк не видит ни его, ни его следов... Нужно будет поговорить с Аби-лем Сетом, и хотя Сет больше Толкователь, чем Пророк, все же можно спросить, видит ли тот его – Вирда?

– Что за донесение? – спросил Кодонак.

– Нашли человека на улице Мудрых... мертвого.

– Еще один Мастер Силы? – нахмурился Вирд.

– Нет, это неодаренный.

– Так что особенного в его смерти?

Миче поморщился:

– Он выглядит так... как Хатой.

Лучник Миче был с ними в тот день и видел, как умер прислужник Хатой: его кожа слезла... будто изъеденная кислотой.

– Кто он? – уточнил Вирд, стараясь не показать и без того озабоченному Мастеру Миче свою тревогу и страх.

– Это Лайс Полто – портной. Он шил одни из лучших камов в городе. К его услугам прибегали все члены Совета, да и Эбонадо Атосааль всегда заказывал у него свою одежду.

– С кем встречался он перед смертью? – «К кому мог приходиться Атаятан-Сионото-Лос?»

– Пока точно не известно, но в том доме, где нашли Полто, жил Мастер Художник Олтэн Дорго. Говорят, он медлил с переселением в Здание Совета. Сейчас его разыскивают.

– У этого Мастера Дорго есть семья? – продолжал расспрашивать Вирд.

– Нет. Ему сорок семь лет. Он не был женат, родители его умерли, братьев или сестер тоже нет...

– Не знаю, важно ли это, – вмешался Хатин, – но Дорго был близок с Канной Хэт – Мастером Перемещений, которая оказалась связанной с Древним.

Возможно ли, что Атаятан приходил к Дорго? Зачем тот ему понадобился? Куда подевался Художник? Связано ли это с Канной Хэт?

Служанка Мастера Клата так и не смогла вспомнить, как оказалась в его постели, и Вирд видел, что она не врет. Все, что она помнила, это как замочила белье и стала оттирать вьевшееся в кам пятно, а дальше – пустота. Похоже, что кто-то, воспользовавшись ее телом, убил Мастера Клата... Почему «кто-то»? Это мог быть только Атаятан! Но почему тогда одних он убивает, когда покидает их тело, а других оставляет в живых? Имеет ли значение, мужчина это или женщина? Вопросы... вопросы... одни вопросы. А он, Вирд, – слишком молод, слишком неопытен, слишком мало знает... Он даже не уверен, что не умрет, не погаснет, едва зажегшись, не уверен, что Атосааль был не прав, предрекая ему скорую смерть.

– Вирд... – неожиданно обратился к нему Кодонак, и он понял, что, пока размышлял, почти уснул – сидя и с открытыми глазами. – Вирд, если ты не поспишь, то не сможешь ничего придумать или предпринять. Отдыхай.

– Но уже утро... – вяло пробормотал Вирд. Он не только эту ночь не спал – предыдущая тоже была бессонной, а в ночь третьего дня ему удалось уделить сну лишь три часа, а затем он отправился в библиотеку, искать сведения...

– Я пока расспрошу всех свидетелей, – продолжал уговаривать его Кодонак, – узнаю, что и как. Когда проснешься, я уже буду здесь и все тебе доложу.

Вирд хотел было возразить из последних сил, но Кодонак решительно поднялся и направился к выходу вместе с Мастером Миче, на ходу говоря:

– Ни к чему нам сонный Верховный.

Вирд сдался.

Он добрел до спальни, стянул с себя кам и повалился на кровать, не расстилая ее.

– Верховный, к вам Иссима Донах. Пускать? – спрашивал Мастер Таш, ныне Мастер Золотого Корпуса, хотя волосы бывшего Тайного еще не отросли. Вирд заметил, что Таш чаще других дежурит у его двери.

Вирд только что проснулся, было уже далеко за полдень, и выспаться ему удалось, но особой бодрости он не чувствовал. Иссима? Чего она хочет? Обычно девушка передавала свои просьбы и пожелания через Элинаэль, с которой дружила. Если она пришла к нему лично, значит, что-то стряслось.

– Да, конечно, – ответил он Ташу, поспешно натягивая кам.

Она была одета в шелковое голубое платье, оттеняющие яркие глаза, ткань такая тонкая, что подчеркивает все изгибы фигуры. Золотые волосы до самых пят свободно рассыпались по плечам и спине. Нужно быть слепым, чтобы сказать, что она не красива. Но для него Элинаэль несравненно лучше.

– Здравствуй, Иссима. Присаживайся, – предложил Вирд, стараясь не смотреть на соблазнительную красавицу.

– Как странно видеть тебя здесь, вместо деда... – тихо проговорила она, усаживаясь в кресло перед камином.

Вирд убавил тарийское пламя, что было ему подвластно, до маленького огонька, так как пришла весна, и в Городе Семи Огней уже было достаточно тепло.

– Так, словно приходила всю жизнь под сень раскидистого огромного дуба, а однажды увидела, что его выкорчевали, а на его месте посадили какой-то кустик.

«Какой-то кустик?» Зачем она пытается его оскорбить?

– Тот дуб весь прогнил, – холодно ответил Вирд, – а из «кустика», может, что и вырастет.

– Если его не затопчут, – еще более холодно отозвалась девушка.

Она смотрела прямо в его глаза, и Вирд спросонья не мог понять, что в ее взгляде...

– Иссима, ты хотела меня видеть? Что-то случилось?

– Я нравлюсь тебе? – резко сменила она тему и тон.

Вирд был ошарашен вопросом. Она встала и подошла ближе к нему, сам Вирд еще не успел усесться в кресло.

– Я красивая? Как ты считаешь? – Это Иссима спросила, стоя достаточно близко, чтобы взволновать любого мужчину.

– Да. Ты красивая, – ответил он, делая шаг назад и заходя за спинку кресла.

– Так я нравлюсь тебе?

– К чему это все, Иссима? – Вирд начинал сердиться.

– Вирд – ты Верховный! – засмеялась девушка. – Тебе можно делать все, что ты захочешь! Ты еще не понял всех преимуществ? Тебе стоит пожелать – и любое твоё желание будет исполнено. У тебя власти больше, чем у императора Ары, чем у Короля-Наместника, чем у королевы Ливада. Ты – Верховный! Ты ведь не давал Элинаэль клятву верности! Ты можешь быть и с ней и со мной. Вместо одной красивой девушки – две! Разве это слишком много для Верховного?

– Для меня – да! Это слишком много. Я люблю Элинаэль.

– Я же не заставляю тебя ее разлюбить!..

Она вновь нашла способ приблизиться к нему и буквально зажать в угол между камином и креслом. Иссима взяла его за руки, подняла к нему безупречное лицо.

– Любить можно по-разному, – говорила она сладким и мягким, как текущий мед, голосом, – Элинаэль – так, меня – иначе. Если ты пожелаешь, она ничего не узнает. Да пойми же ты, дурачок! Ты можешь иметь все! Тебе вся Тария принадлежит! Не одна девушка, а любая, на какую ты посмотришь!

Вирд попытался высвободить руки, но не слишком решительно – девушка держала его крепко, и он боялся причинить ей боль.

– Не отказывайся так сразу. Я же вижу, что ты хочешь этого. Попробуй... Один поцелуй – и всегда можешь остановиться. Быть Верховным – это не только ответственность, есть и приятные моменты.

Ее губы так близко...

– Ты же вырос в Аре. Я слышала, что там нравы касательно любви не такие строгие, как считается у нас. Ведь так?

Эти слова помогли. Он вспомнил Ару. Рабство. Насилующего Миху надсмотрщика. Вспомнил побег, эффа, свои сны... Затем вспомнил Хатоя, который смотрел на него глазами Атаятана, а потом упал и умер, и он не мог ему помочь. Вспомнил мертвый взгляд Мастера Клата, из которого выпили Дар... Вся Тария ему принадлежит?! Люди умирают в его стране, в то время как он – совершенно беспомощен, а какая-то избалованная девчонка пытается его соблазнить, толкуя что-то про абсолютную власть! Вирд рассердился, отстранил Иссиму и отошел в центр комнаты.

– Ступай, – негромко, но твердо сказал он. – Мне не до этого сейчас. Не трать на меня свои силы, Иссима. В Тарии найдется множество достойных мужчин, которых тебе не придется ни с кем делить.

В ответ она засмеялась. Села в кресло и спросила:

– Так ты не хочешь?

– Нет.

– Я не верю. Но ты прошел испытание.

– Испытание?! – «Она устраивает мне испытание?» – Вирд давно не бывал так зол. – Что это за игры?

– Я хотела проверить тебя. Ты прошел эту проверку.

– Иссима, ты в своем уме?! К чему твои проверки?

Лицо ее сделалось печальным, маска соблазнительницы спала, девушка опустила голову:

– Присядь, пожалуйста...

Вирд сел, но сердиться не перестал: «Это снова какие-то игры?»

– Ты мне нравишься... С тех самых пор, как я исцелила тебя... отсекала боль.

– Я благодарен тебе, но...

– Выслушай, Вирд! Когда я поняла, что ты с Элинаэль... Это произошло так быстро...

Мне показалось, что просто так сложились обстоятельства. Она была рядом, а я далеко – на берегу залива...

– Она тоже была далеко – в цитадели Шай.

– Теперь я знаю. Но все равно, я думала, что ты ошибся. Просто она оказалась более ловкой – раньше, чем я, предложила тебе себя. Любой юноша в твоём возрасте легко загорается, только увидев хорошенькую девушку. И если бы причина была в этом, то я бы легко отбила тебя у нее. Мы бы сейчас не разговаривали, а занимались чем-то другим...

Вирд почувствовал, что краснеет.

– Но ты прошел проверку. И я уступаю. Но учти, если я увижу, что между вами все не так хорошо, я воспользуюсь своим шансом.

– Это угроза?

– Это предупреждение. Тебе предстоит еще одна проверка – временем.

– Времени у меня мало, – мрачно произнес он. – Может, и вовсе нет.

Глава 4

При дворе

Гани Наэль

Совсем недавно он был в самом низу – в прямом смысле слова: жил в подземелье и ночевал на дурно пахнущем матрасе, днями не видел белого света и готовил с величайшими стратегами Тарии планы по смещению Верховного и других приспешников Атаятана, облеченных властью, и вот он – на гребне волны. Для человека смелого буря иной раз – не гибель, а возможность. А Гани Наэль считал себя смелым человеком, почти как дед его, пират.

Роскошь королевского дворца, конечно, уступала убранству покоев Верховного Ато-сааля, который за более чем триста лет своей жизни пристрастился к дорогим и изысканным вещам (Вирд – этот ходячий вихрь, конечно же того не оценит, ему все равно – сидеть за столом из прозрачного Мицами или из наскоро сколоченных, едва оструганных досок), но королевский дворец, что ни говори, был красив. Неодаренным отпущен короткий век, а молодость их – дуновение ветра, поэтому нужно успеть – успеть насладиться всеми благами, что предлагает этот мир. Не стоит тратить свои дни попусту, огорчая взор бедностью, грязью и разрухой, лучше любоваться на стройные колонны и узорчатые арки, созданные рукою самого Тотилиа, на картины, написанные кистью величайших Мастеров Художников, в том числе и Одаренных, вдыхать аромат роз, что растут в королевском саду, и духов, что используют придворные, сидеть в мягких креслах, пить лучшее вино, баловать свой вкус изысканнейшими блюдами, дарить улыбки и поцелуи прекрасным дамам.

Гани Наэль с каждым днем все больше и больше понимал – он просто создан, чтобы стать придворным, советником короля. Такой должности он удостоился, когда Мило Второй узнал о его роли в деле восстания. А когда королю стало известно, что именно Музыкант Наэль нашел в Аре и привел в Город Семи Огней их Верховного – Мастера Путей, то слава окружила его, сделав наиболее уважаемым человеком во дворце... после Короля-Наместника, конечно, – Гани скромн.

То жалованье, что полагалось королевскому советнику, Гани приятно удивило. Он теперь мог бы купить себе несколько домов на берегу озера Фаэлос, было бы время в них жить: придворные дела отнимали ужасно много сил, а здесь, во Дворце, он имел свои покои, обставленные почти так, как он и мечтал. Пару незначительных штрихов: арайский ковер, таширские фарфоровые вазы, годжийские сабли как украшения на стене и конечно же модель фрегата из Междуморья, – и жилище полностью удовлетворяет его вкусу.

Если бы не предстоящая Тарии война, Гани Наэль сказал бы, что жизнь его вполне удалась. В последнее время Вирда, Кодонака или Ото Эниля он почти не видел, да и не особо искал встречи, так как они были слишком озабочены и заняты сейчас. Вирд крутится, как белка в колесе, не высыпаясь и почти не улыбаясь из-за свалившихся на него обязанностей. А Кодонак, Эниль и прочие... вроде бы и мудрые, пожившие на свете люди, а додумались до такого – сделать мальчишку Верховным! Хотя... это Вирд – он поставит весь мир с ног на голову.

После того как Эбонадо Атосааль и его приспешники покинули Город, здесь воцарились мир и покой, и единственное, что отчаянной тревогой гложет каждого жителя, – возможность их возвращения во главе с Древним.

Став придворным, Гани пересмотрел свой гардероб, вернее – выбросил старый и приобрел новый. Он лично заказал лучшего шеалсонского шелка с росписью: алые соловьи на фоне вечернего неба. Служащим у короля больше года советникам тот жаловал титул

графа и земли в западной Тарии. Когда Гани станет графом, на его гербе непременно будет алый соловей, если до того времени останутся еще Король-Наместник и Тария...

Из этого шелка ему сшили три кама, и еще несчетное количество – из парчи, шерсти, бархата: различных цветов и оттенков, украшенных вышивкой и отделанных золотом, с широкими, как крылья, и узкими по руке рукавами, с высоким воротом и большим вырезом. О туниках, штанах, поясах, туфлях, сапогах и говорить не стоит. Под гардероб у Гани теперь отведена целая комната, и ему не верилось, что совсем недавно все его перемены одежды вмещались в заплечный мешок.

С таким разнообразием не так-то просто выбрать поутру, что надеть к завтраку. Еще одно преимущество придворной жизни – завтрак тут начинался не спозаранку, а когда солнце было уже достаточно высоко, чтобы дать Гани время хорошо выспаться.

Он облачился в желтый кам и высокие, по дворцовой моде, сапоги самостоятельно, хотя по званию ему положены слуги. И таковые у него были... не слуги – одно название! Эй-Га и Харт конечно же не стали бы его одевать, а если бы они и выразили такое желание, то сам Музыкант не позволил бы этим немывтым дикарям дотрагиваться до его новенькой одежды. Но они хотя бы годились в охранники, когда Гани нужно было пройти вечером по Городу Огней в это беспокойное время. Еще у него была служанка – Ата. Но эту Дочь снегов он уж точно к себе близко не подпустит. Поначалу у него была наивная надежда, что приученная к физической работе северная женщина будет хорошо наводить порядок и стирать его одежду. Куда там! Хорошо она умела только поучать и командовать на свой дикарский лад. И еще пыталась лечить его от каких-то неведомых болячек путем окуривания и протыкания иглами, похожими на пыточные. Будто он – Гани Наэль, королевский советник, знакомый с самим Верховным, не мог получить помощи от лучших Целителей Силы. Да и не было у него никогда никаких болячек! Ни искры, ни пламени!

Почему вообще эта женщина, которая обещалась было, – он помнил, – следовать за Человеком с крыльями, то есть прилипнуть к Вирду, а не к Гани, до сих пор ошивается около него? Гани подозревал, что разгадка в том, что ей приглянулся Эй-Га. Маленьким женщинам часто нравятся очень высокие мужчины...

Так что его «прислуга» находилась сейчас где-то в крыле для слуг огромного дворца, Эй-Га и Харт играли в кости, слушали наставления Аты и не спешили, в отличие от товарищей по ремеслу, к своему господину. Гани непременно заведет парочку настоящих слуг. Лучше всего для этого наведаться в Шеалсон и переманить у Фенэ ее бывших рабов – те-то приучены к порядку! А можно подговорить какого-нибудь «прыгуна», переместиться в Ару, купить там несколько рабов, затем освободить здесь, в Городе Семи Огней, и они будут служить из одной только благодарности так, как не смог бы ни один горожанин даже за солидные деньги.

С Мило Вторым завтракала уйма народу: титулованные особы, двор, иностранные послы, советники и прочие, и прочие... но Гани было отведено почетное место – седьмым справа от короля.

Сегодня соизволила выйти к завтраку и ее величество Алиния, что бывало редко. Младшая дочь королевы Ливада (там трон передавался по женской линии, и ее сестра должна была стать следующей королевой) не отличалась особой красотой: жесткий властный взгляд, резкие черты лица, прямой, чуть загнутый на кончике нос, светлые волосы, брови и ресницы, тонкие поджатые губы, худощавая, почти тощая фигура. Но все же нечто привлекательное в ней было, больше не во внешности, а в уверенной манере держаться, умении пошутить и понять шутку, решительности и безупречном вкусе.

Гани часто замечал на себе взгляд Алинии и прекрасно понимал, на что намекают ее глаза: не зря королеве так нравится его музыка; но в ответ он лишь косился на Мило Вто-

рого – ни к чему лишний риск, когда дела только начали идти в гору. «По-крупному рискуют только те, у кого слишком много или у кого ничего нет», – учил его отец, а Гани не относится сейчас ни к тем, ни к другим.

Алиния и сегодня, едва усевшись, принялась сверлить голубыми глазами Гани, пока Мило Второй был занят беседой с сидящим рядом с ним «придворным Одаренным» – так называли Мастера Облаков Иниго Абодо, первого советника короля. Конечно же Мастера Силы не могли оставить без присмотра неодаренного тарийского правителя, впрочем, Король-Наместник – не так, как арайский император, – решал очень мало, а если что и решал, то лишь с позволения и одобрения Верховного или Совета Семи.

Напротив Гани сидела аппетитная брюнетка – баронесса Марфия Лихлис. Гани вздохнул и устался в свою тарелку – если не стоило сердить короля и отвечать на взгляды королевы, то и Алинию также нежелательно было злить, пялясь во все глаза на прелести Марфии.

– Слыхали ли вы, Мастер Наэль, – склонилась к нему его соседка справа – пожилая графиня Инстос; с ней можно было болтать без оглядки на королевскую ревность, – что портной Лайс Полто умер?

Гани удивленно устался на нее. «Вот так новость!» Он видел Полто только вчера – забирал у того новый кам для торжеств, и портной выглядел довольно бодрым и здоровым.

– От чего он умер?

– Говорят, страшная болезнь. Как бы не было в Городе эпидемии... Кожа у него на лице и на руках вся слезла.

– Эпидемии? Для этого есть Целители. И если бы Полто был болен, то кто-нибудь из Мастеров Силы непременно позаботился бы о его исцелении – ведь он их одевал! Все-сильные Мастера камов не шьют – портных, тем более таких, как Полто, нужно беречь!

– Может, вы и правы, Мастер Наэль. Но как тогда объяснить его смерть?

Гани помрачнел. Об еще одной подобной смерти он знал – прислужника Верховного Атосааля – Хатоя. И как эту смерть объяснить, увы, смутно догадывался.

– Не знаю, графиня, не знаю... – ответил он, отправляя в рот отрезанный кусочек отлично приготовленной телятины. Мясо было мягким и пряным, а вино, которым он его запил, и вовсе выше всяких похвал. Отличное вино – букет и аромат!

Графиня Инстос спешила поделиться с ним еще дюжиной новостей не столь значительных, но более объемных и содержательных в ее устах, и, в конце концов, она так забила ему голову, что Гани не сразу понял, о чем речь, когда Алиния решила втянуть его в какой-то спор о политике:

– А вы как считаете, Мастер Наэль: есть ли опасность вторжения Ташира в Ливад?

Гани не спеша поставил на стол бокал, который держал в руке, быстрым взглядом оценил, кто из гостей смотрит на него и как, а пока он собирался с мыслями, королева дала некоторые пояснения:

– Мой супруг утверждает, что Ташир не осмелится на столь решительные действия, пока союз Тарии и Ливада скреплен нашим браком. Я же опасаясь, что прослышав о войне с Арой и перевороте в Городе Семи Огней, король Ташира Архон не преминет воспользоваться случаем и рискнет отхватить себе ливадские западные поля. Вот Мастер Абодо, например, со мною не согласен, и он, кажется, считает, что женщине о таких вещах лучше не задумываться, что наш удел – зеркала да наряды, балы да поцелуи, но не более. – Конечно же если Абодо так и считал, то вслух и при Алинии такого никогда не говорил – он сидел сейчас весь красный и не знал, куда девать глаза. Королева частенько подшучивала таким образом над своими подданными, особенно над замкнутыми тихонями, вроде «придворного Одаренного».

– Не зря же среди Мастеров Стратегов Силы почти никогда не бывает женщин, – продолжала она насмешливо.

– Моя королева, – Гани почтительно склонил голову, начиная речь, – насчет возможной войны Ливада и Ташира я, увы, мало что могу сказать. Я не политик и не стратег – я музыкант. А что до призвания хрупкого и прекрасного женского пола, то скажу так – мне выпала честь быть знакомым с одной арайской к’Хаиль, дочерью и вдовой военных лидеров Ары. Так вот, к ее рассуждениям о стратегии битвы прислушивался порой и сам Мастер... теперь Советник – Кодонак.

Королева заливисто рассмеялась:

– Непременно хочу познакомиться с женщиной, способной своим мнением касательно войны привлечь внимание самого Хатина Кодонака! Как ее зовут?

– Фенэ Агаят, – ответил Гани. – Вернее, к’Хаиль Фенэ Хай-Лид ди Агаят. Она совсем недавно вышла замуж за Мастера Агаята в Шеалсоне.

– Какие интересные у вас знакомства, – заметил граф Икрус Палстор, что сидел за столом ближе к королю, чем Гани. Этот лысеющий темноглазый мужчина лет сорока, с неприятным лицом, на котором резкими штрихами выделялись морщины у рта и острый подбородок, был хитер, подозрителен и опасен. А Гани Наэля он за что-то возненавидел с первого взгляда, а может, еще раньше – когда только услышал о приближенном к Верховному удачливом Музыканте. – Вы, случаем, не знакомы с императором Ары или с кем-то из чатанских Мудрецов?

– Такой возможности у меня не было, – ответил Гани, салютуя бокалом сверлящему его взглядом Палстору.

– Мастер Абодо, – повернулась королева к жертве, избранной ею сегодня для насмешек, – вам разве не интересно взглянуть на такую женщину? Может, вы поможете нам доставить ее сюда в столицу из Шеалсона? Я имею в виду Перемещение.

– Я Мастер Облаков, ваше величество, но никак не Мастер Перемещений. Но, если пожелаете, я могу обратиться за помощью к другим.

– Боюсь, сейчас не те времена, чтобы отвлекать Мастеров Силы на подобные глупости! – резко высказался Мило Второй. – Если тебе так уж угодно, Алиния, я пошлю гонца в Шеалсон, и эта твоя к’Хаиль получит наше приглашение и прибудет сюда. Обычным способом!

Завтрак хотя и был отменным на вкус, особого удовольствия Гани не принес: все утро его пытались втянуть в какие-то споры или просто (на первый взгляд) разговоры, имеющие тем не менее тысячи оттенков, переливов значений и намеков. Под конец Алиния вынудила его исполнить балладу «Обманутый король», которая совершенно некстати пришлась в присутствии Мило Второго... Песня рассказывала о том, как один король оставил свою королеву и, отправившись в дальние страны, полюбил там другую красавицу, которая потом и погубила его: «Опутала сердце плетеньем слов, на грудь накинула сеть, и встать не мог великий король – осталось ему умереть». Пока Гани играл, Алиния просто поедала его глазами, Марфия томно ему улыбалась, сероглазая сестра Мило Второго – Агая, недвусмысленно водила точеным пальчиком по пухлым губкам, а граф Палстор все подмечал, составляя себе в уме план гибели Гани Наэля. Благо что Мило Второй ни на что не обращал внимания и был полностью погружен в какие-то тяжелые раздумья. Зачем Алиния играет в эти игры? Ей, скорее всего, невыносимо скучно, вот она и ищет себе развлечений, связанных с риском как для нее, так и для окружающих.

Из обеденного зала Гани выскочил, как пробка из бутылки игристого ноллилайского вина, но это не помешало проклятому Палстору его нагнать.

– Столько людей Верховного, присматривающих за королем – вам не кажется это перебором, Мастер Наэль?

Граф считает его человеком Вирда Фаэля, специально приставленным к королю, чтобы, подобно Абодо, следить за действиями коронованной особы. Гани сделал вид, что не понял вопроса.

– Ситуация противоречива и нестабильна, Мастер Наэль. Мило Второй не имеет наследника; конечно, они с королевой еще молоды, но со дня их свадьбы прошло уж более десяти лет. А тут – война. Если, не доведи Мастер Судеб, что-то случится с королем, то кому достанется корона? Оставит ли Верховный Фаэль на троне Агаю, или он, будучи человеком властным и любящим перемены, изменит порядок наследования? Ведь столько всего произошло и... среди Одаренных. Вековые традиции просто поставлены на колени перед Вирдом-А-Нэйсом Фаэлем.

«Ему не до твоей мышины возни», – думал про себя Гани, вслух же сказал, прикидываясь простачком:

– Вы уж меня простите, граф, но откуда мне знать мысли Верховного? Его планы? Что до порядка наследования – будем молиться, чтобы Мило Второй прожил долгую и счастливую жизнь, оставив наследника.

– Вы слишком скрытны и сдержанны. Я, поверьте, не желаю вам зла.

«Охотно верю», – мысленно усмехнулся Гани.

– Меня, как одного из высокопоставленных лиц государства, а значит, и отягощенных большой ответственностью, беспокоит будущее Тарии. А вас – разве нет?

Жена короля по законам не могла наследовать трон, а у Мило Второго только сестра Агая, еще совсем юная, и множество очень дальних родственников. Интересно, граф Палстор – в их числе? То, что он интересуется вопросом наследования – неудивительно. А вот зачем пристает с подобными разговорами к Гани?..

– Сегодня в Тарии так много поводов для беспокойства, граф Палстор, что вопрос наследования, при живом молодом короле, отходит на второй план.

– Возможно, и так. – Палстор отставать от Гани не намеревался, он шел рядом, заложив руки за спину, и продолжал вести неспешную беседу. Не то чтобы Гани ждали срочные дела, но общество этого эффового графа – не самая приятная компания. – Но ведь не всегда так было и не всегда так будет. Почему в течение десяти лет ни Верховный, ни Советники ни разу не заинтересовались здоровьем королевы? Ведь Одаренные Мастера могли бы ей помочь.

– Вы считаете, что королеве нездоровится?

– О, Мастер Наэль, не прикидывайтесь – вы понимаете, о чем я. Может быть, у Правителя Тарии другие планы? Поговаривают, что Верховный желает упразднить должность Короля-Наместника. Конечно, это слухи, и слухов сейчас как никогда много. Находятся даже некоторые безумцы, утверждающие, будто восставший из могилы Древний опасен лишь для отмеченных Даром и не собирается свергать неодаренных правителей или менять власть обычных людей.

– Конечно же, – усмехнулся Гани, – Древний лишь разрушит Город Семи Огней до основания, перебьет половину населения Тарии, как уничтожил Детей Снегов, и заставит неодаренных правителей служить ему подставкой для ног. А свергать королей ему вовсе ни к чему.

– Вы иронизируете? Я же не утверждаю, что верю этим слухам. Слухи есть слухи. Мало ли о чем чешут языками? Как, например, о вас и особом внимании к вам ее величества.

Здесь Гани насторожился, изо всех сил сдерживая всякое внешнее проявление нервозности.

– Королева очень полюбила музыку и пение, хотя раньше больше интереса выказывала к охоте и войне, даже уговаривала Мило Второго взять ее в Доржену. Это неудивительно – зов крови. В Ливаде есть целые отряды солдат женского пола. Воительницы-ливадки известны всему миру. Не зря же там правит королева. Но вот музыка?..

– Музыка трогает любое сердце, – пожал плечами Гани.

– Конечно же настолько талантливый музыкант, как вы, может привить любовь к высокому искусству кому угодно. А слухи – пусть себе... Ветер дует, вода течет, бездельники болтают.

«Ни искры, ни пламени! Этот назойливый тип не желает оставлять меня в покое!» – думал Гани, поглядывая по сторонам в поисках способа от него отделаться.

Они давно покинули коридор, переход через галерею и вышли во внутренний сад, где весна уже начала окрашивать клумбы в ярко-зеленые тона и зажигать радужными огоньками первые цветы. Дамы и кавалеры прогуливались вдоль мощеных дорожек, переговариваясь, обмениваясь шутками, взглядами, прикосновениями...

Мастер Музыкант и граф кивали и улыбались проходившим мимо знакомым. Гани придумывал ответ Палстору и уж было придумал, когда принцесса Агая выскользнула откуда-то из-за обильно цветущего нежными голубоватыми цветами куста уфтанской вишни.

– Мастер Наэль, вы так трогательно исполняли сегодня «Обманутого короля» – я едва не расплакалась!..

Она повисла на его руке, и он решал, хорошо или плохо то, что она здесь. С одной стороны – Палстор заткнулся, а вскоре и испарился, а с другой – к нему тесно жмет сестра короля, наследница престола, которой всего-то шестнадцать и которая решила не отставать в любовных приключениях от старших дам. Но он ей здесь не помощник.

Принцесса тянула его напрямик в «яму со змеями»: у небольшого фонтана, где струилась из рта золоточешуйчатой рыбы лазурная вода, стояла королева Алиния, окруженная тремя фрейлинами. Одно шелковое одеяние по роскоши превосходило другое, но с почти скромным изяществом голубого расшитого серебром облегающего платья королевы вряд ли могло поспорить. Королева... гордо приподнятый подбородок, шаловливая усмешка на устах, чуть прищуренные, пылающие глаза. «Она снова что-то задумала, – кожей ощутил Гани, – и на этот раз жертвой выбран именно я...» С тех пор как он попал во дворец, его испытывали множество раз, проверяя на прочность, стойкость и способность выжить в среде придворных. Но если Гани остался цел и невредим в обществе Одаренных с их переворотами – то дворцовым интриганам он уж точно не по зубам. Да и когда это междуморец пасовал перед чьей-то хитростью?

– Ваше величество, – в очередной раз за сегодня поприветствовал он королеву наклоном головы и касанием браслета Мастера на левой руке.

– Мастер Музыкант! – улыбнулась Алиния улыбкой кошки, заметившей застрявшую в норе мышь. – Я так рада, что вы в этот раз не ускользнули сразу после завтрака. Нам определенно нечем заняться вплоть до самого обеда, а кому, как не Музыканту, развлечь первых дам государства, да еще и отчаянно скучающих?

– Буду рад сослужить вам службу, ваше величество, ваше высочество. Желаете послушать балладу? Или мелодию из Ары? А может, тарийский гимн? – Гани натянул на лицо самую учтивую из своих улыбок.

– Да, пожалуй, я была бы не против послушать какую-нибудь мелодию. Сыграйте нам.

Гани присел на скамейку перед фонтаном, покорно расчехлил инструмент, который практически всюду брал с собой – никогда не знаешь, где пригодится... Ведь Мастера Мечники носят при себе меч, лютня же – его оружие. Руки привычно перебирали струны, наигрывая «Весенний ветер, осенний дождь»: петь он не пел – дамы не просили, а ему не очень-то хотелось сейчас; вместо этого он прислушался к беседе, что вели женщины.

– Я предпочитаю, чтобы у мужчины были крепкие икры, налитые силой руки и мощный торс, – говорила кареглазая и темноволосая, очень молоденькая на вид фрейлина Юния. – «Вот, значит, как!»

– Ну а мне больше нравятся тонкие стройные и высокие юноши, – возразила ей Масана с пшеничного цвета кудряшками и огромными глазами цвета небес, сплошь состоявшая из приятных глазу изгибов и округлостей.

– Жаль, что Советник Абвэн оказался среди предателей, – вставила Алиния, – его можно было назвать образчиком мужской красоты. А юноши, Масана, обычно оказываются слишком неопытными. Я бы посоветовала тебе, Агая, для первой ночи выбрать все-таки мужчину постарше.

Гани сбился бы и сфальшивил, но его пальцы в игре уже давно привыкли действовать сами по себе, независимо от мыслей или чувств хозяина. «Что обсуждают эти дамы?!» Ладно, Алиния – она из Ливада, где женщины по вольности нравов дадут фору любой арайской к'Хаиль: он слышал, что там девушка, едва достигнув подходящего возраста, уже начинает подыскивать себе мужчину для первой ночи; но для чего Агаю приучать к тому же?! Она тарийка, в конце концов! А тарийские девушки, прежде всего, скромны! Куда смотрит Мило Второй?! Ему бы перегнуть взбалмошную сестренку, попавшую в дурную компанию, через колено и как следует отшлепать. И с Алинией сделать то же... если получится...

– Постарше? – засмеялась принцесса. – Так мне на графа Палстора обратить внимание? – На ее личике нарисовалась гримаса отвращения. – Пусть он будет хоть самым опытным на свете, не смогу я себя заставить целовать его лысину.

Алиния, а за ней три фрейлины залились смехом.

– Да что ты, девочка, зачем же? Палстор тебе не пара. Посмотри вокруг. Тебе нужен мужчина не слишком юный, но еще и не начавший стареть, приятный на вид, нежный и опытный. Не нужна тебе грудa мышц с огромными руками, такими руками он тебя разве что в охапку сгребет, но никак не приласкает. Чиштос, Мархай и Багалс тоже не подходят, и сама знаешь почему. Кисинам вроде бы ничего, но язык у него такой длинный и хвастливый, что лучше держаться от этого помела подальше. С пажами и слугами я бы не стала связываться, недостойно это дамы королевской крови.

«Можно подумать, что обсуждаемая ими тема – достойна!»

– Вот, например, Мастер Наэль! – вымолвила королева, сердце Гани ёкнуло, но он продолжал сидеть и играть, прикрыв глаза. – Взгляни на него: необычная внешность, он не стар, но, держу пари, опытен. Не слишком высок и широк в плечах, но он наверняка жилист и силен.

Гани почувствовал себя товаром на арайском рабском рынке. От возмущения у него вспотели ладони, но показать свою реакцию в такой неловкой ситуации означало бы – сдаться без боя.

– Посмотри, как ласкают струны его руки, так же будет и с тобой!

– А какие у него глаза! – воскликнула Масана. – В них можно утонуть! Даже у Абвэна глаза не настолько красивые! Черные, как ночь!

– А голос! – подхватила Юния. – С тех пор как он во дворце, все соловьи в королевском саду от зависти заболели и перестали петь.

Придумали себе развлечение! Думают, что он сейчас стушуетея и залется краской в смущении, или же, наоборот, растает от подобных похвал. Но в чем в чем, а в лести он понимает. И в том, как выкручиваться из подобных историй, тоже опыт у него имеется. Гани продолжал играть, будто был глух, как тетерев.

– Да! Я и не замечала, что он настолько привлекателен! – подхватила принцесса, и это убедило Гани, что разговор в его присутствии спланирован ими заранее. – Он вполне в моем вкусе. Но как мне увлечь такого мужчину? У меня ведь опыта – ни на искру!

– А я покажу, как надо, – томный голос Алинии. Гани услышал шуршание юбок и почувствовал, как кто-то садится рядом с ним на скамейку, но глаз не открыл. Вместо этого он начал петь, кстати припомнив ливадскую балладу:

Юность твоя, как роза цвела,
Волосы – шелк, и кожа бела,
Кому улыбнешься, кому знак подашь,
Тот скажет: «Навеки ваш!»
Наскучила доблесть, наскучила лесть,
И всех благородных рыцарей честь,
Готовы на все – лишь слово скажи.
Но весь мир утонул во лжи.
И сердце легло к твоему врагу:
«Когда ненавижу – тогда не лгу».
А кто ненавидит – почти влюблен,
И снится тебе только он.
Изгиб бровей и прекрасный стан,
И шрамы от славных заживших ран,
Опасный взгляд, где пылает месть,
Тебе милее, чем лесть.
Его страстный взгляд, что готовит месть,
Тебе дороже, чем честь.
Скрестили мечи давно ваши отцы,
И оба они теперь мертвецы.
Но помнят обиду ваши сердца
И клятву: «Месть за отца!»
Поверила ты, что любовь спасет,
И что поцелуй твой растопит лед,
И чтобы вражде положить конец,
Готова идти под венец.
«Моею ты станешь», – твой враг сказал,
Но что пылает в его глазах?
Любовь или боль? Обида или страсть?
Попала в его ты власть.
Кто так целовал, не любить не мог,
В любви – он король, в ненависти – бог.
Кинжал его завершает месть,
Любовь – не дороже, чем честь.
Любил ли он? Но важнее месть...
Любовь не больше, чем честь!
И кровь твоя и слезы его...
Он верен клятве отца своего
И ради чести на все пойдет,
Убьет или сам умрет.
«Кого ненавижу – тому я лгу». –
И ты проиграла, любя, врагу.
Но кто ненавидит – уже влюблен,
И тебя не забудет он.
Кто ненавидит – уже влюблен...
И он страдать обречен.
Когда юному сердцу наскучит покой,
То ищет бурю оно порой,

И хочет страсти, и жаждет огня,
О, юность, послушай меня:
Горишь ты если – сгорать не спеши,
В сильном огне не спасти души,
А в урагане не видно пути,
И заблудшего не найти.
Все беды от скуки, когда праздны дни,
И думаешь – зря пробегают они.
Кто ищет страстей и бурлящих вод,
Страданье свое найдет.
Кто тонет в страстях средь бурлящих вод,
К несчастьям стремится тот.

– Какая поучительная песня, Мастер Наэль, – прошептала ему в самое ухо Алиния. – Но кто же откажется от приключений, соблазнившись благоразумием?

– Мудрец, – спокойно ответил он, продолжая наигрывать, теперь другую мелодию: «Война света».

С другой стороны рядом с ним уже сидела Агая: скользящего взгляда на ее задумчивое личико Гани хватило, чтобы понять – ей действительно нравятся его музыка и пение, и она, подыгрывая Алинии, незаметно для себя сама становится жертвой этой игры. Песня – для нее, пусть подумает, юных девушек больше ничем не проймешь. А против Алинии у него другое оружие.

– Ваша баллада знакома мне... – задумчиво проговорила Алиния.

– Да, это ливадская баллада. Страсть. Месть. Убить из мести женщину, предлагающую тебе любовь... В Тарии не принято так.

– А у нас не принято считать женщину более слабой.

– Странные, странные ливадские обычаи... – протянул он. – Месть и честь... Женщины-воительницы... Первая ночь...

– Что, считаете нас, ливадцев, варварами, Мастер Музыкант? – Алиния недобро улыбалась. – С нашими порядками и нравами? С нашими богами, в которых вы не верите?

– О! Только не теологический спор, ваше величество! Я заканчивал совсем не Академию Философии. Я вовсе не считаю ни вас, ни какой другой народ варварами или дикарями. Мы все различны, и едино лишь то, что все живем, и все умираем. Но что считается приличным в Ливаде, иной раз вызывает осуждение в Тарии.

– Осуждение? Да... Вы правы. Обо мне ходит множество слухов. К примеру, что я прячу под платьем длиннющий кинжал из годжийской стали. Еще, что изменяю королю почти с каждым встречным; если верить слухам, то у Мило уже такие ветвистые рога, что ему опасно ходить на охоту – ненароком свои же могут спутать с оленем. Что тех, кто не понравился мне в постели, выносят в полночь из моей спальни с отрезанной мною собственноручно головой и бросают в Тасию-Тар.

– Но вас же тешат подобные слухи, именно поэтому вы им потакаете?

Алиния рассмеялась:

– Вы до противного проницательны, Мастер Наэль.

– Граф Палстор обеспокоен моим присутствием здесь, – обратился он к королеве, когда смех ее затих, и воцарилось молчание. Та приподняла бровь, но взгляд ее говорил: «Я давно изучила Палстора и прекрасно знаю, что его беспокоит и чем это вызвано». – Он также обеспокоен проблемой наследования престола Тарии.

Игривая улыбка ни на мгновение не покидала тонкие губы королевы, но в глазах сверкнула ярость. Эта тема не могла быть ей безразлична, а единственный способ отвлечь Али-

нию от задуманной в отношении него шалости – начать интересный разговор. Палстор даже не скрывал, что знает расклад в игре, и намеревается что-то выиграть и для себя. Повидимому, он уже не в первый раз колол королеве глаза, обрисовывая проблему отсутствия наследника. Но отчего он так обнаглел? Алия уж никак не та женщина, что будет покорно принимать нападки кого-либо. Значит, какое-то оружие против нее у графа имеется. А вот какое?

– Мило думает только о войне и занимается только ею. Но я больше завидую, чем осуждаю. – Она была искренна. – А Палстора стоит опасаться... – Алия сделала паузу, но тут же поспешно добавила: – Вам – не мне.

«Как раз наоборот», – подумал Гани.

Глава 5

Договор и встреча

Куголь Аб

Хатар Ташив хмурился и смотрел прямо перед собой, обдумывая недавнее донесение. Ему доложили, что к столице движутся эффы – те самые, которых вывели для войны с тарийцами и которые впоследствии перестали слушаться голоса императора, так как им приказал другой. По пути эффы не тронули ни одного человека: ни дорженца, ни арайца. Они были исхудавшими, но бежали быстро и целенаправленно. Бежали по главному тракту прямо к Чатану, и если они не сбавят темп, то будут здесь уже через три дня. Остановить их никто не пытался – все знали, что это бессмысленно. У Куголя была надежда, что эти эффы теперь не способны убить человека, как не способен был его Угал. Ведь это Вирд-А-Нэйс приказал им.

Куголь Аб поведал Мудрецу Ташиву о встрече с бывшим рабом Рохо, а ныне тем, кто подобен Каэ-Масу. В то, что раб может превратиться в великого человека, Указующий не верил, и в то, что эффы теперь безопасны – тоже, но он поверил в пробуждение Древнего. И это беспокоило его. Как ни хорошо скрывал Хатар Ташив свои чувства, а его тревога все же стала заметна Куголю Абу. Аре грозила опасность не меньшая, чем Тарии. Если тысяча арайцев, пусть рабов, но все же... была похищена и отдана для насыщения Атаятану-Сионото-Лосу, то теперь никто не может спать спокойно в своей постели... Следовало готовиться к великой битве, и он, Куголь Аб, собственными глазами видел, с КЕМ придется им сражаться.

Император Хокой-То, узнав обо всем, лишь разъярился и огорчился, что не уничтожил тарийских колдунов в Межигорье. Он считал, что именно они – основная причина всех бед, и избавившись от них, Арайская Кобра обретет покой. Он рвался вновь выступить войною на Город Семи Огней, пока тот еще не пришел в себя, и Указующий всякий раз с огромным трудом отговаривал его.

Мудрец Ташив был рад, что Тария повернула свои войска, и война окончилась. Но Хокой-То обладал характером, подобным штормящему морю, что не знает покоя и мира.

– Ты сказал, Куголь Аб, что твой эфф погиб в схватке с предателем Маизаном? – спросил Указующий, и Аб склонил голову, подтверждая эти слова. – Как по-твоему, зачем эти эффы идут в Чатан?

– Я не знаю, о Указующий! Вирд-А-Нэйс сказал, что повелел им не убивать. Угал слушался его слов до конца, зверь не тронул ни одного человека, но возненавидел предателя и бросился на Идая Маизана, хотя тот был нечеловечески силен, как подтвердил и присутствовавший там палач-истязатель. Эти эффы тоже не убивают никого.

– Пока не убивают. Но сколько времени потребуется четырем тысячам эффов, чтобы опустошить Чатан?

– Войска императора окружили его дворец и готовы положить жизни, но остановить зверей, – отвечал Аб.

Мудрец Ташив встал, расправив одежды, и отошел к окну, глядя на раскинувшийся внизу город.

– Столько лет я прожил, – тихо сказал он, – а не думал никогда, что наступят такие времена: древнее зло грозит уничтожить всякий Свет, и виною тому – предатель, который был мне братом-Мудрецом.

Указующий замолчал, а Куголь Аб не смел нарушать размышлений старшего из Перстов Света. Да пошлет Создатель его господину такие мудрость и твердость, что неведомы

доныне никому, чтобы противостоять пробужденному злу, спасти и сохранить Арайскую Кобру.

В покои Мудреца вошел Секретарь Аладжо, кланяясь при каждом шаге. Глаза его бегали, выглядел он взволнованным и испуганным.

– Правый Указующий! У меня срочное сообщение для тебя! Выслушай!

– Эффы уже в Чатане? – спросил Ташив, не оборачиваясь от окна.

– Нет! О Мудрец Ташив! Верховный из Тарии хочет видеть императора и Перстов Света.

Хатар Ташив теперь обернулся, взглянул на Аладжо.

– Из дворца императора только что прибыл гонец с сообщением. Тарийский посол объявил о прибытии самого Верховного сегодня, в час заката. Он желает говорить со светлейшим Хокой-То и Хранителями Кобры. Император приказывает тебе прибыть незамедлительно, и если сочтешь нужным, то и взять с собою остальных Мудрецов. Принимать Верховного он отказался!

– Отказался?! – Хатар Ташив побагровел, а Куголь Аб размышлял, тот ли это Верховный, что предал огонь жизни вместе с Идаем Маизаном.

– Если Хокой-То не захочет говорить с Правителем Тарии, то война возобновится! Собери всех Мудрецов, Аладжо, и объяви, что мы немедленно отправляемся во дворец императора! Куголь Аб, ты идешь со мной!

Куголь забеспокоился. Если сюда движется Верховный, который связан с Атаятаном, то это опасно и для императора и для Мудрецов. Кто знает: может, это сам Атаятан-Сионото-Лос призвал своих псов – эффов, и они следуют за его голосом, подчиняются приказам связанных с ним? Тогда Аре грозит беда... Но что может сделать жалкий Служитель против мощи подобных существ? В руках Идая Маизана он был словно беспомощный щенок, попавший в зубы льву: его пытали, пытали и тело и душу, и едва не сломили. Если бы не тот, кто был когда-то рабом Рохо...

– Император! Светлейший Хокой-То! Я вновь обращаюсь к тебе! Прошу тебя, будь благоразумен! Послушайся голоса мудрости! – Хатар Ташив в окружении девяти Перстов Света стоял перед императором.

Куголь Аб, что стал тенью Указующего, был здесь же, позади Ташива, взирая на происходящее с ужасом: он размышлял о том, что бурный поток, направленный неведомо кем, разрастается, разливается и готов уже поглотить всю Ару. Последние времена настали, раз уж сам Правый Указующий теряет терпение, а император, властитель Ары – не желает слушать Мудреца.

– Я уже сказал тебе, Ташив, достаточно! – закричал император, и Куголь Аб содрогнулся. – Я послушал тебя и отступил, оставил Доржену с ее жирными землями, я не стал дальше воевать с Тарией. О чем сожалею. Но пресмыкаться перед тарийским колдуном, что зовет себя Верховным, не стану! Мне не о чем говорить с ним! Я потомок великих царей-завоевателей, мой отец – император (да будет прославлено его имя в веках), не потерпевший ни одного поражения! Я – побеждающий под знаменем Кобры! Я не стану слушать слов моего врага! Я смету его армии с лица земли! Разрушу и предам огню его Город! Я убью всякого, кто именует себя в Тарии Одаренным! Ведь это они, как ты же мне и открыл, пробудили Атаятана-Сионото-Лоса!

– Да, Хокой-То, – печально ответил Ташив: он спорил с императором уже больше часа, и в его голосе слышались усталость и обреченность. Неужели и он потерял надежду? – Имеющие огонь Создателя пробудили Атаятана-Сионото-Лоса, предав тем самым этот огонь... Но не все таковы. Мой служитель Куголь Аб видел самого Купающегося в крови, видел

его смаргов, видел мощь тех, кто связал себя с ним. Как ни горьки для меня эти слова, но без тарийских Долгожителей, тех из них, кто остался чист, нам не победить...

– Ты глупец! – вновь закричал император. – Это они жаждут нашего поражения! Это они пробудили его! И *все* они в этом замешаны! Все до единого! Они – предавшие жизнь! И никогда я не заключу союза с колдунами! Пусть потухнет их пламя, и пробужденный ими пусть поглотит их! А ты, Указующий, отправляйся в свою Обитель, уйди с моих глаз, пока гнев мой не утихнет! Иначе я сделаю с тобой то же, что сделал с Кай-Лахом!

– Ты в силе сделать со мною все что угодно! – гордо поднял голову Хатар Ташив. Кай-Лаха император четверговал, несмотря на совет Мудреца отдать его эффу. – В силе – но не в праве! Никогда еще рука императора не поднималась на Хранителей Кобры, за исключением предателей! Только безумец способен на такое! Проклятие ляжет на отважившегося убить Мудреца!

– Еще одно слово, Ташив, – разъяренным тигром зарычал император, – и я вычеркну твое имя из списков живых! Ты будешь предан самой жестокой смерти – за то, что посмел перечить мне!

Куголь похолодел: никогда раньше император не угрожал так Мудрецам Чатана, даже в записях Мудрых древности не было упоминаний о подобном. Он знал, что Хатар Ташив молчать не станет и угроз не боится, он также знал, что император Хокой-То свою угрозу выполнит...

– Простите, что прерываю ваш спор! – послышался вдруг громкий молодой голос в звенящей тишине откуда-то с правого дальнего конца тронного зала.

Зал был освещен тысячами свечей, горящих в огромной золоченой люстре под потолком и в светильниках на стенах, но все равно, после захода солнца тени сгущались в дальних углах, за колоннами, позади трона императора, и в той части помещения, откуда раздался голос.

Хокой-То расширившимися глазами смотрел в ту сторону, смотрели и Мудрецы, и он – Куголь Аб. Вдруг яркий свет вспыхнул там, загорелся, и большой шар, подобные которому Аб видел уже в тарийской тюрьме и в пещере Атаятана, поплыл вверх, освещая четверых.

В высоком юноше, что стоял впереди, с темными волосами, в длинном тарийском одеянии, которое называли они камом, с синей повязкой на лбу, Куголь сразу узнал Вирда-А-Нэйса. За его спиной были трое, двоих из которых Аб тоже видел мельком в своей темнице, когда они появились там, но имен их не знал.

– Кто вы такие! И как смеете врываться сюда?! Кто впустил вас?! – вскричал император, изображая гнев, но в его голосе слышался страх.

– Я – Верховный Тарии! – сказал Вирд-А-Нэйс, и Куголь от удивления раскрыл рот. «Он стал Верховным?! Победил предавшегося Древнему?! Он Каэ-Мас – не иначе!» – А мои спутники – Советник Эниль, Советник Кодонак и Советник Стойс. Я пришел к тебе, Хокой-То, но вижу – ты не рад видеть меня?!

Говоря это, Вирд двигался по направлению к трону, а император хватал ртом воздух, не в силах произнести ни слова.

– Я пришел не с пустыми руками, у меня есть дары для тебя.

– Ты желаешь подкупить меня, несчастный?! – смог вымолвить, наконец, Хокой-То.

– Нет! Дары останутся у тебя, независимо от того, откажешь ты мне в просьбе или удовлетворишь ее.

– Ты ныне Верховный Тарии? – вмешался Мудрец Ташив, что тоже был изумлен, но лишь немного побледневшее лицо выдавало это. – Как твое имя? Каков твой огонь Создателя?

– Я Вирд-А-Нэйс Фаэль! – отвечал юноша.

– Ты бывший раб! – воскликнул Указующий, припоминая рассказ Куголя.

– Я – Верховный, и я – Мастер Путей! – спокойно, не дрогнув ни одним мускулом лица, ответил Вирд.

– Что означает это?

– Разнообразие Даров и возможность использовать любой Путь Силы. Мой первый подарок тебе, Хокой-То, – вновь обратился Верховный к императору, – тарийский свет!

В его руке родился новый светящийся шар и взмыл под потолок, затем еще три. Когда пять сияющих шаров зависли над залом, в помещении стало светлее чем днем. Император и Мудрецы были поражены. Куголь Аб испытал благоговейный трепет. Тарийский свет завораживал! Какой араец, от раба до императора, станет взирать равнодушно на солнце в руке человека – светило, которое, разгоняя тьму, служит простому смертному?! А человек, способный создавать подобный свет, заслуживал если не преклонения перед ним и безоговорочного выполнения всех его повелений, то хотя бы того, чтобы его выслушали.

– Второй мой подарок – это эффы. Четыре тысячи эффов без ошейников, что повиновались некогда тебе, я остановил однажды на холмах Доржены, но ныне я возвращаю их тебе. Они будут послушны твоему слову, но убивать людей не станут, даже если ты наденешь им ошейники.

– Для чего тогда они?.. – злобно прошипел император.

– Они защитят тебя от связанных с Древним. Их, а также его смаргов, эти эффы будут убивать без пощады, сражаясь до конца, не щадя своих жизней.

– Почему я должен верить тебе? Возможно, твои эффы растерзают меня в клочья, едва я приближусь к ним?

– Если бы я хотел убить тебя, Хокой-То, – усмехнулся Вирд-А-Нэйс и взглянул на императора. («Такой взгляд никогда не мог бы принадлежать бывшему рабу», – думал Куголь Аб), – разве я не сделал бы этого прямо сейчас?

– Ты бы не посмел! – выкрикнул император.

– Путь Мастера Огней позволяет создавать не только свет, но и пожирающее пламя, – тихо и спокойно ответил Верховный. – Путь Мастера Оружия позволил бы мне отрубить тебе голову за считанные мгновения – и никакая охрана не помешала бы. Путь Разрушителя дал бы мне возможность сровнять с землею весь твой дворец. Я переместился сюда, используя Путь Мастера Перемещений, и я ушел бы отсюда непойманным и незамеченным. Но у меня нет намерения лишать тебя жизни, и вместо этого я предлагаю третий подарок императору Ары – мир! Мир между Тарией и Арой. Я не стану нападать на твою страну, я не стану свергать твою власть, пока бодрствует Атаятан-Сионото-Лос и опасность угрожает всему Астамисасу.

В тронном зале воцарилось молчание. Император побагровел, голова его была опущена, челюсти крепко сжаты, короткая борода взъерошилась, он впился пальцами в подлокотники трона. Хатар Ташив стоял с прямой спиной и высоко поднятым подбородком: Указующий всецело владел собою, как обычно. Остальные Мудрецы не были столь хладнокровны, лица многих из них бледны и испуганы. «Чего ожидать от Верховного Тарии, обладающего такой властью?» – размышляли они.

Куголь Аб же чувствовал облегчение от того, что Верховным оказался Вирд-А-Нэйс, а не тот, кто продал огонь своей жизни Атаятану.

– Чего же ты хочешь взамен? – спросил Правый Указующий, заметив, что молчание затянулось и император не желает держать ответ.

– Ты Глава Мудрецов? Хатар Ташив? – спросил Вирд-А-Нэйс.

– Да, это я.

– То, что я хочу получить взамен, мне не сможет дать светлейший император. Но это есть у Перстов Света. Я преподнес дары ему, и вам у меня тоже есть что предложить. – И Вирд вновь обратился к Хокой-То:

– Достойный император, ты позволишь мне обратиться с просьбой к Мудрецам Чатана?

После длинной паузы император сказал сквозь зубы, будто выплюнул:

– Позволяю! – Властитель Ары смотрел на Верховного исподлобья, изо всех сил сдерживая свой гнев и желание схватить незваного гостя и тут же казнить его, но Хокой-То понимал, что слова Вирда о его возможностях – не пустая угроза.

Верховный, выслушав ответ императора с царственным достоинством, обернулся к Хатару Ташиву и остальным Перстам:

– Вы обладаете сокровищем, которое сегодня может послужить не только мне, но и вам самим. У вас есть древние записи, книги и манускрипты. Те, кто предал огонь жизни, а такие были, увы, и среди нас и среди вас, не преминули воспользоваться знаниями, какими обладали наши праотцы. С помощью этих знаний они смогли пробудить Древнего, а мы с помощью этих же знаний должны отправить его в вечное забвение. Позвольте нашим Пророкам и Толкователям прочесть эти записи, найти там способы борьбы против Древнего.

Хатар Ташив сделал несколько шагов, подходя к Верховному Тарии. И хотя на лице Указующего не было морщин старости, его седая длинная борода – символ мудрости, резко отличала Ташива от юного темноволосого Вирда-А-Нэйса. Но взгляд молодого был равно твердым, как и у прожившего очень долгий век Мудреца.

– Никогда раньше арайская мудрость не открывалась вам – тарийцам! Ты пришел взять то, чем вы всегда стремились обладать. Обманом или силой вы пытались завладеть нашими знаниями, но до этих дней вам того не удавалось. Веками Ара противостояла Тарии, сохраняя нетронутыми наши сокровища – и вот являешься ты и думаешь, что мы преподнесем тебе все это только за то, что ты Верховный?! Я вижу, ты молод, очень молод. Не юнцу вроде тебя решать такие важные дела! Может, ты и одарен более чем кто-либо другой; может, ты и необычайно разумен; может, и способен творить свет или исчезать и появляться, где тебе угодно; но чтобы править, нужно прожить жизнь. Мудрость не дается человеку при рождении, ее копят годами, собирают по крупицам. Сколько лет тебе?

– Тому, кто пробудил Древнего – больше трехсот двадцати лет, и мудрость, собранная им по крупицам за все эти годы, послужила тьме, а не свету, – ответил Вирд-А-Нэйс, не смутившись и не потеряв самообладание, хотя спутники его нервничали, слушая Ташива, особенно невысокий, безбородый, как и все они, человек с длинными седыми волосами. – Пророк сказал, что в последние времена юность поведет старость. Среди моих спутников – Советников из Семи, есть человек, который прожил не меньше тебя на свете. – Юноша обернулся, показывая раскрытой ладонью на того самого мужчину, привлечшего внимание Куголя, седовласый правитель ответил кивком головы, – Советник Ото Эниль.

– Я не сам поставил себя, – продолжал юноша, – меня избрали люди не менее мудрые, чем Персты Света. Да, я молод, но что предстоит мне – сделаю. Я не желаю владеть знаниями Ары с какими-то своими целями или стремясь заполучить власть над ней. Я ищу ответы. Взамен я даю вам – чатанским Мудрецам, равноценную возможность воспользоваться знаниями, собранными в библиотеке Академии Силы или даже в библиотеке Семи.

Мудрецы возбужденно зашептались между собой. «Для них, – понял Куголь Аб, – собранные в Городе Семи Огней знания очень ценны и вожаделенны». И лишь Хатар Ташив остался невозмутим, говоря:

– Ты делаешь то, чего не было раньше.

– Ты ошибаешься, Мудрец Ташив. Наши предки пришли из северного города, возведенного ими под куполом. Как мои, так и твои. И шесть тысяч лет назад, когда еще не было

ни Ары, ни Тарии, их знания были общими. Укротители, те, кого вы называете создателями эффов, пришли сюда из Города Семи Огней...

– Как ты смеешь, тарийский колдун! – перебил речь Верховного император: гнев в нем пересилил страх, и он вскочил, яростно вращая глазами. – Как смеешь ты говорить, что арайцы произошли от тарийцев?! Наши корни уходят глубоко в прошлое, славное для нас прошлое! Наши цари завоевывали земли по южную сторону от Хребта Дракона и правили ими еще тогда, когда не было никакого Верховного в Тарии! А ты высказываешься, будто наши предки бежали от ваших!

– Я не говорил того, светлейший император, – юноша обернулся к Хокой-То, – я говорил не об арайцах, а лишь о тех, кого называют создателями эффов – о первых Мудрецах.

– Это равно оскорбительно для арайцев! – выкрикнул Мудрец Адав – Левый Указующий.

– Правда не может быть оскорбительна, – возразил тихим голосом тот, кого Вирд-А-Нэйс назвал Советником Энилем.

– Твоя правда в том, что ваши Укротители стали нашими Мудрецами?! – спросил Хатар Ташив, сдвигая брови.

– Моя правда?.. – Верховный пожал плечами. Он указал на Мудреца Ошарха, которого поставили вместо Кай-Лаха Правым Поддерживающим. – Среди вас – Пророк, спросите его. Что видел он о прошлом?

– Откуда ты знаешь... кто я? – прошептал побледневший Ошарх. – Кто рассказал тебе обо мне?

– Мудрец Ошарх? – Хатар Ташив нахмурился еще больше. Каждый раз он гневался и огорчался, когда слышал – вначале от пытаемого Кай-Лаха, затем от Куголя Аба, который передавал услышанное и увиденное им в плену – о том, что не предки Мудрецов создали эффов, а Древний. Первые же Мудрецы только надели на зверей ошейники, заставили их служить тем, у кого Жезл повелений. – Скажи мне, можешь ты подтвердить эти слова Верховного Тарии?

Мудрец Ошарх не обладал тем хладнокровием и выдержкой, какой славился Указующий, его лицо посерело, а губы задрожали.

– Да... У меня были видения о прошлом... Их называли... Повелевающие псами... Они пришли из... Города Семи Огней... сюда в Ару... стали здесь Мудрецами... Я видел... когда читал Летопись Начала... – Ему пришлось сказать ту правду, которая не понравилась ни Хатару Ташиву, ни императору Хокой-То.

Светлейший император вновь опустил на трон, и лицо его было маской сдерживаемой ярости. Остальные Мудрецы качали головами, внимая горьким для них словам прорицателя.

Хатар Ташив стоял неподвижно и глядел задумчиво куда-то за спину Ошарха, пока тот говорил.

– Как ты узнал, что Мудрец Ошарх – Пророк? – прервал Указующий воцарившееся молчание.

– Я знаю, что ты – Укротитель, еще двое из вас – Целители, я могу указать их, остальные – неодаренные. Я вижу Дар – огонь Создателя внутри вас.

– Если ты, Верховный Тарии, видишь все: и прошлое, и будущее, и настоящее, можешь все, даже создавать огонь, то почему ты пришел к нам?! – говорил Мудрец Адав, ухватившись обеими руками за свою снежно-белую бороду.

– Потому что один человек ничего не может! – печально произнес Вирд, а затем добавил: – Восставший из вечного сна Атаятан-Сионото-Лос готовит армию из сотен тысяч своих смаргов. Стоящий здесь Куголь Аб может поведать вам о них и описать, как они выглядят: каждый из них силен как несколько крепких мужчин, их оружие превосходит размерами

и убойной силой оружие людей. Но кроме них у Древнего есть его Круги – Одаренные, ставшие на его сторону: неуязвимые, способные перемещаться, как и я, сражаться, как лучшие воины, исцелять самих себя. Тысячу рабов взял Атаятан для своего насыщения из Ары, и гряда Сиодар не стала ему препятствием. Какие средства против него есть у Ары? Что предпочтем мы – сражаться между собой, чтобы потом отдать все земли и народы от Северного залива до пустыни Листан тому, кто правил здесь жестокой рукой в древности? Или объединим усилия, чтобы защитить своих людей от него?

– Слова тарийского колдуна! – раздался голос Хокой-То. – Обманщика, затуманивающего разум! «Сладки их слова, когда входят тебе в уши, но горьки, когда извергают из тебя сердце» – так говорил мой отец-император о вас – тарийцах. Он предостерегал меня не верить вам. Вы все лжецы! Тебя ведь не иначе, как послал сам Атаятан-Сионото-Лос, чтобы вкладывать свой обман в мои уши! Разве может человек обладать такой властью, какой обладаешь ты?

Император встал, спустился с тронного возвышения и подошел к Мудрецу Ошарху.

– Пророк? – обратился он к нему, и тот изменился в лице. – Ты подтвердил слова тарийского колдуна о прошлом. Но ведь ты прорицатель и видишь будущее так же?

– Я... вижу, иной раз... когда Создатель открывает грядущее мне...

– Что видишь ты в будущем об этом человеке? Кто он? – Хокой-То указал на Вирда-А-Нэйса, и драгоценные камни в перстнях, которыми были унизаны его пальцы, ослепительно сверкнули.

– Об этом человеке?... – пробормотал испуганный до смерти Мудрец и посмотрел на Верховного. – Этого человека... я не вижу... и не видел никогда... Не могу его видеть...

При этих словах лицо Вирда помрачнело.

– Но я вижу, – смелее продолжал Ошарх, – что Мудрецы Чатана и Советники Тарии вместе изучают летописи. Я также вижу тебя, о светлейший император Хокой-То, скачущим в бой рядом с королем Мило Вторым...

– Не бывать тому! – прервал его император. – Ты, Мудрец Ошарх, такой же предатель, как и Кай-Лак или Маизан!

– Нет! – встал перед Хокой-То Хатар Ташив, закрывая собой Ошарха. – Предателей среди нас больше нет.

– Сейчас я и мои спутники уйдем и оставим вас. Я больше не появлюсь в этом зале без твоего приглашения, Хокой-То, – даю тебе слово Верховного! Но через три дня я с эскортом буду в зале приемов твоего дворца, чтобы узнать о твоём решении и решении Мудрецов. К тому времени эффы будут в Чатане. Ты сможешь убедиться, что они не опасны для людей и будут повиноваться каждому твоему слову. Прикажешь умереть – умрут. Ты – Повелитель эффов! Три дня... Внемли гласу мудрости, император! Тария предлагает тебе сделку единожды! И ты знаешь, что у Тарии, даже у одного меня, достаточно могущества, чтобы взять просимое силой!

Когда стихли произнесенные Вирдом-А-Нэйсом слова, туман окутал всех четверых, и они исчезли.

Император Хокой-То стоял напротив Мудреца Ташива, и они, словно двое приготовившихся сразиться в поединке противников, глядели друг другу в глаза.

Эрси Диштой

Когда Эрси очнулся, уже рассвело. Он понял, что лежит не на полу, а на мягкой широкой постели, потолок над ним – из остроганных бревен, а обстановки комнаты он не может разглядеть за собравшимися здесь людьми. «О Мастер Судеб!» – застонал Эрси. Попроси женщину сделать что-нибудь, и она непременно сделает все наоборот! Он сказал Ришке никого не звать – так она созвала всю деревню! И, кажется, его куда-то перенесли – в доме

вдовы не было такой широкой кровати. Тот самый здоровенный увалень, что встретился ему первым в этом злополучном поселении, стоял прямо перед ним и цвел, как Мицами весной: щеки покраснелись, губы расплылись в широкой улыбке, обнажая далеко не белоснежные зубы. Тут же находилась и вдова Ришка, а в высоком стройном и широкоплечем парне, с грубоватым, но приятным лицом, Эрси с большим трудом признал исцеленного им Бини, он невольно залюбовался на свою работу. Стоил ли этот деревенский парень такого оттока? Не хотелось этого признавать... – но ведь стоил, поганец! Вот ведь какой получился складный, сколько еще девушек поплачут о нем... И взгляд у него вполне осмысленный, может, он и не дурачок?..

– Что ж он не сказал, что Мастер Силы? – услышал Эрси голоса где-то за спинами стоящих в первом ряду – там люди еще не заметили, что он открыл глаза.

– Если он Мастер, то почему у него волосы короткие? Я слышала, что если Одаренный острижет волосы – то Сила уйдет.

– Так он совсем молодой! У него, наверное, это в первый раз... Дар развернулся...

Для Эрси теперь каждый раз, как первый. По крайней мере, касательно оттоков. Он нащупал рукой сползший на шею кусок кожаного ремня с завязками на концах – эта штука хоть немного помогает сохранить зубы целыми и язык не прокушенным. Дар вновь свернулся внутри в тугой узел, совершенно неосязаемый. Поначалу он даже думал, что никогда уже не сможет призвать Силу Целителя, но однажды решил попробовать: не Дар заставил его, навязчиво предлагая свои услуги, – он сам решил! И Эрси смог исцелить того человека, правда, потом отток такой, какого не бывало у него и в юности, когда Сила впервые проявила себя, захлестнул его, истязая до полопавшихся сосудов в глазах, до хруста в костях и пены у рта. Так бывало теперь всякий раз, и поэтому он старался не исцелять... А еще потому, что каждый раз, думая о своем Даре, слышал голос Атаятана: «...сильный и чистый...», и животный ужас овладевал всем его существом. Мог ли Древний теперь его найти? Он сменил имя, и укороченные волосы немного изменили его облик, но Атаятан ведь ищет не по имени и не по внешним приметам... А как?.. Впрочем, и внутри он был сейчас совершенно другим, Годже Ках умер вместе с разорванной связью Круга. Эрси почувствовал острую необходимость немедленно покинуть эту деревню и двигаться дальше.

– Господин... Мастер Диштой!.. – Староста обратился к нему только тогда, когда Эрси приподнялся на локте и стал вертеть головой, разглядывая собравшуюся толпу. – Что ж вы не сказали?.. Мы бы приняли вас, как Мастера Силы! А вы на ночлег просились... будто... бродяга какой... Да если б знал! Я бы свой дом вам предоставил, а сам пошел бы... да хоть к соседу ночевать! Да живите здесь хоть всю жизнь! Мастер Диштой!

– Спасибо вам... спасибо... За сына спасибо... – плакала вдова Ришка.

– Спасибо!.. – плакал и этот ее сын...

Со всех сторон слышались возгласы: «Спасибо...», «Благодарствуем!», «Мастер...», «...остаться у нас», «...мы здесь для вас всей деревней... десять пламеней насобирали...», «Останьтесь!», «Моего старика исцелишь?..» Вскоре Эрси уже не мог разобрать слов, он слышал только сплошной гул голосов... Он застонал и схватился рукою за голову. Они что – собираются добить его своими воплями? Как же хочется есть! Это единственная причина, по которой можно задержаться в этой забытой всеми деревне, но не более чем на час... Но если они будут продолжать вот так орать всей толпой, то он не выдержит – сбежит раньше. Только где рюкзак? Там осталась кой-какая еда... Где одеяло?..

Эрси размышлял над этим, вставая с кровати и расталкивая собравшийся народ. Чьи-то руки тянулись к нему, кто-то пытался что-то ему всучить, кто-то наклонялся к самому его лицу, о чем-то спрашивая. Эрси же хотел одного – выбраться отсюда; он начинал злиться и нервничать... Как это прекратить?..

Он стал проталкиваться к выходу из комнаты, но к своему ужасу заметил, что в прихожей тоже полно народу. Зато здесь люди расступились, давая ему пройти, хотя продолжали галдеть, обращаясь к нему все одновременно. Он пропускал мимо ушей сказанные ими слова; впрочем, если бы он и захотел в них вслушаться, то все равно не разобрал бы.

– Сколько тебе лет, паренек? – Сиплый голос старика с трясущейся головой, что стоял почти у самой двери, которая вела на улицу, отличался во всеобщем монотонном гудении, и поэтому Эрси понял сказанное.

– Да уж больше, чем тебе... – буркнул он, проходя мимо старика, и эти его слова почему-то повлияли на толпу странным образом – все одновременно затихли.

– Так почему у него волосы не длинные? – услышал он, минувя дверь, громкий шепот за спиной.

– Это Астри Масэнэсс... Он волосы не отпускал никогда! Он и без них может... Точно тебе говорю!..

Эрси не выдержал и зашелся в смехе; он хохотал, когда покинул, наконец, дом старосты, и хотя на деревенской улице тоже стояли зеваки, жаждущие его видеть, все же здесь ему стало легче.

Тем временем староста протискивался сквозь толпу за ним вдогонку, и вот уже фигура здоровяка нависает над Эрси.

– Отобедаете, Мастер Диштой? – Староста указал широкой ладонью на стоящие за домом накрытые прямо на свежем воздухе столы с немудреной едой.

Эрси сглотнул: отказаться он никак не мог, хотя вполне понимал, что ради удовольствия набить свой живот ему придется терпеть этот гул голосов, отвечать на глупые вопросы и отнекиваться от просьб об исцелении еще кого-нибудь. Но есть очень хочется!.. Поэтому он послушно последовал за громилой-старостой, постоянно сглатывая слюну, наполняющую рот из-за исходящих от блюд ароматов.

Ришка и ее сын оказались на шаг позади него. Толпа тоже подтянулась, продолжая галдеть, пока, к огромной радости Эрси, староста не повернулся к ним и не заорал во всю луженую глотку:

– Тихо вы! Имейте уважение к Мастеру Силы! Не каждый день к вам приезжают *такие* люди!

Это возымело эффект – они, слава Мастеру Судеб, замолчали!

Эрси посадили во главе длинного стола, что образовывался путем приставления друг ко другу столов покороче, снесенных сюда, наверное, со всех окрестных домов. Он втянул в себя запах жареного гуся, стоящего прямо перед ним на огромном блюде; здесь же дымились вареная кукуруза, бобы, рис и овощи, соусы и подливки. Эрси был почти счастлив. Он поспешно принялся наполнять тарелку, едва сдерживаясь, чтобы не отправлять куски с подносов прямо себе в рот. И лишь приготовившись приступить, наконец, к приятной процедуре поглощения выросшей перед ним на тарелке горы яств, заметил, что другие не едят, а пристально на него смотрят. Эрси зашипел, сглотнул слюну и с упреком уставился на старосту, вопрошая взглядом: «Ну что еще?»

– Скажите слова благословения, Мастер Диштой, – подсказал тот.

Эрси вздохнул. Надо бы встать, но все эти церемонии ужасно раздражали, и он остался на своем стуле.

– Спасибо Мастеру Судеб за пищу, что посылает он, за дары, что дает он людям, за свет мудрости и за огонь жизни! – Он был предельно лаконичен.

– Благодарим тебя, Мастер Судеб, за посланного нам Эрси Диштой! – высказалась и вдова Ришка, также не затягивая речь.

Затем встал староста, поднял деревянный кубок и принялся вещать о великих делах Создателя и почти таких же великих делах Мастера Диштой. Эрси узнал о себе много нового,

особенно о том, какие высокие чувства двигали им, когда он исцелял Бини. Староста не обладал даром красноречия, но желание ораторствовать в нем превосходило даже подобную страсть у Абвэна. Эрси вздыхал, мямлил скатерть, кусал губы, скрипел зубами, исполнил, барабанил пальцами под столом, три военных марша... «Да, в конце концов, почему я не ем?! Я прошел через такие вещи, что никому и в страшном сне не приснится! Я нарушал такие запреты, что могли сдвинуть основания земли... а тут сижу и терплю косноязычную речь грубого мужика из уважения к эффовым деревенским традициям! Ни искры, ни пламени!» Эрси решительно пододвинул к себе тарелку и в этот же момент староста завершил наконец свою длинную речь:

– Да горит пламя Мастера Диштой!

Его пожелание подхватили все жители, в том числе сбежавшиеся поглазеть детишки, заорал во все горло где-то петух, залаяли собаки. Все, в том числе и Эрси, подняли кубки, а когда он отпил того, что в этом кубке было, то захлебнулся и закашлялся: это совсем не вино – какая-то огненная дрянь, обжигающая горло...

«Наконец-то! Можно поесть!»

Когда простая, свежая деревенская еда уютно улеглась в желудке, Эрси почувствовал необычное, несвойственное ему благодушие. Он откинулся на стуле – у него единственного был стул со спинкой, остальные сидели на лавках или табуретах, – расслабил брючный ремень и принялся рассматривать жителей Больших Лугов.

– Скажите, Мастер Диштой, вы и вправду Астри Масэнэсс? – Ришка спросила это негромко, но сидящие рядом тут же подхватили ее вопрос и шепотом передали другим по цепочке, и вот уже вся деревня, даже куры с собаками и козами, ожидают его ответа.

– Я Эрси Диштой, – сказал он и, пребывая в хорошем настроении, добавил: – Астри Масэнэсс у вас сейчас Верховный, вернее – не он, другой Мастер Путей – Вирд-А-Нэйс Фаэль. Выучите хорошенько это имя, вы его еще не раз услышите!

На последней фразе Эрси заметил, что язык заплетается – зря он пил ту гадость из кубка... Шепот, переросший в гудение, а затем в возбужденные возгласы, пронесся по деревне. Эрси пожалел бы, что сказал это, но благодушие пока его не оставляло – все-таки теплая сытная еда что-то делает с человеком, изменяет его в лучшую сторону.

Новость о Верховном – Мастере Путей обсуждалась все более бурно, он заметил, что пока его слова передавались из уст в уста, они обросли невероятными подробностями, а иной раз и вовсе оказывались далекими от первоначального смысла. Он услышал, что Астри Масэнэсс вернулся, свергнул Верховного и разогнал Совет Семи... в чем-то так оно и было. Возникла и другая версия: он – Эрси Диштой, является Астри Масэнэссом, который стал Верховным и теперь посещает все тарийские селения, чтобы проверить, как ими правят Мастера Силы и Король-Наместник. Староста, сидя рядом с ним, возбужденно доказывал какому-то бородатому мужику с квадратной выдвинутой вперед челюстью, что Верховный Виронас Фаль – так звучало это имя в его устах, устранил всякую власть, остриг и разогнал всех Мастеров Силы. «На это было бы любопытно посмотреть...» – думал Эрси. Как ловко эти люди выдумывают невероятные истории! Еще более удивительно, что, едва выдумав такой рассказ, они тут же всем сердцем начинают верить в свою вымышленную историю.

Галдели и доказывали что-то друг другу и молодые, и старые, и даже дети, которые успевали еще и мотаться вокруг столов, разгоняя клычащих подачки собак и копошащихся кур. Во всеобщем споре не участвовали только он сам, вдова Ришка, ее сын Бини, которые были слишком счастливы для того, чтобы начинать сейчас разбираться, откуда же им это счастье привалило, – и еще одна молодая особа. Медноволосая стройная девушка с пышной грудью сидела довольно далеко от Эрси, она выделялась из толпы не только ярким цветом волос, но и острым взглядом, статной осанкой и движениями, больше присущими тарийской

высокопоставленной даме, нежели деревенской простушке. Эрсси то и дело ловил на себе ее взгляд, и, кажется, у него появилась причина задержаться в этой деревне еще на часок-другой... или чуть больше.

Кто-то приволок лютню и принялся терзать ее струны с завидным усердием, но не с умением. Зазвучали свирели, и народ принялся петь. Если бы песню, начатую двумя женщинами с довольно приятными голосами, не подхватили, отчаянно фальшивя, все кому не лень, ее можно было бы слушать, а так под нее можно только плясать – дико плясать, чем и занялись жители Больших Лугов.

Воспользовавшись этим, Эрсси тяжело поднялся со стула и принялся искать взглядом ту девушку. К его облегчению и радости, она уже и сама спешила к нему, шла и соблазнительно улыбалась.

– Это же Лолли, – услышал Эрсси справа от себя перешептывание двух кумушек, – что это на нее сегодня нашло? Так улыбается, что трудно ее узнать... А походка какая... Ты только глянь! Да где ж она такой срамоте выучилась!

– Лолли всегда была девушкой приличной... Нужно найти Повто, и рассказать, что его дочь вытворяет.

Тем временем Лолли уже оказалась рядом с Эрсси. Волна желания накрыла его с головой, и он даже не знал, что так понравилось ему в этой девушке. Единственное, о чем он сейчас думал, это где найти укромное местечко и как завлечь туда Лолли.

– Ты Целитель? – спросила она так, как спросила бы не девчонка из забытой Мастером Судеб деревеньки, а королева Ливада. Но голос ее был настолько приятным уху и сердцу, что Эрсси не обратил на тон внимания. Возбужденные голоса жителей деревни вокруг, шум музыки и фальшивое пение почему-то разом стихли, но это ведь хорошо...

– Нет, – весело ответил он и игриво подмигнул ей.

Она с улыбкой глядела прямо в его глаза, и от этого Эрсси готов был приняться целовать ее прямо здесь при всех, не обращая внимания на осуждающие взгляды, которые и сейчас были к ним обращены, хотя они лишь разговаривали... пока. Если она продолжит *так* на него смотреть, то он попросту увлечет ее в дом старосты и закроется там изнутри... и пусть хоть штурмом берут!..

Взгляд девушки изменился, он стал более сосредоточенным, она нахмурилась и медленно, выделяя каждое слово, произнесла:

– Это не ты исцелил... Ты не смог бы!

Эрсси рассмеялся. «Да какая разница! Лишь бы ты не оказалась слишком приличной девушкой, как о тебе говорят», – думал он.

– Где тот, кто исцелил? – строго спросила она, требуя немедленного ответа. – «Королева Ливада – не иначе!»

– На забивай свою хорошенькую головку глупостями, Лолли... Тебя же зовут Лолли, не так ли?

Она не ответила: похоже, красotka Лолли серьезно разочарована и сердится. Девушка окинула взглядом толпу веселящегося народа, будто бы выискивая кого-то. Затем снова посмотрела в глаза Эрсси и прошептала:

– Ты не тот, кто мне нужен...

После этих слов Лолли часто заморгала, согнулась, с шумом выдохнула и, вновь выпрямившись, смотрела на Эрсси совсем другими глазами. Изменилось ее лицо, ссутулились плечи, грудь уже не казалась такой пышной, а волосы такими яркими. Но больше всего перемен во взгляде – будто бы та уверенная и соблазнительная красавица Лолли исчезла, а на ее месте появилась ее сестра-близнец – застенчивая простушка. Вновь шум и гам веселящейся деревни хлынули в уши, заставляя поморщиться. Почему они вдруг сделали такой странный перерыв: перестали играть и галдеть, а затем, внезапно, вновь принялись с удвоенной силой?

Эрси вдруг понял, что совсем ее не хочет. Неужели это он думал мгновение назад, как им уединиться в доме старосты? Девушка слишком юная, слишком высокая для него, и не так уж она красива – у нее широкий рот и далеко посажены глаза, бедра узкие, а плечи почти как у юноши. Она недоуменно озиралась по сторонам.

– Простите... Мастер Диштой... – Эрси насторожился – голос Лолли тоже звучал совершенно по-иному. Если бы он сам не был свидетелем тому, что эти слова, как и предыдущие, исходили из одних и тех же уст, он бы ни за что не поверил, будто говорит один и тот же человек. Лолли теперь говорила не сладко, мягко и гортанно, а как-то низко и сипло.

За долгие годы своей врачебной практики Эрси... тогда еще Годже Ках, иногда встречал людей, которые думали, будто в них живут не одна, а две души, принадлежащие совершенно разным людям. Но и они не могли вот так меняться, прямо на глазах: голос, жесты и мимика, даже, казалось, пропорции тела и черты лица.

Хорошее и благодушное его настроение улетучилось, как дым. Лолли еще мямлила что-то несвязное, совершенно не соответствующее ни по тону, ни по смыслу, ее словам в начале беседы. Теперь Эрси задумался над ними: «Это не ты исцелил... Ты бы не смог! Где тот, кто исцелил? Ты не тот, кто мне нужен...» Почему она сделала такие выводы? Почему деревенская девчонка вообще задает такие вопросы?! Может, она тоже Одаренная, какая-нибудь Видящая? Но чем больше Эрси размышлял над этим, тем меньше ему хотелось узнать ответы. Какая разница? Пусть она хоть еще один Мастер Путей, а Эрси нужно уходить.

Лолли окончательно стушеввалась, покраснела и, в конце концов, сбежала от Эрси, к его огромному облегчению. Он нашел взглядом в толпе вдову Ришку, быстрым шагом направился к ней, по пути грубо оттолкнув селянина, подбежавшего с наполненной чашей в руках и широкой улыбкой на устах. Нужно забрать свои вещи из ее дома, пополнить немного запасы, уточнить дорогу и двигаться дальше. Немедленно!

Он почему-то вспомнил об Атаятане. «Он меня не найдет! Не найдет! – твердил Эрси сам себе. – Если я не стану останавливаться – не найдет!...»

Глава 7

Гнев

Элий Итар

Гнев переполнял, гнев поднимался огненной бурей из глубины сердца, переплетался с Даром и черпал в нем силу. Гнев подпитывали черные нити, соединенные с Атаятаном-Сионато-Лосом. Элий гневался всегда, гнев руководил им, гнев был его огнем, Элий Итар сам был гневом.

Он тот человек, чей Дар полностью соответствует его характеру. Только гнев может разрушать по-настоящему, только гнев может убивать честно. Только гнев делает его живым.

Все в этом мире несправедливо. И Элий испытывал это на себе с самого детства. Он гневался на своего отца, которого так ни разу и не увидел. Тот был, по утверждению матери, Одаренным. Соблазнил и оставил обычную провинциальную девушку, не отличавшуюся ни особой красотой, ни умом. И за это Элий гневался и на свою мать: будь она чуточку умнее, чуточку красивее, он бы родился в браке, в обеспеченной семье Мастера Силы, и ему бы не тыкали всю юность в глаза незаконное происхождение. На нее он гневался больше всего. Асия Итар – ее фамилию он носил, не отца, – была не только матерью Элия, но и матерью его гнева. Она вскормила его гнев так же, как и его самого. Она считала Элия ошибкой судьбы, ничтожеством, которому сделала огромный подарок – жизнь. И за этот подарок он должен расплачиваться с ней вечно. Элий мало того что был плодом ее глупой несчастной любви, так еще и имел увечье: он хромотал, его колено было выгнуто неестественным образом. Когда он шел рядом с матерью, припадая на больную левую ногу, мальчишки бросали в него камни и кричали «Калека!», старики же говорили: «Наказание Мастера Судеб за блуд!» Пока он рос, она проклинала его каждый день. Как только она ни называла его: бездарным отродьем, проклятием, смаргом, бурьяном, что вырос в ее поле и забил собою все хорошее, что могло там произрастать... лишь ласковых материнских слов он не слышал от нее... пока не вернулся Дар...

Когда Элий впервые почувствовал внутри этот огонь, ему было семнадцать лет, он был отвергаем всеми – ровесниками, старшими, младшими... Он был одиноким, до боли, до слез, до волчьего воя – одиноким!.. И тогда в нем проснулся Дар, а вместе с Даром гнев вошел в полную силу. Гнев стал его другом, братом и отцом, которых никогда у него не было. И сейчас с Элием его гнев. Все изменилось тогда: те, кто гнал его, стали подобострастно искать его общества, те, кто смеялся над ним, объявили себя его лучшими друзьями, но он уже не нуждался в друзьях, ни в ком не нуждался! Асия, которая прятала его от людских глаз, стеснялась появиться вместе с ним на улице, вдруг стала необычайно горда сыном – Одаренный! Ни искры... ни пламени!.. «У меня Одаренный сын, – говорила она. – Сын, что станет Мастером Силы и отвезет меня в Город Семи Огней!»

Ногу Элия исцелили, как только он поступил в Академию Силы, но увечье в его душе уже никто не в силах был исцелить. Его гнев, направленный на разрушение, сделал его настоящим Мастером задолго до того, как ему повязали д'каж. Спасибо матери! Спасибо за гнев! Элию сейчас было семьдесят четыре года, его мать давно превратилась в сморщенную уродливую старуху и покинула этот мир. Умерла в одиночестве, как и заслуживала! Но Элий, когда думал о ней, видел молодую сильную женщину, перегнувшую через колено и хлещущую попавшей под руку хворостиной орущего мальчика-калеку только за то, что он родился.

Элий уже не был одинок – гнев всегда с ним. Он не подводил его ни разу, он не потух, не истерся, не убавил своего пожирающего пламени за долгие годы сытой жизни Мастера Силы, уважаемого гражданина Города Семи Огней, бойца Золотого Корпуса. Элий гневался

на ректора Исмю, который всегда говорил, что Дар его пылает слишком ярко, что если он будет разрушать так рьяно, то разрушит самого себя. Элий гневался на Кодонака, который пытался научить его управлять Силой и заодно – гневом. Элий гневался на Эбана, который всегда завидовал его Силе. Эбан мечтал стать лучшим, самым опасным Разрушителем в истории Тарии, за свою мечту Эбан презрел честь, поступился клятвой, предал Кодонака. Эбан обладал амбициями, жаждой силы и могущества, он был изворотлив и жесток, он ни перед чем не остановился бы, но гнева – истинной души Разрушителя – у него не было! Он добился ненадолго своего, связав с собою десятерых Мастеров Стихий, которые сейчас только опомнились после удара, обрушившегося на них, когда была разорвана связь Эбана с Древним. Но разве у Митана Эбана была такая мать, подарившая ему гнев?

Сам Элий согласился участвовать в делах Эбана лишь потому, что гнев его был выше всего. Гнев на сытую, довольную, потерявшую всякую осторожность Тарию с ее Советами, Королем-Наместником, с ее мирными Мастерами, чьи головы были забиты Кружевными мостами, стихами и книгами; Мастерами, которые вздрагивали, когда в комнату входил Кодонак с мечом у правого бедра. Тария, как растолстевшая не в меру купчиха, стала неповоротливой, потеряла остроту ума, предавалась излишествам и удовольствиям, оторвав от мира огромные наделы земель; настолько огромные, что она не успевала ни обрабатывать их, ни населять, а если и населяла, то не ведала, что творится на окраинах. Город Семи Огней, собравший под крыло всех Одаренных, был истинно их городом – лишь их, и больше ничьим! Мастера Силы твердили, что живут, служа народу Тарии, обычным людям, но они служили только себе. Для себя строили прекрасные дома и дворцы, для себя насаждали сады, сами себе толковали пророчества, для защиты драгоценных Одаренных создали Золотой Корпус. Если каких Мастеров Силы и отправляли в провинции в качестве городских Советников, то лишь провинившихся, самых слабых или тех, кого было слишком много: например, погодников. Элий гневался на то, что именно Верховный – Правитель Тарии решился разбудить Древнего, врага всего человеческого рода, врага неодаренных в большей степени, чем Одаренных. Такую службу сослужили народу Тарии ее драгоценные правители – наимудрейшие!

Еще больше гневался Элий на Кодонака – Мастер Стратег десять лет не видел, что творится под носом! Элий никогда не согласился бы стать на сторону Эбана и Атосааля, если бы не слепота Кодонака. Как мог он – защитник и первый рыцарь Тарии – проморгать ТАКОЕ?! Гнев дает право убить честно, и если Элий встретит Кодонака в бою, то убьет без сожаления, несмотря на то, что тот один раз спас его... Элий произнес свидетельство на суде, он говорил ложь, но его глаза сказали тогда правду, и Кодонак должен был услышать ее: «Ты недостойн, потому что не заметил, как обвели вокруг пальца и тебя, и Золотой Корпус, и всю страну! Ты виновен, потому что несешь ответственность за Тарию! А ты закрыл на все глаза! Ты виновен, потому что глух и слеп! Ты виновен!»

Элий гневался и на сегодняшних своих соратников. На Атосааля, который любой ценой жаждал продлить свое жалкое существование. На Абвэна, который был трусом до мозга костей, боялся и потому примкнул к сильному, к непобедимому. На Маизана, в устах которого слишком часто звучало имя Создателя, тогда как сердце его полностью под властью тьмы. На Айлид, что теперь играет день и ночь для утехи Атаятана-Сионото-Лоса. Хотела вечной жизни, неуязвимого, не знающего старости и усталости тела, яркости Дара и места среди самых великих? И получила сполна! Элий не завидовал участи той, кто была так близко от существа, противного самой жизни – не человека, несмотря на облик, прекраснее чем у любого из живущих! Гневался он на новых, кто вошел в Первый Круг – на Алкаса Титоя, долговязого белобрысого Мастера Полей, на Ужвина Хайшо – круглолицего флегматичного Целителя Созидателя, который и рядом не стоял с Кахом.

Элий гневался на Атаятана, потому что не понимал его. Чего хочет Древний? Почему он не разрушил Город Семи Огней? Об этом часе Элий мечтал! Когда падет сердце Тарии, обратятся в прах Кружевной мост, Пятилистник с Академией Силы в центре, Здание Совета, Дворец и Башни Огней, Дворец Короля-Наместника... все эти великие строения, радующие глаз Одаренных, возводимые ими для своего удовлетворения, тогда как тысячи простых людей жили в жалких лачугах, а то и вовсе без крыши над головой... Элий хотел видеть смерть разжиревшей Тарии! А что дальше?.. Разве это дело Разрушителя – думать о последствиях?

Элий, как и остальные связанные с Атаятаном, сидели без дела в мрачном захолустном, покинутом давно хозяевами северном замке Айтш. Когда-то здесь кипела жизнь, но прошло время – и люди ушли на юг, где климат был лучше, а поля – плодороднее. Ушел с ними и их лорд, построив себе другой замок, благо что лорд тот был Одаренным Строителем. Было это тысячу, а может, и больше лет назад, когда еще Одаренные могли владеть землей. Сюда, оставив Город Огней, переместился теперь Эбонадо Атосааль и остальные. Атаятан появился двумя днями позже во главе войска уродливых смаргов.

Древний улыбался, когда Атосааль докладывал ему о произошедшем в столице, он улыбался, когда ему сказали о погибших из Первого Круга, хотя... он должен был сам почувствовать, – смерть связанных с тобой чувствуешь... Он улыбался, когда выбрал Хайшо и Титоя для замены Каха и Майстана. Каху каким-то образом удалось разорвать связь и бежать, но Атаятан его непременно найдет! Несмотря на то, что красивое до безумия лицо Древнего не менялось, и улыбка не сходила с его губ, о чем бы ни шла речь, – когда говорили о Кахе, Элий видел в бесцветных глазах Атаятана отблеск своего старого доброго друга – гнева! Древний гневался на Каха, а значит, найдет Целителя, где бы тот ни прятался!

Элий Итар не боялся пробужденного. Гнев заполнял все естество Элия, и для страха места не нашлось. Он единственный, кто не боялся. И Атаятан-Сионото-Лос знал это. Едва увидев Элия, Древний указал на него со словами:

– Ты человек, в котором нет страха! И твой Дар силен! Ты останешься в Круге!

Элий гневался на самого себя... Почему? Он не знал. А если и знал, то не станет ворошить утопленное в океане гнева, не станет...

Мастера Третьих и ниже Кругов суетились, как простые слуги: рубили дрова и растапливали камин, чтобы старшие могли согреться в стенах этого покинутого и остывшего замка, варили еду, и ее ароматом наполнялись пустующие коридоры. Древнему и его смаргам такая пища не нужна, они насытились надолго, теперь могут, по утверждению Пророка Атосааля, не есть больше года. Но людям необходимо питаться. Хотя... Людям ли? Остались ли они людьми? Холода сейчас Элий почти не чувствовал, даже без горящих каминов, и голод его совсем не донимал, а когда он ел, то особо не наслаждался вкусом. Все было так, будто он делал то, что уже ему и ни к чему... Тело Элия изменилось после вступления в Первый Круг, а еще больше после того, как Атаятан-Сионото-Лос закончил свое первое насыщение. Элий был теперь неуязвим. Он изменился и снаружи и внутри настолько, что из всего привычного с ним остался лишь его гнев... Гнев Атаятан не смог выдать своими узами... а может, не хотел... В Элии Итаре – душа Разрушителя, гнев – часть... нет – воплощение его души. Его Дар силен настолько, насколько силен его гнев...

– Пойдем, Итар, *Он* призывает нас! – позвал его Титой, проходящий через полупустой зал, где собирались обедать Первый и Второй Круги.

Элий заметил подтянувшихся Хайшо с Маизаном; Авбэн и Атосааль были уже у выхода. Любой из них мог бы и переместиться в то помещение, что выбрал себе Атаятан-Сионото-Лос, но никто не спешил на встречу к нему. Каждый, кроме Элия, боится его, испытывает животный ужас в его присутствии, Динорада же неотлучно при Древнем.

Угрюмой шеренгой они пересекли коридор и стали спускаться по лестнице.

Этот зал был больше всех остальных в заброшенном замке, и с самыми высокими потолками, за что Древний и выбрал помещение. Он восседал на настоящем троне. Элий не знал, где удалось добыть подобный Атосаалу, но украшенный золотом, драгоценными камнями и резной костью огромный трон был настолько же великолепен, насколько и неуместен в этом сером мрачном зале, лишенном всякой другой мебели и занавесей на окнах; с паутиной в углах и полом, покрытым слоем грязи.

– Я назову вас! – сказал-пропел Атаятан, как всегда, улыбаясь, когда Первый Круг собрался у его трона, склонив головы и не смея заглядывать в бесцветные глаза. – Я дам вам новые имена! Вы, приняв их, станете служить лучше!

Древний встал с трона и подошел к Ужвину Хайшо, поднял его начинающий заплывать жиром подбородок острым ногтем-кинжалом и заглянул в глаза. Ноги Хайшо подкосились от страха, отчего он неестественно изогнулся, но удержал равновесие – иначе рисковал бы повиснуть на ногте Атаятана, как на крюке.

– Ты – второй. Первый был лучше тебя. – Древний говорит о Кахе. – И хитрее. Но он не знает, что уйти от меня можно лишь умерев. Ты же не уйдешь никогда, для этого тебе не хватит силы духа. Ты хочешь найти защиту, мир и покой под моим крылом. Ты думаешь, что я – самый могущественный под этим солнцем, могу тебе это дать. Ты прав, я могу. Но хочу ли? Нужен ли мне мир? Нужен ли мне покой? Я и так спал шесть тысяч лет. Для меня это не так много, но и не так мало. Люди обхитрили меня, и больше я этого не допущу. Теперь у меня война с ними! Со всеми, кто не желает примкнуть ко мне! Будешь ли ты воевать?

– Да... – поспешно прохрипел Хайшо.

– Да?... Нет!

В полном, легко краснеющем лице Хайшо сейчас не было ни кровинки, оно выглядело, как восковая маска или... как лицо мертвеца.

– Ты никогда не станешь воином, но ты можешь делать оружие. Твоя Сила поможет мне создавать новых смаргов, что будут воевать вместо тебя. Тебе не сравниться с первым, но за неимением лучшего я принял тебя. Какое ты желаешь получить имя?

По безумно вращающимся глазам Хайшо Элий понял, что сейчас тот произнесет какую-нибудь несусветную глупость, и действительно – произнес:

– Дающий жизнь...

– Жизнь? – усмехнулся Атаятан. – Уверен ли ты, что в моих смаргах есть жизнь? Уверен ли ты, что ты способен теперь дать жизнь? Жизнь для тебя теперь так же недоступна, как и смерть. Ты вырван из их борьбы в мои объятия. Ты – кузнец моих мечей, ты – творящий разящее оружие, но не более. И имя тебе – Потфар: Кузнец войны. Принимаешь это имя?

На этих словах Атаятан, наконец, отпустил его подбородок, и Хайшо отпрянул обвисшим мешком и выдохнул:

– Принимаю...

Следующим был Алкас Титой, Древний начал с новичков в Первом Круге.

– В тебе есть нечто... Нечто, что нравится мне. Жажда крови. Как знакомо это...

«Жажда крови в мирном Мастере Полей Титое?» – удивился Элий.

– Ненасытный охотник – Оторлак. Твоя рука будет отнимать жизни, не зная покоя. Ты убьешь многих, очень многих. Ты мой убийца на привязи. Мой пес и охотник. Примешь имя?

– Да! – ответил вновь нареченный Титой-Оторлак, он тоже боялся, но держался не в пример лучше Хайшо.

Араец Идай Маизан пал ниц перед Атаятаном, когда тот приблизился, и Элий не знал, понравилось ли это Древнему или нет. Возвышавшееся над распластанным человеком существо произнесло:

– Ты верен и полезен. Я нарекаю тебя Пантэс – Угождающий.

– Принимаю имя! – подобострастно пролепетал Маизан в пол. Он еще долго не вставал, даже когда Атаятан перешел к Карею Абвэну.

Если бы Элий давал имена, то назвал бы Абвэна Дрожащим. В этом человеке страх такой непреодолимой силы, что заставил его предать саму жизнь, лишь бы оградить себя от неизвестности этого мира, возможности потерять то, что он имел, а имел он много – красоту, Дар, место под солнцем, связи, имя...

– У тебя была мечта, но не было силы. – Атаятан обратился к нему тем же тоном и в той же манере, что и к остальным, но Элий почувствовал в его словах некое снисхождение к этому трусу. – Я могу дать тебе то, чего ты жаждешь. Но не потому, что хочу сделать тебе приятное, а потому, что всякий мудрый воин пользуется различным оружием, затачивает его и улучшает. Вы – мое оружие. Ты же будешь разить не мечом, но словами. А слова – острее клинка. Твое имя тебе понравится: Арташанэй – Увлекающий словом, шепчущий во тьме.

Абвэну действительно понравилось имя, и свое: «Принимаю» – он произнес с улыбкой, а затем повторил, смакуя на губах: «Арташанэй», – его голос при этом был почти таким же приятным, как и у самого Атаятана.

Динорада Айлид была облачена в почти прозрачное платье, однако золота на ней столько, что аппетитные округлости полностью скрыты под ним. Но будь она сейчас даже совершенно обнажена – Элий не воспринимал ее как женщину. Казалось, что, проведя столько времени рядом с Атаятаном, Айлид потеряла остатки своей человеческой сущности. Хотя ужас в ней еще жил. Она и раньше была красивой, а сейчас эта красота стала совершенной, но взгляд – настолько затравленный, когда она смотрит на Древнего, и такой ненавидящий в отношении всех остальных, что Элия от нее воротит. Он знал Динораду раньше, они были с ней одного возраста и часто виделись в обществе Мастеров Силы. Алчная и холодная, как змея. От таких, как она, Элию всегда хотелось очистить эту землю... Она держала серебряную флейту: Динорада теперь не выпускает инструмент из рук. Почти в любое время, проходя мимо зала, где на троне восседал Атаятан-Сионото-Лос, можно было услышать отголоски печальной песни флейты Айлид. «Когда она ест? Когда спит?» – подумал почему-то Элий. Впрочем, может, ей и не нужны теперь еда и сон?

– Твое имя – Иниханта: Серебряная флейта. Ты будешь играть для меня сотни и тысячи лет. – При этих словах он провел ногтем по ее щеке с нежностью, а из глаз Динорады, поблескивая на заглядывающем в незанавешенные окна солнце, закапали слезы. Элий даже почувствовал жалость к ней. Его гнев предпочел бы убить, а не мучить эту женщину.

– Если, конечно, твоя музыка не наскучит мне, – добавил Атаятан, и это звучало еще более зловеще, чем слова о бесконечном музицировании в его присутствии.

– Принимаю имя... – услышал он обреченный шепот Динорады.

Элий думал, что Эбонадо Атосааль, как старший из них, будет последним, кому Атаятан даст имя, но, похоже, последним будет он сам.

– Ты разочаровал меня, Маленький Пророк, – сказал Древний, подцепив ногтем длинные, до пола, совершенно белые волосы Атосааля и любясь, как они, соскальзывая, закрывающимся веером возвращаются к исходному положению, – где дворец, что ты обещал построить? Может быть, *это* место ты считаешь достойным меня?

– Нет, – залепетал бывший Верховный, – это место – лишь временное убежище...

– Кто помешал тебе исполнить мое повеление?

– Годже Ках... Он выкрал Архитектора и передал его восставшим.

– Годже Ках... Целитель с чистым Даром... Упустив его, ты разочаровал меня еще сильнее. Он нужен был мне больше, нежели дворец. Как мог такой человек, как ты, совершить столь грубую ошибку? Ты ведь был у них правителем, не так ли?

Эбонадо только кивнул, судорожно сглатывая.

– Это говорит о глупости людей, живущих сегодня. Почему тебя избрали в правители, Маленький Пророк?

У правителя, потерявшего свой Скипетр Силы, слов не было, и Атаятан продолжал:

– Но ведь это ты – тот, кто пробудил меня. Ты рискнул и выиграл. Тяжелым трудом ты заработал себе место в моем Первом Круге и имя. Мне не нужна твоя смерть. Но не думай, что она теперь тебе уже не страшна. Ты живешь, пока я бодрствую, и это делает тебя самым преданным мне слугою... и самым опасным моим врагом. *Пока* самым опасным. Твое имя – Эльфил.

– Что означает оно? – мертвым голосом спросил Атосааль. Язык, используемый Атаятаном-Сионото-Лосом, был неизвестен даже Мастеру Пророку, прожившему больше трехсот лет и имеющему доступ к лучшим библиотекам этого мира.

Древний рассмеялся:

– Ты не знаешь, что означает *мое* имя, хотя безумно жаждешь узнать. Теперь ты еще и не знаешь, что означает *твое* имя. Ищи!

Смысла в этих словах Элий не нашел, но Атосааль, по-видимому, смысл этот понял: он побледнел еще больше, даже его губы стали одного цвета с лицом, и он казался безротым призраком со своими длинными, до самых пят, распущенными седыми волосами...

– Принимаешь имя, не зная его значения? Рискнешь еще раз? Как ты рискнул однажды, пробуждая меня? Ты ведь Пророк и должен знать, что такое: принять имя.

Атосааль стоял неподвижно – он боролся с самим собой, но иного выхода, как принять это неизвестное имя, у него не было, и он обреченно произнес:

– Принимаю...

Пришла очередь Элия, и он без страха, высоко задрав голову, взглянул в бесцветные, с кровавой бездной вместо зрачков, глаза. Атаятан, как всегда, улыбался.

– Сын хаоса. Ты не боишься меня. Ты замерзший во льдах и сгоревший в огне. Я не могу дать тебе имя, потому что ты уже назван, ты уже принял свое имя. Давно... очень давно... для человека, конечно. И ты знаешь его.

Элий смутно догадывался, о чем говорит Древний.

– Твое имя – Варталас: Гнев! Не так ли?

– Да, – ответил Элий, не отводя взгляда, – это мое имя!

Глава 8

Сделка

Итин Этаналь

Итин не узнавал сам себя. Да и перестал уж было об этом задумываться. Таким, признаться честно, он себе нравился гораздо больше: веселым, смелым, решительным, имеющим настоящих друзей... и ничего, что среди его друзей в основном боевые Одаренные. А если вспомнить, при каких обстоятельствах они познакомились, так у любого мирного Мастера и вовсе волосы встанут дыбом. Мах и Шос, Тико и Тоше, а также Марил подловили его когда-то в подворотне и хотели устроить ему погребение прямо на улице Города Семи Огней. А сейчас ни дня не проходит, чтобы они не веселились вместе в какой-либо забегаловке, где разливали выпивку, которую Итин и нюхать-то с трудом мог, не то что пить, и пели песни, от которых покраснели бы и Хабар с Эй-Га. Это не означало, что Итин вдруг заделался гулякой и выпивохой – просто теперь он, как и большинство прочих Мастеров Силы, по особому указанию Верховного переехал жить в Здание Совета, а туда не приведешь в гости шумную компанию: строгие старшие Мастера, у многих из которых есть семьи, сразу начнут жаловаться на шум поздней ночью. А подобные таверны открыты все время, и вряд ли, как утверждал Шос, Древний с его приспешниками станет разыскивать в таких местах Одаренных.

Сегодня они весь вечер провели всемером. Когда-то их компания насчитывала двенадцать человек, то теперь Элинаэль – Советник Кисам, Иссима и Эдрал больше времени проводят с ней, нежели с ними, а Вирд так и вовсе – Верховный... только подумать... И Лючин, девушку, которая поначалу была с ними неразлучна, теперь редко можно было увидеть. Хабар из-за этого очень страдал. Поговаривали, что Лучницу встречали в обществе высоченного, широкоплечего рыжего кутийца... А от этого Хабар и вовсе норовил напиться с горя.

Но Итину незачем жаловаться! В простой мужской компании, где не нужно следить ни за манерами, ни за языком, – оно даже веселей. Все парни-студенты: Мах, Шос, Тико, Тоше, Марил и Хабар, были теперь закреплены за Золотым Корпусом и, к своему огромному счастью, тренировались больше там, чем учились в Академии Силы. Они готовились к войне, как и вся Тария. Но этот вечер – пока еще мирный – всецело принадлежит им. «Мы, Одаренные, долго кажемся молодыми, – говорил когда-то Итину его учитель в Академии Силы Мастер Хартей, – но недолго ими остаемся. Веселись, пока горяча кровь». Сдержанный с юности Итин раньше не понимал его мудрости, а теперь вот – последовал совету Мастера.

– Мастер Драг нас загонял совсем, – жаловался Мах, потирая кисть правой руки.

– Тренируй и закаляй тело – и легче будет справиться с любым оттоком, а слабого отлив убьет сразу, – поучительным тоном, повторяя высказывание кого-то из своих учителей, говорит Марил.

– Да... – кивает Мах, – но нельзя же так... без передышки. У меня все тело болит!

– Хочешь назад в Академию, протирать штаны на занятиях по философии? – смеется Шос.

– Да упаси меня Мастер Судеб! – делает круглые глаза Мах.

– Мы с Тико тоже едва ноги передвигаем после занятий, – признался Шос. – Но все равно – это лучше, чем та скуотища, что царит в Академии. Нам еще повезло, а то сидели бы там еще несколько лет безвылазно. А так есть шанс умереть на войне.

– «Пал смертью героя в битве кровавой, с собою и юность врага прихватив, отправившись с братьями в смерти объятья», – задумчиво процитировал Марил строки из баллады, превращая неудачную шутку Шоса в повод для печальных размышлений.

И они замолчали, но ненадолго.

– Хабар! – воскликнул Мах, отодвигая бутылку с вином от парня. – Ты что? Ты так до дому сам не дойдешь! А нам завтра вставать спозаранку!

Хабар сегодня пребывал в особо расстроенных чувствах. Он налегал на выпивку и уже опустошил третий или четвертый кубок.

– А я вот что скажу... – начал он, нечетко выговаривая слова, – лучше бы все было по-прежнему! И Лючин была бы с нами... а не ... где-то... где-то... Я ее вообще сейчас... не вижу... Она загордилась!

– Разве Лючин не тренируется с вами? – поинтересовался Итин, который не очень-то разбирался, как у них там в Золотом Корпусе все устроено.

– Нет, – ответил Марил, – она же Лучница; ее определили к Мастеру Маштиму.

– К тому из них, который женщина, – уточнил, ухмыляясь, Мах.

– Но Хабар не только из-за этого волком воет, – подключился к беседе Шос, – ему сегодня опять кто-то рассказал, что Лючин видели с кутией.

Товарищи накинулись на Хабара, вынуждая его прекратить упиваться вином и сокрушаться по Лючин.

Итин же задумался об Иссиме: они проводили так много времени вместе, но сблизиться так и не сумели. После произошедшего с Кахом, узнав о преступлении Эбонадо Ато-сааля, девушка полностью закрылась в себе, ее огорчил поступок деда, что неудивительно. Но еще больше, как показалось Итину, она огорчилась, узнав о чувствах Вирда к Элинаэль. В последнее время она мало общалась с кем бы то ни было, кроме той же Элинаэль и Эдрал. А что оставалось Итину? Лишь вздыхать и сожалеть, что не воспользовался возможностями, робел перед ней и тянул с признаниями? Или напиться, как Хабар?

Виновица бед последнего неожиданно нарисовалась в дверном проеме таверны. Приличным девушкам без сопровождения в подобном заведении следовало опасаться приставаний и грубостей, но Лючин могла кому угодно надавать по рукам, а если потребуется, то и проучить, прибегнув к более суровым методам.

Одета она была, как обычно: в костюм, что больше подошел бы не хрупкой симпатичной девушке, а парню-студенту из Академии Воинств. Скользнув черными насмешливыми глазами по наполнявшему зал народу, она сразу же заметила их компанию и, не раздумывая, направилась к ним.

– Доброго вечера! Пьете? – сказала она, отодвигая стул, присаживаясь и закидывая ногу за ногу.

– Да успеешь тут за Хабаром! – ответил ей Шос.

Хабар зыркнул мутным и сердитым взглядом исподлобья и снова потянулся к бутылке, но Мах тут же передвинул ее в зону недосягаемости.

– А что ты без рыжего? – решил тогда спросить огорченный выпивоха.

– Без Ого? – засмеялась Лючин. – А зачем мне его сюда приводить? Чтобы вы его прирезали? Вас тут четверо Одаренных Мастеров Меча, и еще двое Разрушителей. А у Ого горячая кутийская кровь. Я же не растеряла последние мозги, чтобы сталкивать вас лбами.

– А с чего ты решила, что мы будем с ним драться? – удивился Мах. – Да мы бы не стали его трогать!

– А я бы стал! – сразу подключился Хабар: ему, молчаливому и сдержанному обычно, вино развязало язык и придало пьяной отваги.

Лючин красноречиво указала на него раскрытой ладонью:

– Видите! А что я говорила?!

– Веди сюда своего кутийца! – громыхнул кулаком по столу Хабар. Итин даже вздрогнул от неожиданности. Парень хоть и был очень низок ростом, но в плечах он шире любого из здесь сидящих, а ручки у него – как у кузнеца. – Я не буду брать в руки меч! Буду драться с ним без помощи Дара!

– Хабар! – наклонилась к нему Лючин. – Зачем тебе с ним драться? Пропись вначале!

– Лючин! – вдруг захныкал Хабар. – Я же тебя люблю... Понимаешь? Люблю!

Нет... все-таки Итин не станет напиваться из-за Иссимы – не хочет он выглядеть всеобщим посмешищем. А Хабара жаль...

Вдруг у Тико, который сидел лицом к двери, округлились глаза, и Итин, обернувшись, понял почему: на голове вновь вошедшего в таверну высоченного парня пылали ярким пламенем огненные волосы. Приглядевшись, Итин отбросил сомнения – это Ого. Он даже не стал искать их компанию глазами и от двери направился напрямик к их столу, будто бы они здесь были единственными посетителями.

– Доброго вам вечера, – поклонился он, прикладывая руку к груди: этому жесту его уже научили в Академии Воинств. А затем, задорно улыбаясь, обратился к девушке: – Куда это ты пропала, Лючин?

Выбор Лючин понятен, девушкам нравятся вот такие рослые, плечистые, веселые... Не то что Хабар... или он – Итин. Хабар хотя бы будет Мастером Оружия, а Архитектор, пусть даже такой, как Тотиль... как легендарный Тотиль – талантом, но не характером... вряд ли привлечет внимание.

– А! – заорал Хабар. – Вот он! Сам пришел!

Ого покосился на него и вновь обратился к Лючин:

– Ты же сказала, что ненадолго.

– Почему ты не ожидал меня на улице?... – прошипела она.

– Я что, собака – ожидать на улице? – Он так же весело улыбается – этот парень и не думает обижаться на своенравную и иной раз грубоватую Лючин, но не даст обращаться с собой, как с прирученным песиком.

– А кто ты, как не собака?! – Хабар жаждал крови.

Итин не знал, как именно действует боевой Дар, и может ли его носитель сражаться так же сверхъестественно ловко без меча, как с мечом, но если не принимать в расчет, что Хабар – Одаренный, а Ого – нет, то шансы их на победу в драке равны. Впрочем, ему ли – мирному Мастеру, оценивать или судить поединки?

На последнюю фразу Ого отреагировал: веселая добродушная улыбка разом исчезла с его лица, шрам на щеке побелел, и вид у него стал зловещим и опасным. Итин слышал – кутийцы характером похожи на огонь, что в их волосах.

Хабар встал и, высоко задрав голову, чтобы видеть глаза Ого, которому едва доходил до груди, выкрикнул ему в лицо:

– Что ты к ней прицепился? Ты ей не ровня! Кто ты вообще такой? Ты даже защитить ее не сможешь в бою!

– Я не смогу?! – Кутиец сделал шаг навстречу Хабару – и вот они стоят, почти упершись друг в друга.

Итин возблагодарил Мастера Судеб за то, что студентам, как Пятилистника, так и Академии Силы, не дозволяется носить при себе меч.

– Сейчас я покажу тебе... – Хабар не закончил: Мах и Шос переглянулись, разом встали и, подхватив его под руки, просто вынесли из таверны.

Итин только открыл рот – парень, несмотря на свой рост, весил не меньше двухсот фунтов, а они подняли его, словно ребенка, и унесли, не обращая внимания на яростное сопротивление.

Ого тоже был поражен и обескуражен таким внезапным исчезновением агрессивного соперника.

– Прости, Ого, – извинился за всех Тико, – просто Хабар перебрал сегодня. Не обращай на него внимания. Мах и Шос отведут его домой. А ты садись, выпей с нами.

– Да-да, – подключился Марил, – садись!

Ого еще несколько мгновений постоял, глядя в сторону дверного проема, затем на его лицо вернулась широкая улыбка, и он сел за стол. Лючин же поджала губы и сузила глаза: ей очень не понравилось то, что произошло. Но когда Ого, как бы ненароком, накрыл своей огромной ладонью ее маленькую девичью ручку, она потихоньку оттаяла, и ее глаза снова стали смеяться.

В свои комнаты Итин вернулся уже за полночь. В коридорах Здания Совета никогда не бывало темно: столько тарийских светильников, как здесь, не было больше нигде в Городе Семи Огней. Можно потерять ощущение времени, забыть – день сейчас или ночь. Но днем тут можно встретить спешащих по своим делам Мастеров Силы, членов их семей или слуг, а сейчас вокруг безлюдно и тихо.

Поначалу Итин мог часами гулять по этому зданию, рассматривая глянецевую штукатурку, расположение окон, изгибы арок и резьбу по ним, картины на стенах, перспективу лестничных пролетов и прочие детали, созданные когда-то очень давно, не Тотилем – другим, жившим еще при первом составе Совета Семи. Сейчас архитектура Здания Советов стала для него привычной, как дом, в котором он вырос. Здесь легко, здесь он в безопасности и здесь не чувствуется одиночество или пустота, даже когда возвращаешься домой поздней ночью совершенно один.

Итин предвкушал мягкую постель и крепкий сон – сегодня он помотался и изрядно устал. Пройдя прихожую и кабинет, Итин сразу же направился в спальню, на ходу расстегивая и стягивая с себя кам. Он отчаянно зевал и моргал уставшими глазами, поэтому не сразу заметил сидящего на его кровати человека. «Что за посетитель в такое позднее время?» – удивился Итин.

Присмотревшись, он узнал гостя и удивился еще больше: это был Лакле – один из поваров. Так как у Итина Этаналья, как у всякого особо уважаемого Мастера Силы, не было еще личного повара, его согласились выручить повара Верховного и Советников, старший над ними – Ротейлас, пообещал со временем присмотреть и посоветовать ему настоящего мастера своего дела, который сможет приготовить что угодно из любой кухни известного мира. А пока Итина вполне устраивало существующее положение – из кухни Советников ему присылали завтраки, обеды и ужины, радовавшие разнообразием и изысканным вкусом блюд. Но с самими поварами Итин встречался только в их владениях, среди звянущей посуды и дымящихся кастрюль, одурманивающе пахнувших свежеевыпеченных булочек и вызывающих зверский аппетит румяных окороков. Почему Лакле, которого, кстати, Итин не так хорошо знал, общаясь больше с Ротейласом, сидит на его кровати в столь позднее время?

– Добрый вечер, – поздоровался Итин, ожидая, что гость сейчас все ему объяснит.

Лакле поднял глаза, и Итин попятился, сам не понимая почему... Что-то страшное было в его взгляде... нечеловечески страшное...

– Здравствуй, Архитектор! – произнес он мягко и музыкально, голосом, которому позавидовал бы лучший певец в Городе Семи Огней.

– Что ты... делаешь здесь... Лакле? – Итин отошел от него как можно дальше и едва не уперся в стену.

– Ты знаешь, что я не Лакле, – сказала существо, и сердце Итина замерло... замерзло. – Я пришел, чтобы торговаться.

– Что?... Торговаться? Со мной?

– Разве люди не любят торговаться? Вы покупаете и продаете все.

– Кто ты?

– Мое имя – Атаятан-Сионото-Лос!

Итин вскрикнул бы, если бы не закрыл себе рот обеими ладонями.

– Я хочу предложить сделку.

«Сделку? Со мной? – судорожно думал Итин. – Жизнь или смерть?.. Он хочет связать меня?»

– Мне нужен дворец, который ты не достроил, – пояснил Древний.

Перед мысленным взором Архитектора замелькали начатые им ярусы дворца на берегу залива Тиасай, и он почувствовал отвращение к этому творению. Его хотели тогда обманом заставить строить для врага человечества.

– Я знаю, что вам нужно время. Вам нужна отсрочка. Я готов дать ее. А ты за это построишь мне дворец.

Итин попытался что-то ответить, что-то спросить, но страх сковывал его уста и путал мысли, а Атаятан тем временем продолжал:

– Один год я не стану нападать на ваши земли. Один год! Вы сможете подготовиться. И мне будет более интересна эта игра. Я мог бы и сейчас смести всех вас с лица земли, но тогда я не получу удовольствия от борьбы. Подумай, Архитектор, ты можешь спасти свой народ.

– Но я... Я должен... Я...

– Если ты решишься, то через три дня тебя будут ждать на том самом месте, где ты начал и не закончил работу. Ты построишь мне дворец, который будет превосходить по великолепию все прочие строения вашей страны. Когда-то здесь было место, не сравнимое красотой и величием ни с чем существующим ныне. Но вы – глупые существа, вы разрушили все прекрасное, только потому, что это было моим!

Итин не понимал, о чем он говорит. Разве до Города Семи Огней здесь было что-то, кроме полей и лесов?

– Когда ты придешь, чтобы строить, я покажу тебе то, что было. Ты увидишь и научишься. Я также предложу тебе свою силу, чтобы ты мог строить еще лучше. Но я не стану заставлять тебя – это сделка. Я даю вам отсрочку – вы даете мне дворец.

– Но разве у тебя нет тех, кто может построить лучше меня, с твоей силой? – Итин сам удивился тому, что осмелился задать вопрос.

Лакле долго смотрел на него глазами Атаятана и только потом ответил:

– Думай, Архитектор, думай. Если ты согласишься на сделку, не только твоя Тария, но и ты сам один год будете в безопасности. А если откажешься, то я не устою перед искушением найти тебя и выпить твой Дар!

Итин сглотнул.

– Хотя я предпочел бы связать тебя со мной. Место в Первом Круге для тебя! Поверь, не многие теперь удостоятся такой чести.

Итин еще раз сглотнул, а Атаятан рассмеялся:

– Через три дня, у залива Тиасай.

Он встал, по его глазам будто пробежала тень, и на округлом толстощеком лице Лакле уверенное и вызывающее ужас выражение сменилось изумлением. Затем конечности его стали конвульсивно дергаться, он в судорогах повалился на пол, кожа покрылась волдырями и слезла... Итин стоял, вытаращившись на эту ужасную картину, не в силах ни отвернуться, ни пошевелиться.

Когда все закончилось, и изуродованный Лакле замер на полу, Итина затрясло, и он ринулся в туалетную комнату – опорожнить желудок.

Эрси Диштой

И вновь захудалая деревенька на его пути. Вновь забытые люди. Вновь неизлечимый больной. И вновь он исцелил... Теперь Дар не мог заставить Эрси исцелить, как заставлял Годже Каха, но сам он становится с каждым днем все более и более (до противоположного!) милосердным, за что злится на себя. Так он и правда превратится в проклятого Астри Масэнэсса и будет бродить остаток своей жизни по забытым всеми деревням, бескорыстно помогая простым людям.

Впрочем, мимо многих и многих больных за это время ему удалось пройти, не выказав себя. Некоторых он все равно не смог бы исцелить – там нужен был Отсекатель, другие не тронули его сердце так, как девочка в этой деревне: маленькая больная Мали и ее несчастные родители...

В течение нескольких дней Эрси изо всех сил отворачивался от ее больших синих глаз на обрамленном каштановыми кудряшками лице, прятал глаза он и от ее матери и отца. На этот раз Эрси не жил в доме, где был больной, а встретился с немногочисленным семейством Байлов, когда надумал приобрести себе новую куртку. Ночи были еще холодными, да и утром без куртки зябко, а его старая порвалась в нескольких местах и имела такой вид, что в ней его принимали не за путешествующего учителя (как он теперь представлялся), а за нищего воришку, ищущего, где бы пожить. Не мешало прикупить и еще одну пару сапог. Одж Байл – отец семейства был сапожником, а жена его шила лучше и быстрее многих столичных портных. Вот к ним его и отправили жители Верхних Долов.

Девочку Мали, лежащую на кровати, он впервые увидел, когда Кайха Байл снимала с него мерки. Мали не носилась по улице вместе с другими детьми – это бы ее убило, как пояснила мать. Зато девчушка могла петь, а музыка и пение всегда находили самую короткую дорожку к сердцу когда-то Годже Каха, а теперь Эрси Диштой. Голос ее звучал так жалобно, когда она исполняла известную всем балладу о безвременной кончине Масэнэсса, что законченный циник Эрси едва не расплакался.

За время пребывания в Верхних Долах он приходил в этот дом еще пару раз: чтобы выбрать кожу для сапог и примерить почти законченную куртку. И каждый раз Мали пела, а Эрси кусал себе губы от досады, борясь со своим желанием ей помочь. И пение победило. Забрав законченные сапоги и куртку и отсчитав Байлам два огонька и семнадцать искр, Эрси решил.

Такая слава, как в Больших Лугах, ему не нужна. Он едва оттуда вырвался. Староста, Бини и его мамаша, и еще человек двести жителей уговаривали его остаться, а когда поняли, что это бесполезно, рвались организовать ему триумфальный эскорт. Эрси плохо стало, когда он представил себе эту картину: телега, запряженная лучшим деревенским «скакуном» тяжеловозной породы, украшенная живыми цветами и разноцветными тряпками, на которой он стоит, заложив руки за спину, в позе собирающегося на войну Кодонака, а позади выстроились пестро разодетые селяне, вооруженные лютьями, барабанами, бубнами и просто лужеными глотками, дабы восхвалять его... Ему и сейчас не до конца верилось, что удалось покинуть Большие Луга без всего этого пафоса, но он немало сил положил, отнекиваясь.

Чтобы не допустить подобного в этот раз, он решил прежде, чем приступить к исцелению, поговорить с Байлами по душам и дать им подробные инструкции: что делать, а чего не делать, когда он будет валяться в оттоке. Он даже историю для этого выдумал. Эрси отсутствием фантазии никогда не страдал.

– Вот что я вам скажу, уважаемые господин и госпожа Байл, – начал он, и супруги внимательно на него уставились, – я могу помочь вашей дочери.

– Чем вы можете ей помочь, господин Диштой? – спросил Одж, хмурясь. – Мне не по карману нанять учителя для нее, а сам я немного умею читать и писать и девочку тому научу. – Он неверно понял, в чем именно будет заключаться помощь Эрси.

– Я могу помочь в поправке ее здоровья.

– Можете? – Глаза Кайхи загорелись, а ее муж не питал излишних иллюзий:

– Зачем вы говорите так, господин Диштой? Знахарка из самого Тралтея осматривала Мали и сказала, что тут может помочь разве что Мастер Силы. Она дает нам разные травы, что поддерживают огонь в ней... – Отец печально опустил глаза.

Эрси вздохнул.

– Я – Мастер Силы, – выдавил он из себя, – Целитель. Но об этом никто знать не должен – у меня важное государственное дело, и я спешу его исполнить. Но Мали... она так хорошо поет, что я не мог пройти мимо. Я могу ее исцелить.

– Вы – Мастер Силы? – переспросила Кайха и добавила (эти слова всегда звучали, когда люди узнавали о Даре Эрси): – А почему у вас стрижены волосы?

Он снова вздохнул:

– Так надо. Я же сказал, что никто не должен знать.

– Сейчас в Тарии беспокойные времена, – задумчиво протянул Одж, теперь они с женой поменялись местами: он начинал надеяться, улавливая логику в словах Эрси, а она все больше пропитывалась подозрениями.

– Поэтому, прежде чем ее исцелять, я хочу попросить вас кое о чем.

– О чем же? – насторожился отец.

– Первое, не говорите обо мне никому, пока я не уйду достаточно далеко. Второе...

– Вы уверены, что получится? – возбужденно перебила Кайха.

– Получиться-то оно получится, но мне придется за это заплатить...

– Вам нужна плата? Мы отдадим все деньги, что у нас есть, и любые вещи... – Они вновь неверно его поняли.

– Не вам нужно будет платить. Тем более что Мастера Силы денег за действия Дара брать не могут. Мне самому придется платить! Слышали об оттоках? После исцеления я, скорее всего, потеряю сознание, у меня могут быть судороги, ну и прочая ерунда... Так что, когда я закончу – вы заберите свою девочку, чтобы она этого не видела: зрелище не очень-то приятное, а меня оставьте в покое, пока я не приду в себя. И не вздумайте никого звать на помощь!

Теперь у них обоих возбужденно горели глаза, и они кивали, соглашаясь выполнить его инструкции; все-таки селяне могут шевелить мозгами, если захотят, и если конечно же мозги эти у них имеются...

У Мали больным было сердце, и исследуя ее своим Даром, Эрси убедился, что беготня с другими ребятами по деревенским улочкам действительно убила бы маленькую певунью. Исцеляя ее, он был полностью уверен в правильности своего решения: Мали должна жить, должна петь. А когда он заканчивал латать больное сердечко, его Путь Силы, способный не только исцелять тело, но и видеть связь плоти и Дара, нащупал в девочке туго свернутый узелок. Мали была Одаренной, и лет через десять этот узелок развернется, и ей будет открыта дорога в Город Семи Огней. Эрси радовался по-настоящему, искренне, когда понял, что вместо оставшихся больной девочке двух-трех лет, как он думал ранее, Мали проживет три сотни. Может, у нее Дар Музыканта, и она будет играть на флейте?... Эрси вспомнил Динораду и помрачнел. Когда он падал в оттоке, мысли его спутались и затуманились, образ играющей на серебряной флейте Мастера Айлид покрылся черной пеленой, а образ поющей, сидя на постели, дочери Байлов засиял ярким солнечным светом.

– Вы сказали, что Мастера Силы не могут брать денег за свою работу, но хоть чем-то мы можем вас отблагодарить? – спрашивала Кайха, когда он очнулся.

– Дайте мне поесть, – буркнул Эрси: его обычные раздражение и нервозность усиливались вместе с голодом. Когда он подкрепится, то станет едва ли не самым благодушным обывателем в этой деревушке.

Радовало, что Байлы не позвали все Верхние Доли, уложили его в кровать и, когда он попросил поесть, сразу же бросились исполнять его желание.

В комнату, где он, еще чувствуя некоторую слабость, лежал в постели, вошла Мали, на ее обычно бледных щеках играл здоровый румянец, и Эрси знал, что девчушка может теперь без страха перед смертью играть со сверстниками в догонялки и мотаться хоть целый день по всей деревне.

– Спасибо, Мастер Диштой, – сказала она звонким голоском. – Вы забрали мою болезнь?

Он кивнул, улыбаясь. Общество девочки утихомирило его раздражительность.

– И теперь вы будете болеть вместо меня? – тревожно спросила она.

– Нет, что ты! – рассмеялся Эрси: слава Мастеру Судеб, но от Целителей не требовалась такая цена.

– Тогда почему вы лежите в постели? Вам ведь было плохо?

– Это скоро пройдет. Я только поем – и все как рукой снимет. Просто я устал, когда тебя лечил.

Она засияла улыбкой:

– Хотите, я для вас спою?

Эрси искренне закивал – он хотел.

– Когда ты вырастешь, – сказал он, растроганный красивым пением, – то пойдешь учиться в Город Семи Огней и станешь Мастером.

Девочка посмотрела на него широко распахнутыми глазами, она не поняла смысла сказанного, но запомнила на всю жизнь – он это знал. Эрси внутренне рассмеялся: слухи об ожившем Астри Масэнэссе получают пищу в этой деревеньке, и люди будут рассказывать по всей Тарии, что он исцелил девочку, а затем напроорочил ей будущее Мастера Силы. Если Астри Масэнэсс и был реальной исторической личностью, а не просто выдуманным героем легенд, то половина приписываемых ему поступков уж точно была делом рук таких вот, как он – Эрси, Мастеров Силы, которые сами не знали, чего хотят и куда идут.

Мали выпроводили из комнаты отец с матерью. Одж косноязычно высказал Эрси слова благодарности, дочь сапожник любил и по поводу ее исцеления радовался даже больше, чем сама больная. Глава семейства отправился в свою мастерскую, шить очередную пару сапог, или просто поспешил убраться, тяготясь огромным долгом перед Целителем, как оплатить который не знал. Кайха же вежливо оставила Эрси наедине с обильным обедом, и он принялся набивать живот, не сдерживаясь и не следя за манерами.

Он еще не закончил, когда жена Байла вернулась, подошла к нему очень близко и нежно провела рукой по его всклокоченным волосам. «Вот ведь выдумала способ меня благодарить! – думал он, судорожно дожевывая пирог с мясом. – А она очень даже красивая женщина!» Эрси сглотнул и заморгал, борясь с желанием – не очень-то прилично и безопасно заниматься этим прямо в доме, когда муж может вернуться в любой момент. И тогда сапожник его отблагодарит... палкой по спине... Тем более Мали где-то здесь... вдруг она войдет? Не хотел бы он, чтобы девочка увидела... Но Кайха казалась такой прекрасной и желанной, что он едва сдерживался, с трудом соображал и не сразу увидел в ее глазах нечто знакомое. А когда понял и осознал – ужас и отвращение разом отрезали любую похоть! Теми же глазами смотрела на него Лолли! Когда Кайха заговорила сладким и томным голосом, последние сомнения оставили его: тот же голос, те же слова!

– Это ты сделал? Но ты не мог? Зачем ты меня дразнишь?

Он смотрел на нее, придумывая, каким путем будет убегать. Может, это и глупо: убегать от красивой женщины, которая всем своим видом дает понять, что готова разделить с ним постель, но... Женщина ли это?.. Человек ли?..

– Я чувствую запах сильного Дара, но когда прихожу – его нет. Как может такое быть? И каждый раз здесь оказываешься ты... У тебя есть спутник? – продолжала она; ее голос заставил бы любого мужчину думать только об ее прелестях и не вникать в ужасный смысл сказанного, и если бы не страх, Эрсси тоже не заметил бы ничего.

«Атаятан? – подумал он. Волна паники, ужаса и отвращения ударила в голову. – Он меня нашел?.. Сильный Дар...» Но Атаятан заставлял людей испытывать ужас, только ужас, а это существо разжигало желание... Но оно охотится за его Даром! Оно само призналось только что! Может, это какой-нибудь посланник Древнего, вынюхивающий Эрсси, идущий по следу, оставляемому Силой? Он задрожал, но существо, управляющее телом этой женщины, не обратило на это внимания. Она склонялась к нему все ближе и ближе, как для поцелуя, но Эрсси одолел такой ужас, что он видел перед собой не манящие сочные губы, а разверзнутую зубастую пасть чудовища. Он отпрянул и выгнулся, нащупывая руками опору позади себя – деревянный стул.

Женщина, не добравшись до его губ, заметила наконец, что жертва ведет себя не совсем так, как должна.

– Разве ты не хочешь быть со мной?

– Просто... – заикаясь, объяснялся Эрсси. Наверное, не стоит давать существу понять, что он что-то заподозрил, – твой муж здесь... Он может войти прямо сейчас.

Она обернулась в сторону двери. Настоящая Кайха знала, что муж не в доме, а в мастерской.

– Я, конечно, не против... но лучше потом, вечером... Где-нибудь в рощице, я видел здесь неподалеку одну густую рощицу. Там нам никто не помешает. – Разговаривая, он чувствовал себя немного лучше, хотя сердце готово было выскочить из груди.

– Так у тебя есть спутник? – вновь посмотрела она на него.

– Есть! – соврал Эрсси. – Но он ушел... Пошел в... Касинан – на запад. – Может быть, удастся ввести ее... его... это... в заблуждение и направить по ложному следу, а если Эрсси не станет больше никого исцелять, то существо его не найдет.

– Хорошо. – Женщина повернулась и направилась к двери.

Неизвестное создание покинуло тело Кайхи, только когда та вышла из комнаты. Эрсси в проем незатворенной двери видел, как согнулась женщина, а выпрямившись, принялась удивленно оглядываться по сторонам.

Нужно уходить! Нужно бежать!..

Глава 9

Меняющая Обличья

Вирд-А-Нэйс Фазль

– О Сияющая! Ты прекрасна! Служить тебе – награда! – нараспев восклицали невысокие черноволосые и черноглазые мужчины и женщины с кожей более смуглой, чем у арайцев, но не черной, как у утарийцев. Они были одеты в балахоны из разноцветных полос ткани. Всевозможные оттенки нашли себе место в их пестрых нарядах и украшениях: ага-товые бусы, золотые серьги, браслеты, кольца на руках; головы многих стягивали золотые обручи.

Их было около трех дюжин. Четверо били в продолговатые высокие, в полроста человека, барабаны, все остальные аккомпанировали себе разворачивающимися веером деревянными палочками, издававшими клацающие звуки. У женщин в волосах были колокольчики, и те трясли головами, чтобы звон их раздавался непрерывно.

Впереди всех танцевала женщина, скорее – юная девушка, отличавшаяся обликом от остальных: она была обнажена до пояса, а на бедрах в такт движениям колыбалась юбка, расшитая медными дисками; больше десятка ниток бус обременяли ее хрупкую шею, а руки были унизаны браслетами.

Но это не ей пели «О Сияющая!», сама девушка повторяла те же слова, глаза ее были закрыты, а руки простирались ладонями вперед.

Вирд, пребывая в этом видении, стоял прямо напротив нее и не мог обернуться, чтобы посмотреть, кто у него за спиной и кому они поклоняются. Место, где он находился, было жарким: сухой ветер, что иной раз касался его волос, не приносил желанной прохлады. Вирд был уверен, что это не Ара. Это место южнее, еще южнее... Вокруг росли высокие стройные пальмы, и виднелись совершенно белые прямоугольные, без лишних украшений, здания. Дорожки и площадь, на которой они сейчас находились, были вымощены обтесанными камнями красного цвета.

Где-то вдалеке среди песков, окружающих город, Вирд видел огромные статуи, искусно изображавшие восьмерых мужчин и женщин, стоящих спинами друг к другу и глядящих во все стороны света. Одна из статуй – невероятно красивая женщина – сейчас смотрела каменными бесцветными глазами прямо на него. Вирд кожей чувствовал ее взгляд, а также взгляд того, кто был у него за спиной. Но, как часто бывает в видении, он не мог пошевелиться.

Девушка танцевала так близко, что он ощущал ее дыхание, она едва не касалась его руками, изгибающимися в такт барабанам. Он слышал, как позвякивают браслеты на ее руках и постукивают друг о друга камни бус, как глухо стучат по красным камням ее босые ноги. Мог разглядеть подрагивающие ресницы закрытых глаз и прозрачную круглую слезинку, что вдруг скатилась по смуглой гладкой щеке. Темп музыки увеличивался, а девушка, наоборот, замедляла движения, и когда грохот барабанов и трещоток в руках собравшихся достиг апогея, она упала на колени и неподвижно застыла.

Женщина постарше мгновенно оказалась за ее спиной и неожиданным и таким быстрым, что Вирд ничего не успел сообразить, движением... перерезала танцующей горло. Кровь хлынула прямо на него, и он едва не задохнулся от возмущения, страха и собственной беспомощности.

Придя в себя в библиотеке Семи, Вирд, тяжело дыша, дрожащими руками отодвинул книгу, написанную одним Советником в далеком прошлом: «Размышления о власти

Верховного»; он заинтересовался названием после «испытания», устроенного ему взбалмошной Иссимой. Та говорила о безграничной власти, а Вирд чувствовал только безграничную тяжесть ответственности. В книге было множество мудрых поучений, глубинный смысл которых упорно ускользал от него, так как голова была занята совсем другими думами. Конечно же подобное видение не могло быть вызвано философскими размышлениями автора – оно вообще никак не связано с этой книгой.

У Вирда долго не получалось прийти в себя. Не верилось, что кам чист от крови, хлынувшей прямо на него из распоротого горла девушки. Он далеко не сразу сумел унять дрожь в теле и восстановить дыхание. Что это за видение? *Кто* был у него за спиной?

Он встал и принялся мерить шагами комнату, ступая бессознательно по украшающим ковер белым ромбам и обходя красные.

Мастер Абиль Сет проскользнул в это отделение библиотеки совершенно бесшумно, он держал в руках сразу пять или шесть толстых томов, прижимая их с нежностью к груди. На его длинных волосах были пыль и паутина, как и на широких рукавах старомодного серого кама. Заметив Вирда, Сет замер и стал смотреть на него, как на птицу, случайно влетевшую в комнату, будто бы его – Вирда, тут просто не могло быть.

– Приветствую, Мастер Сет, – кивнул ему юноша, и тот рассеянно ответил тем же.

– Ты удивлен моим присутствием в библиотеке? – прямо спросил Вирд. – Я ведь бываю здесь часто...

– Нет. Я удивлен тем, что... – Толкователь аккуратной стопочкой выложил книги на один из столов, заметил пыль на рукаве, отряхнул ее и только тогда договорил: – Я просто только что думал о тебе... Верховный...

Вирд вдруг вспомнил, что всегда хотел спросить Мастера Сета, не видит ли тот его в пророчествах о будущем? Слова Эбонадо Атосааль: «Ты умрешь, поэтому последствий твоих действий не видно. Ты искра, случайно высеченная. Ты падающая звезда...» – и еще много-много слов... вползли в его душу холодной змеей, и как ни сопротивлялся Вирд, а посеянные Пророком Силы семена все же проросли, и он снова и снова думал: «А может, правда?...» – Что, если ему суждено погибнуть? Кто вспомнит о нем? Если даже первого Верховного – Астри Масэнэсса, человека, прожившего пятьсот лет, записали в выдуманные герои, то чего стоит он – Вирд? А если он умрет, то не сможет защитить Элинаэль, и она обречена.

Пророк среди чатанских Мудрецов также не видел его... «Что успею я сделать, пока мой свет не потухнет, и даже следа не останется от меня?» – Когда-то в видении он видел себя в битве, и создания, похожие на смаргов, атаковали его армию. А после того дня будет ли у него завтра?... Сможет ли он победить, успеет ли?

– Мастер Сет, ответь мне: ты видишь меня в видениях? Если ли пророчества обо мне?

– Нет. Я не вижу тебя, – ответил Сет тихим голосом, и Вирд горько усмехнулся: «Все-таки прав был Атосааль». – Тебя это огорчает? – Странно, что рассеянный Абиль Сет заметил его реакцию.

– Да, – признался Вирд. – Если Пророки меня не видят, значит, меня нет в будущем... Значит... у меня очень мало времени...

Вирд отодвинул стул и сел, скрестив руки на груди и наклонив голову. Прав был Атосааль. Его слова и сейчас звучали мерзким холодным шепотом безысходности: «...любое деяние имеет последствия, а от твоих деяний серьезных последствий я не вижу, а это значит, что след, оставленный тобой, – лишь дым на ветру. Ты написал свое имя на воде, ты сотряс воздух, ты сверкнул на фоне полуденного солнца. Ты молния, ударившая в море, не поразившая никого. Вспышка, гром – и все...»

– Закрой глаза, – вдруг попросил Толкователь.

– Зачем? – удивился Вирд.

– Закрой, закрой. – Сет настаивал, и Вирд зажмурился. Он честно сидел так, не подглядывая, какое-то время, хотя и не понимал, для чего это.

– Открывай! – резко скомандовал Сет. Вирд разомкнул веки и тут же отпрянул, прикрывая лицо руками, – в глаза ударил болезненно яркий свет.

– Что ты видишь? – звонко выкрикнул чужак-Толкователь. – Смотри! Не жмурься! Что ты видишь?

Вирд попытался, но смотреть было больно.

– Ничего не вижу! – ответил он. – Свет слишком яркий!

Мастер Сет убрал светильник, который только что держал в руке, тот взмыл под потолок, а Вирд смог теперь разглядеть комнату и Толкователя, хотя темные и светлые пятна еще плясали у него перед глазами.

– Ну как? – Абиль почему-то выглядел довольным.

– Что это было?

– Ты не разглядел тарийский светильник?

– Разглядел... я чуть не ослеп... – Вирд почувствовал себя глупо.

– Можно не видеть чего-то по нескольким причинам, – принялся объяснять Мастер Сет, усаживаясь напротив Вирда, – иной раз из-за того, что предмета, который ты хочешь рассмотреть, нет. Иной раз потому, что там, куда ты смотришь, – слишком темно, и тьма скрывает предмет. А еще – если яркий свет бьет в глаза! С тобой, Вирд-А-Нэйс, – именно так! Пророки поэтому тебя не видят, а не потому, что ты рано умрешь!

Вирд изумленно хлопал глазами.

– Сам я не делаю прорицаний – вспомогательного Дара Пророка для этого недостаточно. Я могу лишь «погружаться» в тексты. Когда это касается прошлого или настоящего – подойдет любой текст, а если будущего – то только пророчество, составленное другим – Пророком с основным Даром. Текстов о тебе, Верховный, нет... Ты слишком ярко горишь... Почти нет текстов... Был все-таки один, кто тебя видел! Одно пророчество существует!

– Какое?! – Юноша подался вперед, перегибаясь через стол к Сету, и тот сделал то же самое навстречу ему и продекламировал:

Страна, на которую в полдень Дракона не падает тень,
Там тот обретает свободу, в ком полон Создателя день.
Кто знает несчастье и горе, со смертью столкнувшись не раз,
Великим принес он паденье, а слабых и немощных спас.

Вирд хмыкнул и откинулся на спинку стула:

– Разве это обо мне?

– Страна – это Ара, ты обрел там свободу, ты принес «великим» паденье...

– Это все уже было, это пророчество о прошлом, – перебил его Вирд. – Что дальше?

– А чем дальше, тем ты ярче разгораешься, и тем больше нам, Пророкам, смотреть! Тебе самому, кстати, – тоже!

Вирд задумался. Все его сомнения слова Мастера Сета не развеяли, но чуть полегче ему стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.